

ТЕХНИКА МОЛОДЕЖИ

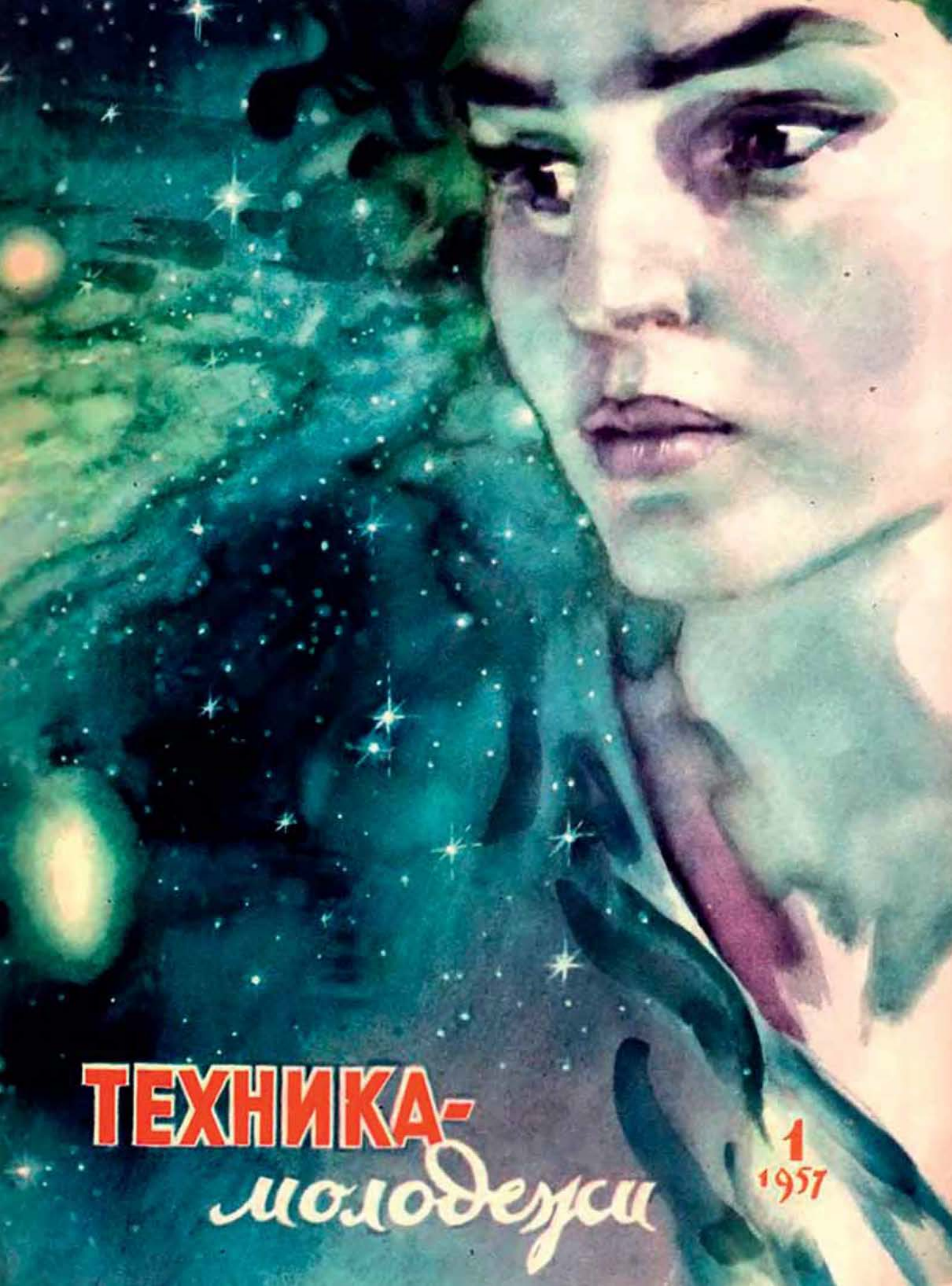
01-02 /2018

ИНТУИЦИЯ «ПРЯМОГО ЛУЧА»

ВСЕЛЕННАЯ
ИВАНА
ЕФРЕМОВА

ТЕХНИКА-
молодежи

1
1957

- 2** Александр Перевозчиков
От редактора
- 3** Андрей Константинов
Вступительное слово
- 4** Геннадий Тищенко
Координаты для заглядывания в будущее
- 11** Николай Смирнов
Космизм Ивана Ефремова
- 19** Николай Смирнов
Земляне на Тормансе – взаимодействие энергий. Борьба действительности и очевидности.
- 23** Альберт Сайфутдинов
О предвидениях Ивана Антоновича Ефремова
- 29** Андрей Константинов
Календарь Ивана Антоновича Ефремова
- 30** Геннадий Прашкевич
Туманность, сгущающаяся в яблоко
- 35** Адам Галис
Разрывая громаду лет С предисловием Ольги Ереминой
- 51** Сергей Александров
Видел ли И.А. Ефремов видеозапись старта «Тёмного пламени»?
- 56** Андрей Константинов
Звёздный зов
- 60** Геннадий Тищенко
Заря в Кызыл-Агаче
- 64** Николай Смирнов
Спасти коржаковию
- 70** Геннадий Тищенко
Кино, телевидение и Иван Ефремов

«Техника – молодёжи» №№ 1-2
Специальный выпуск
Интуиция «Прямого луча»
(Вселенная Ивана Ефремова)

Главный редактор
Александр Николаевич Перевозчиков

Художник и автор-составитель
Геннадий Тищенко

Над спецвыпуском работали:
Сергей Александров
Ольга Еремина
Андрей Константинов
Геннадий Прашкевич
Альберт Сайфутдинов
Николай Смирнов

Дизайн и вёрстка
Алексей Борисов

Корректурa
Александра Васильева

Директор по развитию и рекламе
Анна Магомаева
Тел. (495) 998 99 24
razvittie.tm@yandex.ru

Учредитель, издатель:
ЗАО «Корпорация ВЕСТ»

Адрес издателя и редакции:
ЗАО Редакция журнала «Техника – молодёжи»
ул. Лесная, дом 39, оф. 307
Тел. для справок: (495) 234 16 78,
(499) 978 51 18
tns_tm@mail.ru

Отпечатано в типографии
Отпечатано в типографии «Миттель Пресс»
Адрес: г. Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6.
Заказ №6164.

Для писем:
127055, Москва, а/я 86, ТМ

2018, № 1-2 (1019)
ISSN 0320 33IX`
«Техника – молодёжи»
Общедоступный выпуск для небогатых.
Издаётся при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и
массовым коммуникациям

Цена свободная

Свидетельство о регистрации СМИ выдано
Роскомнадзором 11 октября 2010 г.
ПИ № ФС 77-42314

Подп. к печати 25.01.2018
Выход в свет 29.01.2018
Тираж 10 000 экз.

ОТ РЕДАКТОРА

Фантастику хорошо читать, а лучше ещё и рассматривать. Особенно, когда иллюстрации к ней выполнены А.Побединским, Г.Тищенко, Г.Бойко и И.Шалито и другими художниками «Техники – молодёжи».

Именно в ТМ № 1 за 1957 г. и состоялась 60 лет назад первопубликация романа И.Ефремова "Туманность Андромеды". По словам Аркадия Стругацкого, она произвела ошеломляющее впечатление на читающую публику, оказав огромное влияние на всю последующую советскую фантастику. И не только...

Ставшие в одночасье культовыми иллюстрации к роману, а в особенности обложка к "Туманности Андромеды" А. Побединского, в одночасье возвестили о рождении нового жанра в изобразительном искусстве - научно-фантастической живописи. Редакция ТМ, буквально заваленная присылаемыми со всей страны картинами утомлённых соцреализмом художников, приняла вызов времени, организовав международную выставку научно-фантастической живописи и рисунка "Мир завтрашнего дня". Первым лауреатом выставки стал молодой художник Геннадий Тищенко, - автор более сотни иллюстраций к произведениям Ефремова, он же инициатор спецвыпуска, который вы держите в руках.

Для современной молодёжи мало, к сожалению, читающей и предпочитающей картинку текстам, а классическому кинематографу – короткие видеоролики и

клипы, – издание с качественными графическими работами должно, на наш взгляд, пробудить интерес к фантастике своей зрелищной привлекательностью.

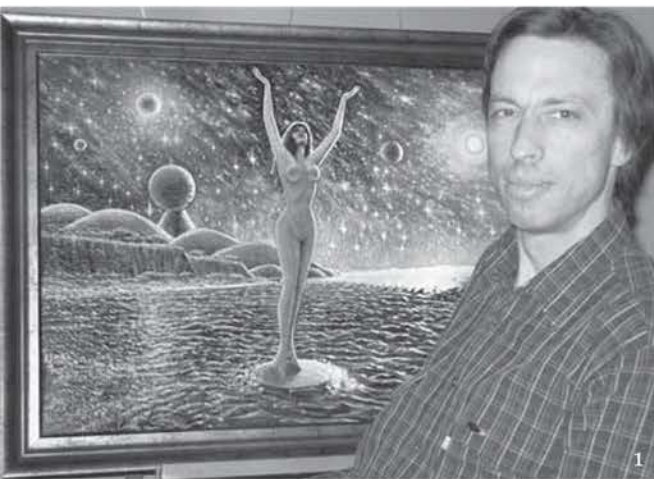
В спецвыпуск ТМ «Интуиция «Прямого луча» включены очерки, репортажи, неопубликованные интервью известных журналистов, ученых, изобретателей, лично знакомых или встречавшихся с Иваном Антоновичем, а также писателей, биографов, авторов книг о великом фантасте.

В ближайшее время выходит в свет книга-альбом «Вселенная Ивана Ефремова», вторая, альбомная часть которого «Под чароитовой звездой» содержит около полусотни живописных работ Геннадия Тищенко и других художников ТМ к произведениям Ивана Антоновича Ефремова.

В заключение приведём меткое замечание одного из выступавших на открытии мемориальной доски Ефремову: «Самое время прочитать молодёжи «Час быка», а то придётся перечитывать "Лев Толстой как зеркало русской революции..."»

Книгу-альбом "Вселенная Ивана Ефремова" можно заказать на сайте Техника-молодёжи за 450 рублей или купить в редакции за 390 рублей.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Жизнь на Земле – как светлая дорога радостного труда, любви и познания, вечного раскрытия новых горизонтов, – такая жизнь, которую только и должен вести человек «по силе своей мысли и благородству чувств» – главная тема творчества учёного с мировым именем, классика социальной научной фантастики, самобытного мыслителя-космиста, поклонника и собирателя красоты Ивана Антоновича Ефремова. Его работы открыли новые пути в развитии отечественной научно-фантастической литературы, уведя её от одних только производственных задач «ближнего прицела», и определили жизненные судьбы многих его читателей – от педагогов-коммунаров до космонавтов.

Диалог с автором получается особенно продуктивным, когда читатель – сам творческий человек, способный воплотить – в слове ли, в красках ли – волнующие его образы и думы. Давний друг журнала «Техника – молодёжи», писатель, художник и сценарист Геннадий Тищенко всю свою немалую творческую жизнь иллюстрирует мир, предсказанный Ефремовым. Художник убеждён, что только «исследование и освоение Вселенной гарантирует гармоничное развитие земного общества и бессмертие человечества».

В 1970 году он стал лауреатом Главной премии конкурса «Мир завтрашнего дня», а сегодня в качестве художника является соавтором книг «Иван Ефремов» серии ЖЗЛ и «Переписка И.А. Ефремова».

Издание альбома иллюстраций к произведениям всемирно известного писателя-фантаста – закономерная веха на этом пути. Хочется от всей души поздравить Геннадия Ивановича с осуществлением его давней творческой мечты, а нас всех – с важным событием в мире социальной научной фантастики.

Иллюстрации:

1. А. Константинов на фоне картины Г. Тищенко «Эпсилон Тукана».
2. Картина А. К. Соколова (1931-2007), иллюстрирующая сеанс связи по Великому Кольцу. Обнаружена А. Константиновым в июне 2017 года на антресоли у Т. И. Ефремовой.

КООРДИНАТЫ ДЛЯ ЗАГЛЯДЫВАНИЯ В БУДУЩЕЕ

*Будь прост как ветер, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля,
Люби далёкий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе,
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живёт в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.*

М. Волошин

Не было на свете ни одного фантаста, который что-нибудь открыл или предсказал, за исключением Ивана Ефремова.

Кир Булычев

В наше время, когда в мыслях многих царят «разброд и шатанье», трудно найти правильные слова, чтобы с одной стороны не впасть в другую крайность – единообразие и единомыслие, а с другой – показать насколько могут быть прекрасны жизнь и сам человек, если люди построят справедливое, гармоничное общество! То есть такое общество, в котором развитие науки и воспитание в человеке высоких духовных и нравственных начал, создадут мир, в котором хотелось бы жить!

Действительно, ради чего стоит жить и бороться любому думающему человеку, которому хочется, чтобы жизнь имела смысл, а не сводилась лишь к удовлетворению животных инстинктов! Ведь именно этим и отличается человек от звериных предков! Ради чего столь-

ко борений и жертв было на протяжении всей истории человечества, почему к многовековым религиозным войнам добавилась многолетняя борьба идеологий? Да потому, что без идеалов, к которым стоит стремиться, без религиозного или идеологического наполнения полноценная жизнь человека и общества невозможны, как невозможна жизнь без воды.

Современной цивилизации важно пройти, как по лезвию бритвы, между Сциллой неверия в светлые идеалы и Харибдой слепой веры. Не случайно один из романов Ивана Ефремова назывался: «Лезвие бритвы»! Не случайно Иван Антонович в своих произведениях, призывал к диалектическому пониманию процессов, происходящих в мире, к балансированию между крайностями.

Почему же так велика сила воздействия слова Ефремова на души юных людей, только вступающих в жизнь, и многих далеко не молодых читателей? Да потому, что в наше время великих достижений науки и техники, трудно призывать кого-либо к слепой вере, когда современного человека на каждом шагу окружают плоды технического прогресса, когда по улицам движутся нескончаемые потоки автомобилей, в квартирах стоят компьютеры, 3D телевизоры, а в карманах лежат мобильные телефоны, айфоны и прочие гаджеты.

Ефремов никогда и не апеллировал к слепой вере, он всегда с методичностью учёного, логически объяснял свои идеи и веру в прекрасное будущее человечества. Лишь с годами мы начинаем понимать, что наука знает об окружающем Мироздании далеко не всё. Лишь поживший человек начинает повторять знаменитое: «я знаю, что ничего не знаю». Лишь мудрецы, задумывающиеся о жизни, осознают ничтожность наших знаний о мироздании, о сущности сознания, мышления, о противоречиях, порождаемых техническим прогрессом и т. д. Но ведь всё это не отменяет достижений науки и техники! И никогда не устареет главная задача «Академии Горя и Радости» Ефремова – делать всё, чтобы достижения науки делали человека здоровее, гармоничнее и счастливее.

Нередко недооценивается роль изобразительного искусства в процессе исторического развития. Известно, как развивалось бы христианство без десятков тысяч икон, фресок и картин, украшавших храмы и светские помещения.

В России работы Феофана Грека, Андрея Рублёва и тысяч безымянных иконописцев, картины передвижников и других художников не только соответствовали чаяниям общества, но эти чаяния и формировали.

Сейчас, когда в России всё меньше читающей публики, роль изобразительного искусства возрастает ещё больше. Русская пословица гласит: «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Не случайно так популярны комиксы. Бесплезно осуждать молодёжь за то, что она читает меньше. В былые времена не было захватывающих фильмов, наполненных зрелищными спецэффектами, как не было и компьютерных игр! Но, при этом, факт, остаётся фактом: книги – будят воображение, а главное – заставляют задуматься о мироздании и внутреннем мире человека.

Немалую роль в возрождении интереса к чтению играет изобразительное искусство. Неизвестно стали бы столь популярны книги Толкиена, если бы на протяжении многих лет постоянно не выпускались издания его произведений с новыми и новыми иллюстрациями. Кроме этого ежегодно публикуются альбомы и календари с работами множества художников, создавших тысячи рисунков и картин по романам, повестям и стихотворениям Профессора! Они в немалой степени способствовали появлению более чем миллиардной армии поклонников Толкиена, ещё до выхода в прокат фильмов Питера Джексона.

Без Толкиена, скорее всего, не было бы такого интереса к книгам в жанре **«fantasy»**, которые существенно потеснили книги научно-фантастические! Но неужели такие наши писатели, как Алексей Толстой, Александр Беляев, Иван Ефремов, братья Стругацкие и другие не создали своих вселенных, достойных воплощения в линиях и красках?!

Важность изобразительного искусства понимали во всех социумах. Не случаен взлёт античной культуры, когда скульптуры, фрески и мозаики окружали человека, как в повседневной жизни, так и во время проведения религиозных мистерий. Конечно, искусство могло и подавлять человека, представлять его ничтожным рабом властителей и богов, как это было в Древнем Египте. Ну и что стало с Египтом, без боя сдавшимся армии Александра Македонского?

И почему неизмеримо меньшая по числу жителей эллинистическая цивилизация распространила свою культуру по всей Ойкумене, после походов крохотной (по сравнению с войсками Дария и других владык) армии Александра Великого? Да потому, что светлая, отражающая красоту мира и человека культура Древней Греции была ближе любому обитателю Ойкумены, чем, к примеру, мрачное искусство Египта.

В наши дни становится всё понятнее, что решающим становится информационное оружие! И слава Богу русской культуре есть, что противопоставить культуре Запада. Я имею в виду не только великую русскую классическую литературу, но и музыку и изобразительное искусство. Да и в нашей фантастике, которой все увлекаются в детстве и юности, и которая оказывает огромное влияние на формирующееся мировоззрение человека, у нас есть свой Профессор – Иван Антонович Ефремов.

Когда в 1957 году в журнале «Техника Молодёжи» началась публикация романа «Туманность Андромеды», мне было девять лет. Это покажется невероятным, но я уже тогда понял всю грандиозность и важность идей Ефремова. Возможно потому, что в детстве из-за травмы позвоночника четыре года пролежал в гипсе и, пока мои сверстники играли в футбол, я читал. Ходить научился к восьми годам, а читать начал с пяти. Телевизора у нас не было, информацию об окружающем мире я черпал из учебников мамы. Она заочно училась на преподавателя русского языка и литературы, так что со сказками, былинами и мифами, как и с романами классиков, я впервые знакомился по хрестоматиям для вузов.

После выписки из костнотуберкулёзного санатория соседский мальчик, приносил мне книги из библиотеки. В начальных классах я одолел Верна, Уэллса, Льва и Алексея Толстых и, конечно же, Александра Беляева. Как любого мальчишку в «Войне и мире», или, к примеру, в «Аэлите» меня привлекали сцены сражений. Возможно, сказывалось то, что отец мой был офицером, к тому же прошло всего десять лет, как отгремела Война.

Но «Туманность Андромеды» произвела на меня более глубокое впечатление, чем всё ранее прочитанное, хотя в романе батальных сцен не было вовсе!

При чтении Ефремова в моём воображении возникали картины далёких эпох и пространств, преображённой Земли будущего, таинственные инопланетяне и почти идеальные жители «Мира завтрашнего дня». За свою жизнь, я перечитывал Ефремова множество раз, постоянно открывая для себя что-то новое. И уже в детстве хотелось запечатлеть многое из того, что столь красочно описал Иван Антонович. Ваять из пластилина и рисовать я начал ещё, когда лежал в гипсе. Лепить лёжа было ещё можно, а вот рисовать – сложнее. Какое же наслаждение я испытывал, когда начал рисовать, сидя! Наверное, не случайно первая выставка моих работ была организована ещё в школе.

Сейчас мы только начинаем осознавать масштабы личности Ефремова. Многие уже воспринимают его в одном ряду с такими титанами отечественной культуры и науки как Михаил Ломоносов, Константин Циолковский и Владимир Вернадский.

Для почитателей Ефремова звуки имён его героев чарующи: Эрг Ноор и Низа Крит, Веда Конг и Дар Ветер, Чара Нанди и Мвен Мас, Фай Родис и Таис Афинская!

Вселенная Ефремова это античность и далёкое будущее, бескрайние просторы России и глубины океанов, но главное – Великое Кольцо цивилизаций с разных планет, помогающих друг другу в познании Вселенной, в борьбе с катаклизмами, происходящими в ней. Ефремов был уверен: в межзвёздные просторы смогут выйти лишь цивилизации, преодолевшие кризисы роста, поэтому ни о каких звёздных войнах не может быть и

6

Популярность Ефремова была необычайно велика. Только с 1944-го по 1953-й годы — его издавали 254 раза на 17 языках! А после публикации романа «Туманность Андромеды», переведённого, кстати, более чем на полсотни языков, любовь читателей к его книгам просто зашкаливала.

7

В наши дни становится всё очевиднее, насколько процессы, протекающие на Земле, зависят от космических факторов. Интуитивно это чувствовали и предки, отсюда популярность астрологии, пытавшейся связать судьбы людей со звёздами задолго до работ Александра Чижевского.

8

Вслед за до сих пор недооценённым у нас русским философом Николаем Фёдоровым (незаконным сыном князя Гагарина) Циолковский понял: без освоения Космоса наша цивилизация обречена, ведь территориальные, сырьевые и энергетические ресурсы Земли ограничены и лишь освоение вселенной гарантирует бессмертие земной цивилизации.

9

10

Расширение знаний о космосе уменьшает вероятность гибели землян от космических факторов. В наше время учёные предупреждают не только об астероидной опасности. К примеру, — светила в финале своей эволюции взрываются, и становятся новыми и сверхновыми звёздами. После взрывов остаются не только газово-пылевые туманности, но и пульсары, и чёрные дыры. Причём потоки энергии от таких объектов, столь велики, что спастись не удастся, если мы к тому времени не освоим планеты других звёзд.

Много удивительных прогнозов дал в своих произведениях Иван Антонович (подробнее о предсказаниях Ефремова вы узнаете из статьи Файхутдинова). Но ещё удивительнее предсказания Ефремова о возможности социальных потрясений и падении нравственных устоев земной цивилизации, прежде чем она выйдет на дорогу к Светлому Будущему. Причём точность его предсказаний поразительна! К примеру, в шестидесятых Иван Антонович писал о «весёлых» 90-х годах конца

11

Вот как сам Иван Антонович объяснял свою «удачливость»:

«... Кроме полета воображения и интуиции, координат для заглядывания в будущее нет. Как для воображения, так и особенно для точной интуиции необходимо знание множества сопредельных фактов и явлений, широкая энциклопедичность, воспитанная разносторонностью интересов, помноженной на востребованную память...»

(Из предисловия Ивана Ефремова к собранию сочинений.)

Неоднократно упоминалось, что министр культуры СССР Пётр Демичев, был поклонником творчества Ивана Антоновича. В телефонном разговоре он заявил руководителю «Общества имени Ефремова» Мстиславу Листову: **«если бы мы взяли на вооружение то, о чём писал Ефремов, то Советский Союз не распался бы».**

Кого же подразумевал Пётр Нилович под словом «мы»? Ни много, ни мало, он имел в виду верховную власть Советского Союза! Ведь Демичев был далеко не последним представителем этой власти. Но, увы, не всесильным.

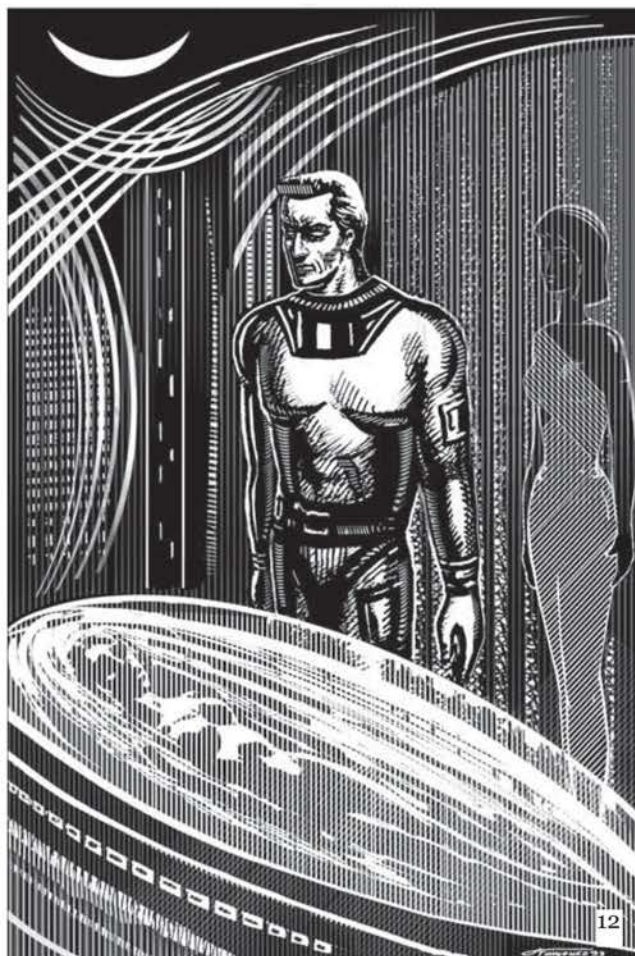
Особое внимание в своих произведениях Иван Антонович уделял женщинам. Причём, как в произведениях о будущем, так и в книгах о прошлом. Героини его «рассказов о необыкновенном» и романа о современности «Лезвие бритвы» тоже являются активными творцами.

Именно женщины вдохновляют мужчин на все их свершения, именно они с их красотой и чуткостью являются смыслом жизни нормальных мужчин. А таких женщин в России пока ещё, к счастью, большинство, в отличие от Запада, смирившегося с гедонистическим феминизмом и гомосексуализмом! Ефремов считал, что женщины «по природе более аккуратны, более участливы, они мягче и ближе к природе, чем мужчины».

Рисунки и картины к рассказам, повестям и романам Ефремова помещены в следующих разделах альбома. Своими впечатлениями о романе поделятся не только поклонники и знатоки творчества Ефремова, но и представители молодого поколения. Хотя суждения некоторых из них - весьма спорны.

Приведу цитаты из статьи А.Б. Гуларяна и О.В. Третьякова «Будущее России в зеркале фантастики», (журнал «Полдень, 21 век» №5 за 2004 год):

«Человечеству все труднее отвечать на вызов времени, оно утрачивает над ждущим положительный результат своего неуклонного развития. Это проявляется в психологических сдвигах, которым подвержено все большее количество людей. На эту опасность указывал еще Иван Ефремов в своем романе

12

«Лезвие бритвы».

Правда, он связывал рост алкоголизма, наркомании, хулиганства с отрицательными сторонами городской жизни. Но не беспорядочная городская жизнь тому виной, а неуверенность человека в завтрашнем дне. Эта неуверенность может проявляться в разных социальных феноменах. На рубеже слома эпох всегда обостряются эсхатологические настроения — «ожидание конца света». Мы долгое время мечтали осчастливить все человечество. Мы хотели, чтобы нынешнее поколение советских людей жило при коммунизме, на Марсе цвели яблони, а в мире был мир. Философы называют такие настроения мессианством, и считают, что они вообще очень характерны для России. Распад советской империи поменял знак этим мессианским настроениям на отрицательный».

«...Великий советский фантаст Иван Ефремов упоминал в своих романах такое чисто западное явление как **эскапизм** — стремление уйти, куда попало от жизни непосильной и тревожной(...) Эскапизм среди разных общественных групп проявляется по-разному. Сильнее всего ему подвержена молодежь, рассуждающая примерно так: «Разве не лицемерно упрекать молодежь в том, что она не хочет создавать ничего долговечного, стремится скорее взять больше от жизни? Что мы в Европе не хотим сажать деревья и строить прекрасные дворцы? Сначала дайте нам будущее, такое же долгое, какое было у вас, на всю жизнь, а потом требуйте и упрекайте. Мы дадим, то пеняйте на себя, а не на нас, это вы такой мир приготовили нам (...) невольно задаешь себе вопрос: что было раньше, курица или яйцо? То есть психологический сдвиг в сторону эскапизма привел к расцвету «литературы ухода» или сама литература способствовала расцвету подобных настроений?»

Известный историк А.И. Фурсов прямо называет Д.Р.Р. Толкиена и Дж.К.Роллинг создателями новой, неосредневековой идеологии, пытающейся перекроить общественное сознание по принципам иерархической организации общества под руководством духовно-рыцарских орденов. (...) Инструментом подобной трансформации, по мнению А.И. Фурсова, стал появившийся на Западе в 80-е годы прошлого века жанр **fantasy**, описывающий 'будущее как прошлое'. То есть А.И. Фурсов считает фантастическую литературу средством информационно-психологического противоборства, важным рычагом воздействия на общественное сознание.

Так вот читая произведения Ефремова, мы не уходим от действительности, а серьезно задумываемся о сущности человека, о проблемах, стоящих перед обществом и о путях решения этих проблем. Сопоставляя разрозненные факты, Иван Антонович строил смелые гипотезы. Стоит ли удивляться, что фантаст Ефремов значительно опережал своё время.

К сожалению, молодые читатели или вовсе не знают творчества Ефремова, или относятся к нему с предубеждением. Как же, ведь он называл общество буду-

щего коммунистическим! Информация к размышлению: Ефремов не состоял в рядах коммунистической партии. Теперь уже не секрет, что многие в Советском Союзе вступали в партию ради карьеры. При этом их интересовали, прежде всего, власть и материальное благополучие. Именно поэтому многие функционеры так легко во времена «перестройки», «перекрасились» став кооператорами, а затем и олигархами. Но были в Советском Союзе и граждане, искренне верившие в то, что наша страна строит первое в истории человечества справедливое общество, в котором не будет эксплуатации.

И таких людей было немало. И дело не в том, как думают многие в современной России, что им «промыли» мозги средствами пропаганды. Они видели немалые успехи советской экономики, пользовались социальными благами, предоставляемыми советской властью, и нередко, терпя лишения, отдавали все силы строительству светлого будущего.

И ещё они читали книги Ефремова. И это вдохнов-

ляло их на новые свершения.

Так какое же общество грядущих веков описал Иван Ефремов?

Для начала отметим, что подробности устройства будущего общества у классиков марксизма отсутствуют. Картины светлого будущего пытались дать Чернышевский в «снах Веры Павловны» из романа «Что делать?», Вивиан Итин в романе «Страна Гонгури», Александр Беляев в романе «Прыжок в ничто» и в повести «Звезда КЭЦ». Были и другие попытки, но все они даже близко не приближаются по грандиозности и глубине к произведениям Ивана Ефремова. Причём писал он их не по указке сверху, а по зову души. К примеру, когда ему предложили вставить в «Туманность Андромеды» упоминания о Марксе и Ленине, он категорически отказался делать это.

Какая, в сущности, разница, как будет называться справедливое и гармоничное общество грядущего, без построения которого человечество погрязнет в бесконечных кризисах, войнах и, скорее всего, погибнет?! Ведь даже западные критики и читатели много лет назад поняли и приняли гуманную направленность романа «Туманность Андромеды», отметив «прозорливое предвидение лучшего будущего». Недаром изданная в капиталистической Франции десяти томная серия «Шедевры мировой фантастики» открывалась его «Туманностью Андромеды»!..

Главное — воспитывать в подрастающих поколениях веру в высокое предназначение человека, в победу разумного и духовного в человеке над эгоистическими животными инстинктами. Люди не могут жить без идеалов и целей. Когда их нет, начинаются шараханья в алкоголизм, наркотики, сатанинские и прочие секты.

В последние годы было ввергнуто в забвение немало достойного передачи будущим поколениям, но хочется надеяться, что наследие Ивана Ефремова ещё долго будет служить ориентиром на непростом пути Человечества в Будущее...

В заключение приведу слова Ефремова, сказанные им в напутствие молодёжи:

«...не бесплодна любая попытка проникнуть в ожидающее нас будущее — с книгой в руках, на шумном диспуте, в полном одиночестве под звёздным небом. Но будьте готовы к испытаниям: ваше будущее не представляется мне особенно лёгким. Не грустите, что милая старая романтика непознанной Земли ушла от нас. Вместо неё родилась романтика, требующая гораздо большей подготовки, психологической и физической, романтика проникновения в значительно более глубокие тайны познания. Будьте готовы к испытаниям. Пусть Вам удастся войти в Великое Кольцо Будущего!»

Очень важно помнить слова Ивана Ефремова:

«НОЧЬ ОСОБЕННО ТЕМНА ПЕРЕД РАССВЕТОМ»

Примечательно:

• В честь писателя названы малая планета Ефремиана, динозавр *Ivantosaurus ensifer* (ивантозавр меченосный).

• Минерал «ефремовит», литературная премия на Всероссийском фестивале фантастики «Аэлита».

• Иван Ефремов стал кандидатом наук до получения диплома о высшем образовании и без защиты диссертации. Степень доктора биологических наук присвоена ему в 34 года. А в Союз писателей он был принят без заявления, рекомендаций и прочих формальностей.

• У Ефремова была фотографическая память. В свободные часы во время экспедиций Иван Антонович по памяти начитывал целые книги.

Иллюстрации Г. Тищенко:

1. Туманность Андромеды.
2. Туманность Андромеды. Мвен Мас во время Тибетского опыта.
3. Туманность Андромеды. Эрг Ноор и Низа Крит.
4. Туманность Андромеды. Дар Ветер, Веда Конг и Мвен Масс.
5. Таис Афинская с Эгисихорой и Гесионой.
6. На краю Ойкумены. Пандион, Кидаго и Кави.
7. На краю Ойкумены. Отплытие Пандиона.
8. На краю Ойкумены. Пандион у берегов Египта.
9. Туманность Андромеды. Психолог Эвда Наль.
10. Туманность Андромеды. Физик-теоретик Рен Боз.
11. Туманность Андромеды. Эрг Ноор и Низа Крит (вариант 1999 года).
12. Туманность Андромеды. Эрг Ноор над «саркофагом» с Низой Крит.
13. Туманность Андромеды. Историк Веда Конг.

КОСМИЗМ ИВАНА ЕФРЕМОВА

«...Впереди будут миллионы и миллиарды молний, которые заставят отступить бесконечную ночь и, сливаясь воедино, придадут мощь бессмертия череде познающих вселенную поколений»

(«Лезвие бритвы»).

Первый год нового тысячелетия совпал с 40-летием первого полёта человека в космос. Отступая во времени, это событие представляется всё более значительной вехой в истории нашей планеты. Сейчас становится особенно важно понять вектор дальнейшего движения человеческой мысли и найти те критерии, что позволят дать верную оценку прошедшему. Ведь только сейчас мы начинаем осознавать, насколько переломным оказался минувший век для всей нашей цивилизации. Человек, до того слепо ползющий по поверхности планеты, вдруг распрямился и с невероятной быстротой разорвал оковы земного притяжения. Перед ним воочию раскрылась неисчерпаемость материи, подарив непредставимые ранее возможности.

Громадность научных завоеваний XX века, несопоставимая даже приблизительно с другими эпохами, первоначально вызвала взрыв ошеломлённого внешнего энтузиазма. Но вскоре оказалось, что **повышение интеллектуальной сложности жизни неуклонно требует и высшей тонкости моральных решений.** Радикальный перекося в сторону экстенсивного познания и обмена поверхностной информацией привёл к тоталитаризму, с одной стороны, и демагогическому плюрализму, с другой.

Свернуть техническую цивилизацию явно невозможно, но безоглядное развитие техногена ведёт к гибели человечества, что не менее очевидно. На фоне предостерегающих голосов, больше ста лет твердящих об опасности, особенно актуально звучат призывы тех, кто на основе замечательных научных знаний и интуиции показывает пути выхода из грозных ловушек уготованных недалёковидному человечеству.

Ответы на неразрешимые, казалось бы, вопросы есть. Однако они требуют чуткого понимания задач, вставших перед разумом на нашей планете. Сложность жизни всё нарастает, пути выхода, соответственно, утончаются. Сможем ли мы принять и действительно осмыслить простые и ясные истины? Хватит ли нам широты интеллекта и душевной силы отказаться от иллюзий некритического энтузиазма или мрачного пессимизма, смыкающихся в игнорировании двойственного характера любых материальных процессов?

Давайте пройдем вдоль прилавков книжных магазинов, заполненных фантастической литературой, и в глаза сразу бросятся однотипные многозначительные надписи на корешках книг: «Миры братьев Стругацких», «Миры Роджера Желязны»,

«Миры Айзека Азимова»... Целые гирлянды из десятков томов, собрания сочинений, нанизанные на яркие индивидуальности авторов. Всё это классики научной фантастики, мастера, и в самом деле сотворившие десятки разнообразных миров, поставившие сотни мысленных экспериментов, авторитет их незыблем в этом направлении литературы. Но, очевидно, есть и другая ступень писательского искусства, преодолевающая прихотливое внимание к частным проблемам.

Имя Ивана Антоновича Ефремова тоже широко известно любителям фантастики, его книги постоянно переиздаются. Однако его творчество – иного порядка. Это единый мир кристальной чистоты, мерцающий строгим узором граней, мир, насыщенный глубочайшей внутренней логикой, из произведения в произведение выковывающей неразрывную цепь железной причинности. Это вдохновенный гимн величию мироздания и могуществу человека в нём.

Полновесностью и энциклопедичностью выдвигаемых идей Ефремов резко выделяется из общего ряда писателей-фантастов. Тут нет попытки противопоставления. По свидетельству современников, его интеллектуальная мощь и особенное, планетарное мышление окутывало фигуру писателя аурой мудрости, обаяния и колоссального превосходства.

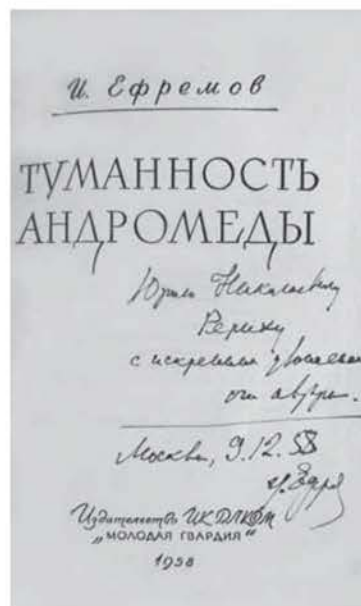
Сам Ефремов считал себя воспреемником идей русского космизма и особенно ценил Вернадского и Циолковского, в апокриф вынося своё глубокое чувственное изучение этической философии Рерихов. Идеи космизма не были для Ефремова модным увлечением или попыткой приобщиться к авторитетам, придать значимость собственной личности. Он пришёл к ним как выдающийся учёный-естественник, совершивший революционные открытия в своей области и создавший на стыке геологии и палеонтологии науку тафономию, повторив в этом синтезе путь всех лучших

творцов русской науки XX века – от Вернадского до Гумилёва. Будучи доктором биологических наук, увлекаясь психологией, интересовался практически всеми областями знания, понимал неразрывное единство всех наук и настаивал на необходимости синтетических, междисциплинарных исследований. Сосредоточение не на науках, а на проблемах – это кредо Вернадского Иван Антонович воплотил всей своей жизнью.

Он не был эпигоном, подражателем «отцов космизма», повторяющим на все лады уже сказанное. Он был самостоятелен в своём творческом поиске, за ним стояла та полнота мыслительной деятельности, что в предельных своих проявлениях выплывает в особую мудрость духа.

Именно духовная зрелость способна уберечь от поспешных спекуляций, а научная честность исследователя позволит избежать неверных ассоциаций, которые образуют стойкие клише, мешающие пониманию, позволит точно уловить границу допуска. Этими способностями обладал Иван Антонович в полной мере.

Он очень много писал о взаимодействии человека и космоса, и в этом отношении являлся космистом, но особенное внимание к социологической проблематике делало его мышление именно планетарным во всей полноте этого определения. Человек был для него неотделим от общества, а общество – от всей эволюции жизни на Земле. Он не выдвигал не охваченных мыслью абстрактных гипотез. А ведь при недостаточном знании жизни творчество легко вырождается в скороспелые выдумки, хотя бы и наполненные эзотерической терминологией.

Перед взором учёного проходили будоражащие картины эволюционного прошлого планеты, могучий диалектический ум неизбежно задавался вопросом о будущем и реальном положении настоящего. Ясно понимая увязанность биологии с психологией, он осмысливал их в контексте эволюции человека как вида. [3.русский космизм].

Ефремов обнаружил великое соответствие между эволюцией всей жизни на Земле и духовным развитием индивида.

Теория инфернальности... Или даже не теория – «свод статистических наблюдений над стихийными законами жизни и особенно человеческого общества», – как говорит Фай Родис, героиня романа «Час быка».

Животные, накапливающие в геологическом времени приспособления к определённым экологическим нишам, оказывались тупиком развития при малейшем изменении окружающей среды или истощении кормовой базы. Чем совершеннее было приспособление, тем больше терялась независимость от внешних факторов. Вид вымирал. **Способность выжить при выходе из ареала обитания – именно по этому критерию шёл отбор генетических мутаций.** Наблюдая гигантские кладбища ископаемых животных, гекатомбы жертв на пути поиска универсальных качеств, Ефремов понял это особенно отчётливо.

Человек возник на стыке трёх ландшафтных зон – леса, степи и гор. Он явился наиболее оптимальным решением эволюции. Незавершённость и многофункциональность базовых приспособлений стала ответом на несколько миллиардов лет естественного отбора. Человек оказался пластичен в своей адаптации к миру. Большая часть рефлексов у него не закрепляется на генетическом уровне, а носит условный характер и может видоизменяться. Это динамичная саморазвивающаяся система без жёстких видовых программ.

4

Отсутствие узкой специализации компенсировалось развитием мозга, к этому же вела необходимость передавать накопленный опыт. Это, в свою очередь, было неизбежно при отсутствии поведенческих программ большой сложности.

Выделившись таким образом из природы, человек при помощи более развитых чувств вскоре ощутил своё одиночество, уподобившись команде корабля, ринувшегося в неизведанные воды и вынужденного выживать в мире беспощадных штормов самостоятельно.

Ефремову стало ясно, что здесь проходит параллель с эволюцией самого человека как личности. Писатель проследил те же этапы на качественно ином уровне. Человек – существо двойственное, подчинённое, помимо законов физиологии, законам развития общества, – этой второй своей природы.

Но общество – создание людей, при его образовании не было миллионов проб и ошибок, посредством которых слепой природный процесс выбирает срединный путь. Закон усреднения в обществе превращается в направленное уничтожение малых чисел, то есть совершенства. Разумное существо, однако, не должно уподобляться качественно более низкой структуре и брести наугад.

Человек, всецело растворяющийся в сопутствующей исторической ситуации, аналогичен животному. Приспособление к ограниченной, несовершенной системе ведёт к умножению незрелого и гипертрофии однообразия. Поверхностная адаптация губила триллионы живых тварей, стоило пересохнуть болоту, выгореть лесу или зарастить лугу, где они жили. Так и в человеке бездумное подстраивание под существующие модели поведения порождает духовно незрелую личность, неспособную выйти за определённые временем рамки. При изменении общественной структуры слом жёстких стереотипов приводит к катастрофическим внутренним кризисам, которые оборачиваются «потерянными поколениями». Конечно, размышлял Ефремов, в каждом из нас две половины: одна рвётся к новому, другая бережёт прежнее и всегда рада вернуться к нему. Но **никогда возвращение не достигает цели** («Туманность Андромеды»).

Когда личность всецело ориентирована на воспроизводство существующего и на полную социальную адаптацию, тогда общество перестаёт развиваться, не испытывая сопротивления.

Человек теряет реальную связь с прошлым, лишается будущего, уплощается и становится тупиковой ветвью развития. Обладая совершенной физиологией человека, духовно он становится несовершенен. Вершина биологической эволюции должна создать ту же открытость к изменениям мира внутри себя, уравновесить второй чашей весов свою диалектическую природу.

Взрывы и медленное угасание – суть любого процесса, ныне это превосходно показывает синергетика. Борьба с энтропией возможна только в открытых системах. Но необходимо также постоянство внутренней среды, – важнейшее условие накопления и усвоения приходящей информации. **Только на основе критического количества возможны качественные преобразования.** Для человека первобытного они проявились в выделении его из природы и развитии сознания. Для человека будущего новое качество, согласно закону отрицания отрицания, явится в виде возвращения к природе, но на иной энергетической основе – в форме сознательно активного эволюционного фактора.

6

Так неожиданно, но неопровержимо палеонтологическая летопись трансформировалась в гуманистическое учение о роли человека, о путях его духовного совершенствования. Учение, напроцх лишённое спекулятивных домьслов и надуманных построений, но вытекающее со всей силой естественного порядка вещей из самой жизни, из осознания простого факта, что от законов мироздания нельзя уйти, а можно лишь согласовать свои пути с ними.

Взгляд учёного, идущий из миллиардолетних глубин Земли, видит взаимообусловленность сущего и устремляется в космос.

Земля – то же космическое тело, существующее по законам, общим для всей вселенной. Мы не можем об этом забывать. Поэтому естественно предположить, что процессы, аналогичные земным, идут у других звёзд, идут по-своему, но не менее величественно, вздымая волны преображённой, очищенной страданиями материи. На вершинах этих волн загораются искорки разумной мысли, всё более крепнущей и протягивающей свои лучи навстречу друг другу...

О себе Ефремов говорил, что по убеждениям он материалист, по методу – диалектик. Человек – средоточие живого вещества, умеющего согласовывать и преобразовывать противоречивые импульсы. Он – та же вселенная, пронизанная его чувствами в той же мере, как и он сам пронизан её воздействием; но вселенная не одного момента, а всей её истории, и опыт мозга отражает не только необъятную ширину, но и изменчивость мировых процессов. Отсюда и диалектическая логика как выражение сущности этого мира. Психика – такой же процесс и движение, как всё окружающее. Ничто из прежних накоплений не должно быть утеряно. Не может дерево отказаться от корней, хотя бы смыслом его и были плоды. Не может башня быть устойчивой без фундамента. Так и человек должен отточить до предела физическое совершенство, наполняя его сильным и светлым огнём любви, мысли, терпения и заботы. Перед Ефремовым вставал образ проснувшейся души, потянувшейся к звёздам в слитном усилии всех сил и чувств могучего тела.

Тысячи поколений формировался мозг в идеально здоровых организмах, отсюда неизбежна его настройка на выносливую крепкую оболочку. Это изначальное его свойство, нелепо думать, что его можно изменить, полностью переключиться на умственную деятельность. Нелепо думать, что его вообще можно изменить. Тогда мозг превратится в нечто, враждебное той среде, в условиях которой он сформировался. То есть враждебное Земле... Конечно, теоретически можно предположить, что через невообразимо большой промежуток времени люди перестроят свою энергетику, сделав биосферу лишь частью ареала своего существования. Но это возможно только на основе полноты реализации всех возможностей нынешнего этапа. Иначе мысли об этом превращаются в беспочвенные, оторванные от реальности фантазии.

Человек – это не только сумма знаний, но и сложнейшая архитектура чувств. Только с помощью острых чувств можно воспринять мир во всей его красочности и глубине, а богатство чувственного мира предполагает сильное здоровое тело – предохранитель от перегрева сердца. Этот предохранитель без вредных последствий растворяет избытки нервных впечатлений; в свою очередь сильные чувства обязательно окрашены эротически, и здесь уже развитый мозг тормозит животную необузданность. Творческое противоречие, заключённое в человеке, сводит воедино и ставит во взаимную зависимость плодотворность разумной деятельности и эмоциональную насыщенность, связывая их через высокий уровень жизненной энергии. Не может пламя полыхать в бумажном стаканчике, но и бессмысленна косная масса пустого сосуда.

Подобным образом Ефремов легко переходил от общего к частному, вскрывая за внешним разнообразием морфологическое родство структур. Он пришёл к чеканному выводу: «Чем труднее и дольше был путь слепой эволюции до мыслящего существа, тем целесообразнее и разработаннее высшие формы жизни и, следовательно, тем прекраснее». («Туманность Андромеды»).

Красота предстаёт в таком случае инстинктивно понимаемой высшей мерой целесообразности для любой вещи или явления, наилучшим сочетанием противоречивых элементов. В этом её воспитательная функция, побуждающая находить гармоническую соразмерность во всяком движении внешнего мира и собственной души.

Любовь к природе у Ефремова была далека от сентиментальности, когда он указывал на необходимость глубокого с ней общения. Он знал всю мучительность и безысходность неразумной жизни. Страшный путь горя и смерти – чудовищная цена, на какую способна лишь стихийность естественного отбора. Ясно, что наделённый разумом человек не может механически перебирать варианты, обустроивая своё творение – общество: слишком велика его ответственность перед бесчисленными поколениями, канувшими в безвестность inferнальной жизни, теряет тогда смысл его разумность. Но притупление внимания к природе свидетельствует об остановке развития. Разучаясь наблюдать подвижный покой природы, он теряет эту подвижность внутри себя, теряет способность обобщать, без чего невозможно развитие научной мысли и дисциплина чувств.

Строгая закономерность форм прекрасного является ключом, открывающим путь к бездонному разнообразию мира. Жизнь, расходящаяся веером противоречивых устремлений, создаёт напряжение творящих сил и на самой вершине её вздыбленной взлетающей массы замирает на миг в текучем просветлённом покое, раскрывая перед утончённым сердцем неуловимость истинного совершенства.

В отношении красоты, созданной человеком, огромную роль приобретает сознательное развитие художественного вкуса, тот новый виток скручивания спирали

развития, что позволяет избежать увлечения надуманными формами искусства и отличить ремесленную поделку от настоящего мастерства.

«Произведения искусства для меня не существуют, – писал Ефремов, – если в нём нет глубоко прочувствованной природы, красивых женщин и доблестных мужчин». Мутная волна, захлестнувшая искусство XX века, заставляла оттачивать культурологические формулировки.

Патологические, извращённые характеры заполнили страницы бестселлеров, мода на дробный, детальный психологизм привела к нездоровому акценту на теневых сторонах личности. В лабиринтах кричащего фрейдовского натурализма и фасетчатой надэмоциональной абстрактности все светлые черты – цельные по своей природе – чудовищно опошлилились, низведённые до примитивности инстинкта моллюска, приобрели характер трагического фарса. Средний человек, атакованный со всех сторон деструктивными изображениями, преподносимыми в качестве «последней правды», оказывался морально подавлен, деморализован в буквальном смысле этого слова, или превращался в циника. Более того, он становился склонен верить именно плохому, в чём убеждал его повседневный опыт. **Зло в условиях стихийного общества всегда рельефнее и убедительнее.** Но, механически отражая действительность, такое искусство создаёт порочный круг, замыкая текущий момент и усугубляя его беспрестанным воспроизводством отжившего.

Сознание бесконечности пространства и времени – важнейший устой творческой жизни.

Любая замкнутость ведёт к быстрому нарастанию хаоса. Хаос рушит связи, дробит истину на мелочные откровения. Любование отдельной светотенью, фразой, вырванной из контекста, изощрённые схоластические дискуссии о нюансах формы, выпячивание одного жеста, черты характера или эмоции, – всё это суть замыкание на осколках реальности, то нагромождение количества, что характеризует любую узкую специализацию. Потеря ясных целей и смысла жизни соответствует отмиранию прежних связей, отчуждению человека от мира. Личность теряет саму себя, запутываясь без чётких критериев в порождениях искривлённой психологии, создающих перед подлинным бытием плотную виртуальную завесу. **А без цели осмысленная борьба невозможна.**

Стрела Аримана – так назвал Иван Антонович тенденцию плохо устроенного общества умножать зло и горе, когда действие, даже внешне гуманное, по мере своего исполнения несёт всё больше негативных моментов. Мучения сознательной материи вдвойне ужасны. Психика многих людей теряет чувственную остроту, вырождаясь в ацецию – убийственное равнодушие расслабленной струны, ищущее ухода от агрессивной действительности в мир безответственных вялых фантазий. Но **в бедной душе откуда богатство грёз?** И вот люди упиваются наркотиком грохочущей поп-культуры или травоядно коллекционируют пустяки, мечтая о тихой бездеятельности рая. Но подобные мечты не оправданы историей, ибо противны природе человека-борца. С этих же позиций учёный оценивал выход человека в космос. «...Совершенно необходимо, чтобы эта мечта не вырождалась в стремление убежать с Земли, где человек якобы оказался не в силах устроить жизнь... **Есть только один настоящий путь в космос – от избытка сил,** с устроенной планеты на поиски братьев по разуму и культуре» («Лезвие бритвы»).

С поиска пищи начался весь прогресс. Человеческий мозг не может не искать и всегда будет искать, насколько бы ни угнеталась эта его способность непомерным давлением или индифферентностью неустроенной жизни. Сознание не способно переносить длительное возбуждение многократно, это защита от быстрого износа нервной системы. И крайняя степень экстремности современной цивилизации раздирает его между духовно нищей, монотонной жизнью и пустыми развлечениями с их искусственным накалом страстей, констатировал Ефремов. Но он же оставался трезвым оптимистом, зная об огромных ресурсах психики и её способности к преображению.

Мозг стал могущественным, развиваясь в социальной среде, и одним из первых в нём закрепился инстинкт альтруизма, победивший тёмные звериные наслоения бессознательного. Вздорны модные ныне разговоры о заброшенности человека в случайный и чуждый для него мир, о его обречённости в этом мире. Обречён не человек, а ревущая городская цивилизация. Ефремов не устал повторять, что экзистенциальный кризис современности есть следствие хаотичности социальных процессов. **Качество сплочённого коллектива он противопоставлял механическому**

количеству и непостоянству толпы. Толпа растворяет индивидуальность, она лишена связей и не умеет накапливать и преобразовывать информацию; это первобытное стадо.

Утверждение «Человек – микрокосм» известно каждому, но о его всеохватности стоит помнить особо. В полном соответствии с ним, например, острота человеческого ума зависит не от количества нейронов в мозгу, но от качества их связей друг с другом.

В силу естественного соотношения эмоций в человеке больше положительного, говорил Ефремов, в противном случае он не состоялся бы как вид. Мозг обладает замечательной способностью исправлять дисторсию мира, выравнивая её в сторону добра и красоты. «Разве вам незнакомо, что лица людей издавна всегда красивы, а чужая жизнь, увиденная со стороны, представляется интересной и значительной?» – вопрошает Фай Родис («Час Быка»).

Абстрактные благие призывы Ефремову были чужды. Беспольна красивая мораль без твёрдых оснований. Она повисает в воздухе, и случайная прихоть расправляется с ней. Поэтому Ефремов указывал на незыблемые основы всей жизни. Он писал не только о том, что надо делать, но и о том, почему надо делать именно это, – случай в мировой литературе беспрецедентный. «Я убеждён, – писал Ефремов, – что уже сегодня можем представить человека будущего». Ценнейшее эволюционное приобретение людей – богатое воображение – раздвинуло сиюминутность психических функций животного, его надо использовать с полной нагрузкой. Фантазия, но не на пустом месте, а наполненная творческой интуицией, которая проистекает от широты интересов и умения сопоставлять факты, может зажечь в благом порыве улучшить жизнь; роль её неоценима. Необходимо сознательно устремляться в сторону прекрасного, насыщать ноосферу светлыми, чистыми мыслями. Созданные смелыми прозрениями образы прекрасных людей обязательно поведут к совершенствованию самого человека, который сможет затем преобразить и жизнь общества.

Ясно, что новые отношения вызревают в недрах старых. Люди будущего, изображённые Ефремовым, есть во всех нас. Снимать с себя и с наших детей наслоения прошлого – насущная задача каждого.

Необходимо с детства учить сдержанности при суждениях, иначе мы не добьёмся и зрелости при поступках. Надо развивать широкую терпимость в людях, с раннего возраста создавать убеждение, что никто не вправе подавлять несогласные мнения или искоренять иные образы мышления. Погоня за абсолютностью мнений, желаний и вкусов, которые возвеличивают одно, низводя всё остальное, – серьёзная ошибка. Гармонические сочетания элементов бесконечно разнообразны. Конкретный, застывший идеал может существовать только в замкнутой системе, будь то страна, семья или отдельный человек. Но подобные порождения антиэволюционны и потому нежизненны.

Из этой ошибки вытекает экзальтированное преклонение перед спортсменами и кинозвёздами, а в более экстремальных вариантах – религиозными, политическими вождами или идеями. Они становятся первобытными фетишами. Инфантильная грёза о явлении с приставкой «сверх» всё ещё живёт в нас. Нельзя упиваться ожиданием слепой удачи в азартных играх или ждать великую любовь, думая, что она изменит всю жизнь без усилий. Большая любовь, напоминал Ефремов, – это всегда ответственность и забота, то соотношение вкусов и устремлений, что предусматривает долгий совместный путь. Богатство истинной любви требует богатства душ влюблённых, потому что физическая страсть скоро реализуется и вызывает чувство обманутости и пустоты.

Но пренебрегать половой любовью было бы не меньшей ошибкой. «Чем сильнее страсть родителей, тем красивее и здоровее дети», – пишет Ефремов в «Лезвии бритвы». Острота эротических переживаний играет здесь созидательную функцию. **Духовность, презирающая плоть, ущербна.** Забота о своём здоровье тесно связана с заботой о полноценности потомства. «Чтобы стать матерью, я должна по сложению быть амфорой мыслящей жизни, иначе я искалечу ребёнка, – говорит Фай Родис. – Чтобы вынести нагрузку трудных дел, ибо только в них живёшь полно, мы должны быть сильными».

Культура взаимоотношения полов – связующее звено индивидуальных поисков красоты и работы по преобразованию общества. Бережное отношение к чувствам партнёра при понимании законов психофизиологии – основа полового воспитания, которое почитал Иван Антонович за необходимость. Он стремился понять законы, по которым древние инстинкты, с одной стороны, и общественные предрассудки – с другой, преломляясь в психике, влияют на физиологию. Если мы пренебрежём познанием биологических явлений в их историческом развитии, писал Ефремов, то выйдем, как вымирают все сменяющие друг друга виды животных. «Одному лишь человеку дано понимать не только красоту, но и трудные, тёмные стороны жизни. И одному лишь ему доступна мечта и сила сделать жизнь лучше!» – размышляет Дар Ветер («Туманность Андромеды»).

Могучую силу эроса надо уметь направлять и использовать во благо, как и всякую иную силу. Другого пути здесь нет.

Основа культуры – понимание меры во всём. «Строение не может подниматься без конца. Мудрость руководителя заключается в том, чтобы своевременно осознать высшую для настоящего момента ступень, остановиться и подождать или изменить путь» («Туманность Андромеды»). Иван Антонович хотел видеть потомков мудрыми, определяя мудрость как идеальное сочетание знания и чувств. Так, в «Туманности Андромеды» люди будущего, совершенного общества, сознательно задерживают развитие третьей (парапсихической) сигнальной системы, опасаясь ослабления центров торможения.

Любая выгода уравнивается своей противоположностью, это надо учитывать при принятии важных решений и создавать охранительные системы. То же происходит при борьбе с тёмными сторонами жизни. Нельзя уничтожать зло механически. **В столкновении противоположностей нужно удерживать баланс таким образом, чтобы стимулировать восхождение.** Непродуманное изменение структуры вызовет лишь бесполезную трату энергии и нарушит пускай несовершенную, но всё же устойчивость.

Человек обязательно должен заниматься разнообразным трудом, иметь разнообразные интересы. В этом основа его творческого долголетия. Воспитывать правильное отношение к труду – задача уже сегодняшнего дня. Тяжёлый рутинный труд должен исчезнуть – во имя охраны психической жизни человека. Пути познания многообразны, и мы должны выбирать то, что является более необходимым для нашей природы уже сейчас.

Во всякой деятельности и во всяком процессе есть свои пороги, переступить которые – значит углублять разрыв между различными проявлениями жизни. Так, переступание порога познания превращается в тупое нагромождение фактов («Лезвие бритвы»). Воспитание в наших школах подменено образованием, Ефремов обратил на это внимание ещё сорок лет назад, а сейчас проблема раздробленного интеллектуализирования стоит ещё острее в условиях капиталистической конкуренции. Широкое синтетическое просвещение пока не считается обязательными у нас; долговременные стратегии, призванные повлиять на созревание природосообразных стереотипов поведения, не планируются. Тут снова простиупает незаменимая роль подлинного искусства. Только оно владеет силой настройки души, её подготовки к восприятию самых сложных впечатлений.

Вообще, говоря о школе, Ефремов обращал внимание на краеугольные камни образования: необходимо давать ученикам самое новое, постоянно отбрасывая старое, так как, повторяя устаревшие понятия невозможно обеспечить быстрое движение вперёд. Историю мыслитель полагал фокусом познания, справедливо считая, что исключительно на основе глубокого понимания исторических закономерностей возможно реальное планирование будущего. Изучение любого предмета должно начинаться со знакомства с его историей и разбора ошибок, сделанных на пути. Последствия давнишних решений создали настоящую ситуацию, отсюда внимание к процессам в их исторической перспективе. Устойчивая мораль может вырасти в наших условиях только на основе целостного знания.

Напротив, завышенные требования по математике, не нужной подавляющему большинству детей, создают склонность к параноидной психике.

Критерий нормальности – общественное поведение индивида, и тут не нужны заумные дискуссии, считал Ефремов. Равновесие между процессами возбуждения

и торможения неизбежно даст благородную личность, у которой сознание и подсознание активно взаимодействуют, а энергия не сковывается комплексами и подавлениями.

Парадокс заключается в том, что необходимо развитие индивидуальности, но не индивидуализма. Нужно понять, что эгоизм – это естественный первобытный инстинкт, а не порождение каких-то сил зла. **Усложнение быта ведёт к мельчанию переживаний и противостоит богатству духовного мира и тонкости восприятия.**

«Воспитание нового человека, – говорит психолог Эвда Наль, – это тонкая работа с индивидуальным анализом и очень осторожным подходом... Перед человеком нового общества встала неизбежная необходимость дисциплины желаний, воли и мысли... Изучение законов природы и общества, его экономики заменило личное желание на осмысленное знание. **Когда мы говорим: «Хочу», мы подразумеваем: «Знаю, что так можно»** («Туманность Андромеды»). Научиться сдерживать себя, не мешая другим людям, – отправная точка самовоспитания. При отсутствии самоограничения человек выходит за рамки собственных возможностей и срывается в ханжество и изуверство.

Огромная роль на этом сложнейшем пути принадлежит женщине. Ефремов преклонялся перед женским началом. Женщина – вдохновительница и охранительница, и прекрасное всегда более закончено в женщине и отточено в ней сильнее. **Восхождение любого общества неизбежно начинается с возвеличивания женщины;** там, где женское начало угнетается или уподобляется мужскому, наступает деградация. Галерея «ефремовских женщин», выписанных с великой любовью и уважением, достойна отдельного места в литературоведении. Сильные и весёлые, преданные и бесстрашные, такие женщины могут создать вокруг себя пространство, очищающее ноосферу.

Всю богатейшую палитру своих идей Иван Антонович выразил в художественных романах и повестях. Наиболее значимы «Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы», «Час быка», «Таис Афинская». Ни до него, ни после, ни один писатель не сводил на уровень художественной литературы столь значительный научно-философский материал и не делал этого столь блестяще.

Ефремов не был обыкновенным популяризатором. Беллетристика сознательно была выбрана им для передачи своих мыслей. Поэтому он не написал обобщающей философской работы, предпочитая на судьбах своих героев наглядно демонстрировать практические аспекты излагаемых воззрений.

Проповедуемая им неразрывность теории и практики сфокусировала в лазерный луч научную работу, писательскую деятельность и собственную личность мыслителя. Достижения его на поприще писателя вполне сопоставимы с его научными успехами.

Ещё в 1944 году, после выхода «рассказов о необыкновенном» он удостоился внимания скупого на похвалы Алексея Толстого, назвавшего стиль писателя «холодным и изящным», а также Кассиля и Бажова, который назвал рассказы начинающего писателя «платиной нашей литературы», подразумевая судьбу этого благородного металла, поначалу неоценённого. Чувство формы в произведениях Ефремова великолепно. Летящая полновесная строгость его языка, подобная дорическим колоннам Парфенона, вознесла его книги на вершину литературного Олимпа. Он основал целое направление в научной фантастике, внутри которой нет ему равных по изобразительной силе и глубочайшей идейной убеждённости. Он сознательно сломал прежние литературные каноны, как бы повторив этим свой научный подвиг и подтвердив огромную разносторонность своей натуры.

Богатырский рост и сила самого Ефремова находились в полном соответствии с провозглашаемой им канон красоты. С наиболее любимым его героем – Дар Ветром – его сравнивали друзья, и вряд ли преувеличение было велико. Могучий интеллект и пламенный дух творца породили уникальный слиток человеческой души, вдохновивший и зажегший тысячи сердец по всей нашей планете.

Профессор Витаркананда из «Лезвия бритвы» говорит: «Ещё бесконечно много косной, мёртвой материи во вселенной. Крохотными ключами и ручейками текут повсюду отдельные Кармы: на земле, на планетах бесчисленных звёзд. Эти мелкие капли мысли, воли, совершенствования, ручейки духа стекаются в огромный океан мировой души.

Всё выше становится его уровень, всё неизмеримее – глубина, прибой этого океана достигнет самых далёких звёзд».

Всем известен тот факт, что Гагарин сравнивал во время своего полёта нашу планету с картинами Рериха.

Глубоко символично то, что очень высоко отзывался он и о «Туманности Андромеды» Ивана Антоновича.

Так Ефремов и Рерих, подобно близнецам-ашвинам, незримо сошлись в метафизическом пространстве одного из главнейших событий в истории человечества.

Иллюстрации:

1, 2, 4-8 *Иллюстрация А. Побединского к публикации романа «Туманность Андромеды» в журнале «Техника Молодёжи»*

6,7 - *Иллюстрации Г. Тищенко к роману «Туманность Андромеды».*

3. *Дарственная надпись Ю.Н. Рериху на титульном листе первого издания романа «Туманность Андромеды»»*

ЗЕМЛЯНЕ НА ТОРМАНСЕ – ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭНЕРГИЙ.

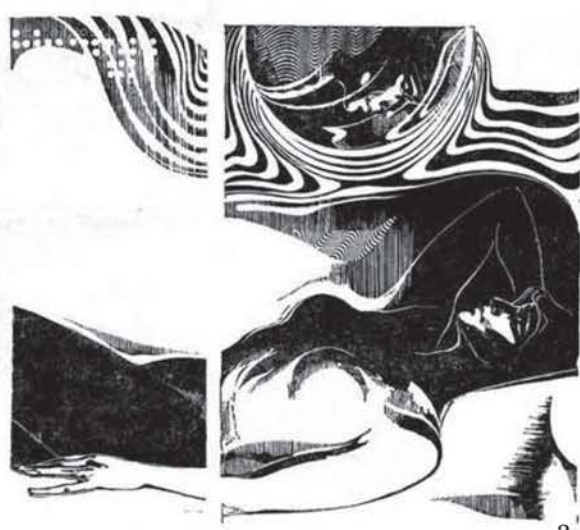
БОРЬБА РЕАЛЬНОСТИ И ОЧЕВИДНОСТИ.

Мы постоянно сталкиваемся в романе с противоречием между **действительностью** и **очевидностью**, то есть подлинной и мнимой реальностью. Символ этого противоречия на Земле – отлёт «Тёмного Пламени» (внешне похожий на постыдное бегство, как написано в романе) – разворачивается на Тормансе чередой нетривиальных ситуаций. Фактически **следование очевидности оказывается той поверхностной адаптацией**, которая губила в процессе эволюции многие виды животных при изменении условий существования. Очевидность бросается в глаза, тащит по колеям привычных реакций на давно знакомые вещи. Но вот резко меняется «точка сборки» – и старые наработки становятся камнем на шее, если человек вовремя не сбрасывает с себя их притягательную, но ложную простоту.

Часто необычность отторгается только потому, что нет навыка её восприятия и нет понимания необходимости большой работы для этого.

Фай Родис – уникальная женщина в мировой литературе. Ефремов доверил ей представлять человечество в невероятно сложной и деликатной миссии, да и другие женщины «Тёмного Пламени» сыграли гораздо бóльшую роль на планете, нежели мужчины. Грубому ограниченному началу *яи* ноосферы Торманса в романе противопоставлено обаяние, такт и бездонная интуиция женственности начала *инь*. Это не случайно и с точки зрения развития всей нашей цивилизации имеет огромную важность. Именно с женщиной Ефремов связывал свои надежды на лучшее будущее.

Ефремовские героини оказываются в мире, где женщина угнетена и где её привыкли воспринимать – в лучшем случае – в качестве украшения к самоуверенной власти насилия больших и малых владык. Это придаёт встречам предводительницы экспедиции и диктатора планеты особый подтекст и особое напряжение.

(Остаётся только предполагать, какое развитие событий нас ожидало бы, если бы переговоры велись Гриф Рифтом.)

На примере энергетического взаимодействия диктатора планеты и начальницы земной экспедиции можно понять всю правду ефремовского человековедения.

Родис выступает в качестве давно подавленной атрофированной совести Чойо Чагаса. Фактически, разговаривая с ней, он разговаривает с тем высшим, что изначально заложено в каждого человека и может быть выявлено в соответствующих условиях. И это его бессознательно тревожит.

4

Диктатор изо всех сил пытается раскатать невозмутимость гостя, раз за разом одерживающей над ним победы в психологических поединках. Всякий раз его удар либо проваливается в пустоту – в лучших традициях философии боевых искусств, либо натывается на стену высшего самообладания. Даже имея право первого хода (молчаливо предполагалось, что темы бесед выбирает он сам), Чойо Чагас вынужден кружить, как хищный зверь, в поисках уязвимой точки. Но эти попытки всё более раскрывают его самого, и прежде всего – перед самим собой.

Родис не играет с владыкой, у неё иные цели. Она неуязвима, потому что ей нечего таить, любую мысль она бесстрашно доводит до логического завершения. Она неуязвима, потому что цельно проживает все чувства, и особенно – сострадание к людям и желание им помогать.

Чойо Чагас околдован не только внешностью гостя. Энергия бесстрашной чистоты её обаяния, наплывающая целостным потоком, мало-помалу проникла в тщательно скрываемые трещины его неизбежно ущербного внутреннего мира.

В результате их парадоксального взаимодействия он придумал сложный компромисс, сочетающий, на его взгляд, интересы всех сторон. Он предложил Родис стать матерью своего ребёнка, утверждая, что делает его наследником.

5

6

Так неготовность выйти из мира очевидности приводит к рассудочным рационализациям, наслоению эпициклов на изначально чистое и незамутнённое зерно духа, видящее «Прямым Лучом». Энергия владыки оказалась неспособна разогнаться для преодоления огромной психологической гравитации коллапсирующей ноосферы его планеты, почти соскользнувшей в чёрную дыру полного инферно.

Тормансианам, даже образованным, невероятно тяжело воспринимать диалектические формулировки гостей с Земли. Для чёрно-белого мира богатство красок – всегда отвлечённость или фантазия.

В мрачную Матрицу искусственных представлений о должном попадают звездолётчики. Но человек, подвластный ей, не может противостоять злу в масштабах всей планеты. Условиям Торманса земляне должны противопоставить невиданное там качество духовного развития.

7

Конечная степень духовного восхождения в буддизме – нирвана. Это значит, что мудрец вырвался за пределы сансары – круга страдающей и перевоплощающейся жизни, превозмог её своим духовным подвижничеством и вступил в сверхжизнь, полную творческого блаженства. Однако часть йогов и подвижников сознательно отказываются от нирваны и с высот достигнутого спускаются обратно в наш мир. Ими движет любовь и сострадание к людям. Это **бодхисаттвы**. Судьба их, как правило, трагична.

Для тормансиан эти борения страдающих чистых сердец, принявших в себя яд их отравленной жизни, были таинственной эзотерикой, тем апокрифом, который смогли бы понять лишь единицы из них.

8

Люди ЭВР подобны воплощению своей власти над костной материей – Звездолёту Прямого Луча. Они глядят в сердцевину вещей и процессов, им видна скрытая за кулисами времени развязка.

– Обречённость Родис отгораживает её от меня, а за моей спиной тоже тень смерти...

Это слова Гриф Рифта. Его сомнения и стремление уйти с планеты далеки от страха или презрения к нижней жизни. Он потерял любимую женщину и, полюбив «женщину, которую невозможно было не любить», понял, что теряет и её тоже. И не только он, вся мудрая и устроенная Земля потеряет её. И не поможет ни

великое знание, ни беззаветная преданность, ни самая пламенная любовь. **«Нельзя безнаказанно пройти через инферно»**. В этой фразе – и добровольное принятие закона жертвы, и запрет на возмездие, и тяжкое сомнение Рифта в смысле окружающего мира, убивающего своих лучших детей.

Вскоре едва не погибает Чеди Даан. Помните?

– Вы? – с безмерным удивлением прошептала Чеди.
– За что?

Молодая социологиня с фиалковыми глазами оказалась погружена в самые непредсказуемые слои инферно, где беда приходит случайно и является привычной, где хаотичность неупорядоченной жизни гарантирует выковывание кармической цепи Стрелы Аримана и преобразуется в трагическую закономерность.

Нравственная высота девушки столь велика, что убийца вызывает в ней лишь глубочайшее горестное удивление. Самоубийство Шотшека, ощутившего непереносимые по чистоте вибрации духа, показывает Ефремова знатоком, приобщённым к высшим загадкам человеческого бытия. Только человек, понимающий ослепительную силу света, мог так описать звериные мучения прикоснувшегося к этому свету абсолютно неподготовленного существа. На Востоке сказали бы, что **мгновенная карма Шотшека есть результат его покушения на святое**.

Мы уже упомянули о карме – законе причинно-следственных связей, законе воздаяния.

9

Люди Земли приняли на себя карму тормансианского общества и добровольно стали для него искупительной жертвой. Но жертв оказалось мало...

Если человек прямо из сауны отправится гулять в тридцатиградусный мороз, то он серьёзно рискует физическим здоровьем. Если дирижёр или композитор пойдёт работать на стройку, где жуткие механические звуки молотов, пил и свёрл заменят ему виолончель, рояль или арфу, он рискует здоровьем психическим. Но если честный и добрый человек идёт увещевать бандитов и отморожков, то он рискует жизнью.

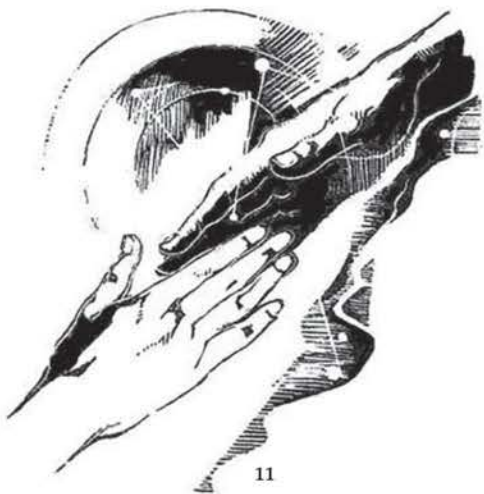
Слишком велика разность потенциалов.

10

Недаром астронавигатор Вир Норин, изумляясь нечеловеческим условиям в местных больницах, ёмко обобщает причины существующего положения дел:

–Люди Ян-Ях не подобны туго натянутым струнам, как мы, земляне, и легче переносят инфернальные условия. У них нет другого выхода. Мы бы очень скоро расплатились здесь за нашу быстроту реакций, напряжённость чувств и нагрузку памяти.

11

И, несмотря на это, тот же Вир Норин добровольно включается в карму планеты, ответив на любовь тормансианской девушки Сю-Ан-Те.

Земляне трезвы в своих оценках. Они понимают, что Вир Норин проживёт в условиях планеты мучений от силы год-два и погибнет. Понимает это и сам Вир Норин. Но решения своего не меняет. Потому что энергия истинной любви истиннее любой другой. А истинно только то, за что человек готов умереть. **Карма Торманса захлестнула всех землян. Важно другое – земляне сознательно это допустили, так как тормансиане нуждались в третьем измерении, в тех самых «опорных столбах, возвышающихся над средним уровнем»,** о которых Ефремов пишет как о необходимом избыточном разнообразии, разрушающем поверхностную адаптацию плоской системы.

12

Тучи сгущаются над пришельцами. Земляне стали катализаторами медленно назревавших событий и невольно пробудили защитные механизмы, свойственные всякой системе. И в этом тоже была своя предсказуемая, но неотвратимая диалектика. Врачуя планету от нравственной чумы, они были защищены от заражения своей моральной чистотой и знанием. Они знали меру, и сострадание их было действенно. Но весь смысл миссии заставил их сознательно нарушить известную истину, что «никакие условия, мольбы и договоры с бандитами невозможны». Из-за этого они остались уязвимы физически, и система лжи, предательства и невежества нанесла свой главный ответный удар – погибла богоравная Фай.

Лишь в конце своих выступлений перед учёными Торманса Вир Норин говорит о том, о чём надо было, судя по всему, говорить с самого начала, – об изменениях психологии мировосприятия. От этого зависит выбор целей и средств исследования и готовность осознать те или иные выводы из своих опытов (сейчас этими вопросами занимается **постнеклассическая наука**, в том числе **синергетика** и **герменевтика**).

В этом тоже явственно видна борьба ограниченной очевидности и безграничной действительности, дискретности творчески скудного калейдоскопа внешне разорванных фактов и континуальности диалектически понятых процессов, протягивающихся в беспредельность.

Иллюстрации:

1-3, 6, 8-12 «Час быка». Рис. Г. Бойко и И. Шалито
4, 5, 7 Рис. А. Побединского. Публикация романа
«Час быка» в журнале «Техника-Молодёжи».

О ПРЕДВИДЕНИЯХ ИВАНА АНТОНОВИЧА ЕФРЕМОВА

Читая романы И.А. Ефремова, не перестаешь удивляться его научной прозорливости. Вот, он в романе «Час Быка» словами школьника из далекого будущего описывает научные взгляды второй половины XX века на вопросы материи и антиматерии:

«Они вглядывались в черноту ночного неба, не умея ни объяснить ее, ни понять того, что подлинный антимир тут же, рядом, черный, беспросветный, неосязаемый для приборов, настроенных на проявление нашего, светлого мира...»

...Антимир, черный мир, был назван учеными Тамасом, по имени океана бездеятельной энергии в древнеиндийской философии. Он во всех отношениях полярен нашему миру и поэтому абсолютно невоспринимаем нашими чувствами. Только недавно специальными приборами, как бы «вывернутыми» по отношению к приборам нашего мира, условно названного миром Шакти, начали нащупывать внешние контуры Тамаса.»

По мнению Ефремова материя и антиматерия образуют единую структуру мира.

Во времена написания романа понятие «темная материя» было лишь астрономической гипотезой, известной узкому кругу специалистов. Сегодня взгляды Ефремова на свойства темной материи вполне соответствуют современным астрофизическим данным. Действительно, темная материя не поглощает и не излучает свет, не взаимодействует с обычным веществом. Она присутствует везде и является структурообразующим звеном Вселенной. Её действительно невозможно обнаружить обычными приборами. До сих пор контуры темной материи во Вселенной прощупывают только по косвенным гравитационным аномалиям. И уже в наше время

начались серьезные попытки её поисков другими инструментальными методами...

В нашей жизни время от времени появляются такие люди, как Леонардо да Винчи, Никола Тесла, Жюль Верн, Герберт Уэллс и другие. Они приоткрывают нам завесу будущего и дают возможность подсмотреть краешком глаза — а как оно там будет... Их идеи будоражат воображение современников и долгое время служат путеводной звездой для поколений мечтателей и романтиков. Многие из таких идей, прозорливо рожденных из сплава фантазии и глубоких знаний, впоследствии действительно воплощались в реальность.

Иван Антонович Ефремов был одним из таких удивительных людей, сочетая в себе черты большого ученого, человека энциклопедических знаний и выдающегося писателя-фантаста. Он тщательно продумывал свои научно-фантастические идеи и прогнозы, давая им самое серьезное научное обоснование. И нередко напряжением своей мысли пронзал время, показывая нам фрагменты будущей реальности.

Давайте познакомимся с его некоторыми научно-техническими прогнозами, которые из невероятных, фантастических идей стали реальностью.

В статье для журнала «Geologische Rundschau» (1929 г.) высказано предположение, что дно океанов, подобно поверхности континентов, представляет собой многочисленные системы подводных горных хребтов, разломов, впадин и зон вулканической активности.

Известный немецкий геолог Отто Пратье дал резко отрицательный отзыв на статью: в то время считалось, что океанское дно – равнина, покрытая толстым слоем ила. Последующие океанографические исследования подтвердили правоту Ефремова.

В той же статье Ефремовым была высказана идея подводного телевидения, развитая позже в рассказе «Атолл Факаофо» (1944 г.). А еще спустя три года, в 1947 году на атолле Бикини была испытана первая система подводного телевидения.

В рассказе «Гонец Подлунный» (1944 г.) высказано предположение, что в Центральной Сибири жили первобытные люди – современники древнейших обитателей Африки, считавшейся прародиной человечества, а также высказано предположение о прямых связях между древними жителями этих регионов.

В 1982 году археолог Ю.А. Молчанов в устье ручья Диринг-Юрх недалеко от Якутска открыл стоянку первобытных людей, живших здесь 2,5 миллиона лет назад! Орудия труда первобытных людей Сибири по типам и технологии изготовления практически не отличались от аналогичных орудий, открытых в Восточной Африке археологом Л. Лики и датированных возрастом в 2,6 миллиона лет. А некоторые по своей архаичности оказались даже древнее африканских. Поразительность предвидения и открытия заключается еще и в том, что климат Центральной Сибири того времени, в отличие от тепличных условий Африки, суровостью мало чем отличался от современного.

В рассказе «Гонец Подлунный» (1944 г.) и в романе «Лезвие бритвы» (1963 г.) высказано предположение о высоком интеллектуальном уровне первобытных людей. Это предположение подтверждается многими современными открытиями. Например, в 1972 году во время раскопок недалеко от Ачинска был найден «жезл» из бивня мамонта, покрытый спиральным узором из 1065 лунок. Выяснилось, что «жезл» представляет собой очень точный лунно-солнечный календарь, изготовленный первобытными охотниками на мамонтов 20 тысяч лет назад.

В рассказе «Озеро Горных Духов» (1944 г.) высказано и обосновано предположение о существовании на Алтае месторождений самородной ртути. Позднее месторождения ртути действительно были найдены в отрогах Курайского и Северо-Чуйского хребтов, а также в долине реки Катунь. Долгие годы на Алтае велась промышленная добыча ртути, и только недавно ртутный рудник в Акташе был законсервирован.

В рассказы «Алмазная труба» (1945 г.) высказано и обосновано предположение о существовании в Сибири месторождений алмазов по аналогии с геологическим строением Южной Африки. Дан метод их поиска –

по наличию в породе красных пиропов. В августе 1954 года в Сибири было открыто первое месторождение – алмазная труба «Зарница». Метод поиска, предложенный Ефремовым, стал основным при поиске новых месторождений.

В рассказе «Тень минувшего» (1945 г.) и в повести «Звёздные корабли» (1947 г.) высказана идея о возможности создания объёмных изображений. Даны описание объёмного изображения и условия, при которых его можно наблюдать. В 1947 году Д. Габор сформулировал основные принципы голографии. В 1962 году советский физик Ю.Н. Денисюк и сотрудники Мичиганского университета Э. Лейт и Ю. Упатниекс получили первые голографические изображения.

В повестях «На краю Ойкумены» (1949 г.) и «Путешествие Баурджеда» (1953 г.) высказывается предположение о том, что в древности торговые и культурные связи были значительно обширнее, чем это представлялось современным историкам. Древние герои в произведениях Ефремова пересекают континенты, плавают по морям и океанам, встречают на пути представителей различных древних цивилизаций. Эта мысль всё больше подтверждается современными археологическими данными.

Особенно много для доказательства обширнейших связей между древними цивилизациями сделал выдающийся путешественник, этнограф и археолог Тур Хейердал. Он на практике доказал свою теорию. Подобно древним жителям Южной Америки он переплыл Тихий океан на бальсовом плоту «Кон-Тики», преодолел Атлантику на папирусных лодках «Ра» и «Ра-2», построенных по древнеегипетскому образцу.

Во время палеонтологической экспедиции в Монголии Ефремов обнаружил древние залежи кордаитовых лесов палеозойской эры, которые затем образовали мощные пласты каменного угля. Известно, что леса растут вдоль климатических поясов. Находка доказала, что полоса кордаитовых лесов проходила сплошным поясом с севера на юг, от Сибири до Индии, т.е. вертикально. Но климатические пояса на Земле всегда располагаются горизонтально, параллельно широтам.

В повести «Дорога ветров» (1955 г.) Ефремов сделал смелое предположение о том, что около 300 млн. лет назад ось вращения Земли лежала горизонтально в плоскости вращения планеты вокруг Солнца. Затем некая глобальная катастрофа привела к повороту земной оси на 90 градусов, в нынешнее вертикальное положение. Тогда Ефремову не поверили: «Астрономы, пока упорно верящие в неизыблемость планетных осей, будут находить всяческие возражения и авторитетно «опровергать» нас, геологов...». Современными средствами космической геодезии удалось обнаружить факты смещения земной оси в результате сильных землетрясений, например, на Суматре (2004 год), в Чили (2010 год). А в результате землетрясения в Японии в марте 2011 года земная ось сместилась на целых 10 сантиметров. Так что «неизыблемость» земной оси в наше время научно опровергнута. Вероятной причиной глобального переворота Земли в палеозое мог стать раскол древнего суперконтинента Пангея, произошедший на границе Пермского и Триасового периода. В результате этого раскола образовались современные материки. Предполагают, что в то время погибло до 95% всех живых существ на планете. Сегодня известно, что к подобной катастрофе также может привести удар крупного астероида.

Особенно плодотворным на сбывшиеся прогнозы стал роман «Туманность Андромеды» (1957 г.).

Высказана идея спорамина — лекарства, выключающего сон. В наше время такие лекарства уже существуют.

Высказана идея ионно-триггерных моторов для космических кораблей. В таких двигателях реактивная тяга создается потоком ионов. В наше время ионные двигатели созданы. Их уже начинают применять, например, на спутниках для коррекции орбиты.

Высказана идея кодировки и хранения фильмов и книг в электронной форме вместо традиционных в то время фотокопий. В любом месте по запросу через специальную машину необходимую информацию можно было получить из хранилища. Спустя несколько десятков лет с созданием всемирной компьютерной сети хранение информации в цифровой форме получило широкое распространение и стало общедоступным. Появились электронные библиотеки.

Высказана идея устройства «вектор дружбы», позволяющая напрямую общаться со знакомыми в любой момент, где бы они не находились. В наше время идея реализована в виде мобильной связи.

Высказана идея обеспечения дальней космической связи с помощью орбитальной группировки спутников-ретрансляторов, находящихся на разных орбитах, в том числе и на геостационарной. Данная идея была позднее реализована при организации связи с советскими станциями «Венера». Подобный принцип ретрансляции сигнала использовался, например, при связи с зондом «Гюйгенс» через станцию «Кассини», а также при связи марсоходов Opportunity и Spirit через орбитальный аппарат «Марс Одиссей».

и азота, так называемый «белый графит», со свойствами, близкими к обычному графиту. Графит при высоком давлении и температуре способен превращаться в алмаз. Ефремов предположил, что «белый графит» при аналогичных условиях также способен преобразовываться в сверхпрочный материал, который он назвал «боразон» (по имени образующих его элементов). Публикация романа началась в январском номере журнала «Техника-Молодёжи» в 1957 году. А всего месяца спустя, в феврале 1957 года сотрудник американской компании "General Electric" Роберт Венторф впервые в мире синтезировал новый материал — кубический нитрид бора. Работы велись в обстановке секретности. И только в 1969 году компания "General Electric" зарегистрировала новый материал под брендом «боразон».

Высказана идея наблюдательных автоматических станций, сбрасываемых на исследуемую планету для передачи данных о её физических условиях и для передачи с её поверхности изображения. Не прошло и трех лет после публикации романа, как 14 сентября 1959 года советская автоматическая станция Луна-2 совершила посадку на поверхности Луны. С той поры автоматические станции еще не раз побывали на поверхности Луны, достигли поверхности Венеры, Марса и Титана (спутник Сатурна).

Высказана идея электромеханического «прыгающего скелета», одеваемого поверх скафандра для облегчения передвижения на планетах с увеличенной силой тяжести, то есть экзоскелета. Первые реальные экзоскелеты начали разрабатываться в 60-е годы в военных лабораториях. В наше время экзоскелеты разрабатываются также в медицинских целях и для исследований космоса.

Высказана идея сверхпрочного защитного покрытия звездолетов из боразона. Известно соединение бора

Это название, несомненно, было навеяно романом «Туманность Андромеды».

Высказана идея силиколла — прозрачного материала из кремнийорганических соединений. Подобные материалы уже синтезированы и широко применяются в промышленности и в быту.

Высказана идея силикобора — высокопрочного соединения кремния и бора. В начале 80-х годов в Сибирском отделении академии наук СССР был создан целый класс упрочняющих покрытий на основе соединения бора и кремния, так называемые борсилициды. В частности они использовались для повышения износостойкости металлорежущих инструментов.

Высказана идея стереотелевизиофона. Аппараты для видеообщения и стереотелевизоры — это уже обыденность нашего быта. И передача стереоизображения в мобильных устройствах — уже не фантастика, а одно из перспективных направлений инженерных разработок.

Высказана идея прыгающих реактивных самолетов (спиролетов) для сверхбыстрых полетов на дальние расстояния, то есть идея гиперзвуковых полетов. Первые экспериментальные результаты в области гиперзвука были получены в секретных военных центрах лишь в начале 60-х годов прошлого века. В начале XXI века предприняты первые попытки реализации гиперзвукового полета в области суборбитальных пассажирских полетов, например, проекты SpaceShip и Lynx.

Высказана идея искусственного разведения в океане хлореллы для получения белковой пищи. Спустя десятки лет морская агрокультура стала реальной отраслью сельского хозяйства, и получает все более и более широкое развитие.

Высказана идея хроматооптрических красок, обладающих большой силой отражения света внутри слоя. Это позволило бы сделать картины более яркими и выразительными. Подобные краски в наше время существуют. Например, каждый водитель ночью видит ярко светящиеся в свете фар дорожные знаки. Эффект в данном случае достигается введением в краску стеклянных микросфер. С развитием наноматериалов возможно появление и других красок с сильными отражающими свойствами.

Высказана идея термобарооксигенатора — камеры для сохранения жизнеспособности тяжело больных людей с возможностью точной регулировки температуры, давления и насыщенности кислорода. В наше время подобные камеры являются важнейшим атрибутом каждого перинатального или ожогового центра.

Высказана идея геологической бомбы, сбрасываемой со звездолёта на исследуемую планету для получения направленного выброса грунта в верхние слои атмосферы, что позволило бы вести дистанционный сбор проб грунта. Идея дистанционного взятия проб грунта без посадки на поверхность была реализована в конструкции автоматических межпланетных зондов «Фобос-1» и «Фобос-2». Только в данном случае вместо бомб предполагалось использовать мощный лазерный луч.

В повести «Сердце Змеи» (1959 г.) высказана идея насекомообразного хирургического микроробота-«сколопендры», способного самостоятельно проводить операции во внутренних полостях организма. Еще в конце XX века начались первые разработки «интеллектуальных» насекомообразных микророботов. Сейчас ведутся разработки нано-технологических механизмов, способных выполнять аналогичные задачи.

В романе «Лезвие бритвы» (1963 г.) высказана идея лазера, способного излучать под действием солнечного света, т.е. работать за счёт даровой энергии солнца. Такие лазеры уже созданы. Например, лазер с накачкой излучением солнца, изобретённый в 1984 году в Институте высоких энергий АН СССР (авторское свидетельство на изобретение №1208591).

В рассказе «Пять картин» (1965 г.) высказана идея использования льдов Антарктиды в качестве источника пресной воды для орошения засушливых районов планеты. В настоящее время существует множество подобных технически обоснованных проектов.

В романе «Час Быка» (1968 г.) нашли свое подтверждение еще несколько идей И.А. Ефремова.

Высказана идея скрепления сломанных костей и мелких осколков специальными крючками, чтобы обеспечить их правильное срастание. Позднее учёными Сибирского физико-технического института (Томск) были разработаны и внедрены в практику крючки из сплавов с памятью формы (сплавы никеля с титаном), обеспечивающие правильное скрепление костей без накладывания гипсовых повязок. С их помощью можно лечить самые сложные переломы, не поддающиеся другим методам лечения.

Высказана идея конструкции телескопической башенки, выдвигаемой из свернутой в рулон металлической ленты. В настоящее время подобные конструкции уже изобретены. Так, в изобретениях по патенту США №3451182, по авторскому свидетельству №536308 предлагаются подобные раздвижные телебашни, мачты, антенны, опоры и т.п.

Высказана идея миниатюрных твёрдотельных кристаллических информационных накопителей — «звёз-

дочек».

Флэшки, карты памяти, твердотельные жёсткие диски и т.п. – незаменимая часть нашей жизни с начала XXI века.

В произведениях Ефремова есть еще немало идей, которые в близком или далеком будущем, также могут воплотиться в реальность. Они зовут за собой будущие поколения учёных и инженеров, направляя их творческие поиски, словно путеводные маяки в тумане неведомого.

Например, идея Великого кольца из романа «Туманность Андромеды» вдохновила целые поколения ученых на серьезные поиски внеземных цивилизаций и в 1959 году начала осуществляться в виде проекта SETI.

Или идея Тибетского опыта из «Туманности Андромеды», развитая в романе «Час Быка» в идею звездолёта Прямого Луча, способного мгновенно пронзять пространство и время через нуль-пространство (термин придумал Ефремов). Возможно, современные исследования темной материи и кротовых нор – это тот самый первый кирпичик, положенный в фундамент долгой дороги к Прямому Лучу.

Но главной целью творчества Ефремова всегда был человек. Вот, например, как он написал об этом в «Часе Быка»: «самое трудное в жизни — это сам человек, потому что он вышел из дикой природы не предназначенным к той жизни, какую он должен вести по силе своей мысли и благоденствию чувств».

Идеи Ефремова о будущем человека и общества не менее захватывающи, чем его научные и технические прогнозы. Например, одна из самых выдающихся теорий Ефремова – теория инферно из романа «Час Быка». Инферно в переводе с латыни обозначает ад. Теория рассматривает опасности социального порабощения человечества и показывает пути выхода из инферно.

Как завещание и напутствие самого Ивана Антоновича звучат строки из романа: «Если уж находиться в инферно, сознавая его и невозможность выхода для отдельного человека из-за длительности процесса, то это имеет смысл лишь для того, чтобы помогать его уничтожению, следовательно, помогать другим, делая добро, создавая прекрасное, распространяя знание. Иначе, какой же смысл в жизни?»

Иллюстрации Г. Тищенко к роману
«Туманность Андромеды»

«На планете железной звезды»

КАЛЕНДАРЬ ИВАНА АНТОНОВИЧА ЕФРЕМОВА

И. А. Ефремов.

ТАБЛ. № 16 - 1972 - календарь

	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ
БС	2 9 16 23 30	1 13 20 27	5 12 19 26
ПН	3 10 17 24	2 14 21 28	6 13 20 27
ВТ	4 11 18 25	3 15 22 29	7 14 21 28
СР	5 12 19 26	4 16 23 30	8 15 22 29
ЧТ	6 13 20 27	5 17 24 31	9 16 23 30
ПТ	7 14 21 28	6 18 25 31	10 17 24 31
СБ	8 15 22 29	7 19 26 31	11 18 25
	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ
БС	2 9 16 23 30	1 8 15 22 29	4 11 18 25
ПН	3 10 17 24	2 9 16 23 30	5 12 19 26
ВТ	4 11 18 25	3 10 17 24 31	6 13 20 27
СР	5 12 19 26	4 11 18 25 31	7 14 21 28
ЧТ	6 13 20 27	5 12 19 26 31	8 15 22 29
ПТ	7 14 21 28	6 13 20 27 31	9 16 23 30
СБ	8 15 22 29	7 14 21 28 31	10 17 24 31
	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ
БС	2 9 16 23 30	5 12 19 26	3 10 17 24
ПН	3 10 17 24 31	6 13 20 27	4 11 18 25
ВТ	4 11 18 25	7 14 21 28	5 12 19 26
СР	5 12 19 26	8 15 22 29	6 13 20 27
ЧТ	6 13 20 27	9 16 23 30	7 14 21 28
ПТ	7 14 21 28	10 17 24 31	8 15 22 29
СБ	8 15 22 29	11 18 25 31	9 16 23 30
	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
БС	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
ПН	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
ВТ	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
СР	4 11 18 25	8 15 22 29	6 13 20 27
ЧТ	5 12 19 26	9 16 23 30	7 14 21 28
ПТ	6 13 20 27	10 17 24 31	8 15 22 29
СБ	7 14 21 28	11 18 25 31	9 16 23 31

Иван Антонович сам изготавливал себе настенные календари – так, чтобы неделя начиналась с воскресенья. Прожитые дни он заштриховывал...

Штриховка прерывается 4 октября, в день смерти Ивана Антоновича Ефремова

Сканирование выполнено Петром Леоновым.

Весной 2017 года фонды Вырицкой поселковой библиотеки имени И.А.Ефремова пополнились новым – южнокорейским – изданием «Туманности Андромеды». Книга, как наглядное свидетельство неостывающего интереса к творчеству выдающегося писателя-фантаста, пришла по почте из Сеула. Конечно, оформление обложки романа об Эре Великого Кольца в стиле советской символики – мало того, советской ВОЕННОЙ символики – явный анахронизм, но сам факт появления этого издания отраден.

С аргентинцем Уго я познакомился в 2005 году – он в то время жил в Москве, работая переводчиком. Мы много говорили об эволюции разума, о переходном времени, которое переживает земная цивилизация, о новом социализме и новой духовности... много о чём. Тогда Уго впервые услышал имя Ивана Антоновича Ефремова.

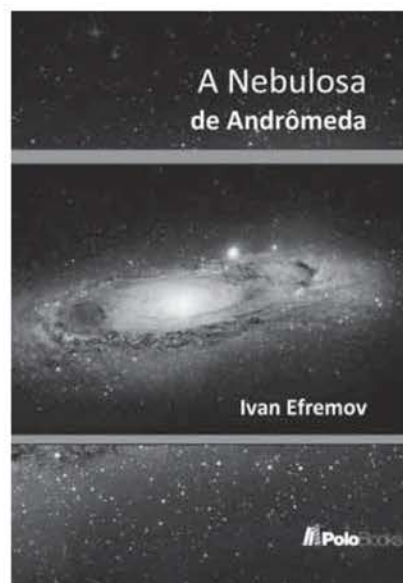
Года через два мой друг вернулся на родину, общение продолжалось по почте, а ещё через несколько лет стремительно возник снова.

Тогда-то он и поделился замыслом: издать Ефремова в Южной Америке. Поддержку проекту оказывал московский Институт перевода – организация, занимающаяся распространением в мире интереса к русской культуре.

Переведём и издадим «Туманность Андромеды», сказал Уго. Я пытался возражать, что, мол, «Туманность...» и так переведена на испанский, а в сегодняшнем мире актуальнее было бы распространять «Час Быка», – но мой друг хотел сделать свой, по-своему осмысленный, перевод именно первого романа Ивана Антоновича.

Так появилось два новых издания. В 2014 году в издательстве PoloBooks, Сан-Паулу, в переводе Аны Факундиш вышло бразильское, а годом позже в Буэнос-Айресе в издательстве «Сума Каманья» (Suma Qamania, что на языке индейцев аймара означает «вести разумный образ жизни») увидело свет аргентинское, в переводе Уго.

ТУМАННОСТЬ, СГУЩАЮЩАЯСЯ В ЯБЛОКО

Семь лет назад вышла в Москве моя книга «Теория прогресса».

Весьма активная жизни некоего Лёньки Осянина проходит на фоне совершенно необычного, почти невероятного события – запуска на орбиту Земли первого в мире искусственного спутника. В СССР, понятно. Новая звездочка, легко скользящая по ночному небосводу – это создание рук человеческих, это прямое подтверждение придуманной Колькой теории прогресса: все в жизни нужно делать так, к каждому делу, к каждому человеку нужно относиться так, чтобы к концу прожитого нами дня мы становились бы хоть чуть-чуть лучше.

Это не просто. Ведь описывался 1957 год.

Окружающий Лёньку (то есть, меня) мир как-то мало годился для совершенствования. Гипсовые пионеры с горнами в городском парке, жестяные, потемневшие от непогоды флюгера над деревянными крышами, темные бревенчатые заборы, утренний нежный туман в огородах над бледными цветочками завязавшейся картошки, лужи на улицах, полонез Огинского, негромко доносящийся из репродуктора, фетровые шляпы, «балетки» из черного дерматина. А если внимательнее и дольше слушать репродуктор, то имена, имена, события. Дуайт Эйзенхауэр, Мао Цзэдун, генерал Де Голль, вторжение британских войск в Йемен, бои в Алжире, протесты против ядерного оружия...

1957 год. Книжки в библиотеке не те, что сейчас.

Конечно, Пушкин, Толстой, Тургенев, это само собой, это школьная программа. Но там же, на книжных полках можно найти «Астробиологию» профессора

Г.А. Тихова. На цветной обложке – красная пустыня, редкие растеньица, кажется, синего света, и огромная планета Земля – на фоне звезд. Сфотографировано, понятно, на Марсе. Рядом с книжкой Тихова «Аэлита» – опять Марс. И «Звездные корабли» – там гости уже не с Марса, с других планет. Получалось, что мир огромен, в нем много разумных существ.

Но где все эти инопланетные гости? Как с ними общаться?

Никаких звездных кораблей, никаких специальных учебников по астробиологии или астроботанике; снова и снова – пыльные чердаки, пропахшие самосадом, кирпичные трубы над деревянными крышами, голубое небо, еще не расчерченное следами реактивных самолетов, ну и – «апрелевские» пластинки с невероятным голосом Имы Сумак, «Рассказы о том, что тебя окружает», алюминиевая посуда, кровати с панцирными сетками и никелированными шарами на фигурных спинках...

Боже мой! Какая астробиология, какие звездные корабли!

Что-то движется, конечно, не без этого. Первый полет «Ту-104», мощный атомный ледокол «Ленин», советские ученые в Антарктиде, синхрофазотрон в Дубне, но на знакомых улицах – лужи, в домах – хлипкие венские стулья, папиросы «Север», простеганные телогрейки, полувоенные кители, деревянные кадушки с соевыми огурцами. В школе – уроки труда в мастерских, работа с деревом, какая тут астробиология? А еще – двойные рамы с серой ватой между ними и вырезанными из бумаги красными и зелеными звездочками, китайский чай в узких цветных бандерольках, резиновые калоши, – какой Марс?

Как и все, я слушал радио, прислушивался к разговорам взрослых.

Всё определено. Зимой снег, летом – жара, пух тополей, ряска на озере.

И вдруг неожиданность: в журнале «Техника-Молодёжи» начинает печататься роман Ефремова «Туманность Андромеды». Туманность... Какая туманность?.. Названия глав чего только стоят! «Железная звезда»... «Эпсилон Тукана»... «Легенда синих звезд»... «Симфония фа-минор цветовой тональности 4.750 мю»... «Красные волны»... «Ангелы неба»...

И так номер за номером.

А параллельно печатанию романа начали появляться в газетах недовольные отклики читателей, действительно не понимающих, о чем идет речь? Какой такой эпсилон? – мы улицы не можем благоустроить. Какая симфония фа-минор, да еще в цветовой тональности? – у нас электричество подведено не ко всем поселкам? Отдавать детей в специальные школы, высылать преступников куда подальше? – мы это уже пытались делать, есть проблемы острее. Где, к примеру, добыть дешевый кирпич для новой печи? Как перетащить на свой участок купленный тёс? Какие к черту папиросы «Казбек»? – на них денег не напасешься, канская махорка дешевле. Рано, рано говорить о далеких звездах, сперва починим заборы у своих домов.

Но приходил следующий номер журнала, и вновь и вновь происходило чудо.

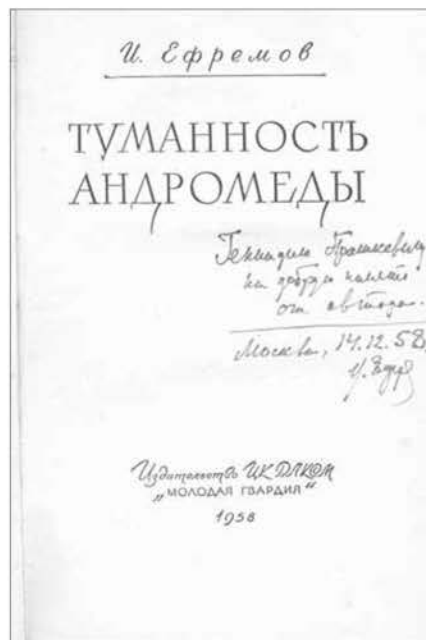
Чудо *туманности*, на глазах сгущающейся в яблоко будущего.

Правда, критиков было много. И это были сердитые критики. Может и печатание романа они бы прекратили (дела земные важней), но осенью все того же замечательного и трудного 1957 года на орбиту Земли учеными и инженерами СССР был выведен первый искусственный спутник.

«В результате большой, напряженной работы научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, – торжественно вещал диктор, – ракета-носитель сообщила спутнику необходимую орбитальную скорость... В настоящее время спутник описывает эллиптические траектории вокруг Земли и его полет можно наблюдать в лучах восходящего и заходящего Солнца при помощи простейших оптических приборов...»

То есть, пока сердитые критики ворчали о необходимости ремонта дорог, кто-то (ученые, конструкторы, инженеры) занимались уже вопросами будущего.

И о будущем думали писатели, тот же Ефремов.

И вот туманность сгустилась в яблоко.

«Спутник имеет форму шара диаметром 58 сантиметров и 83,6 килограмма. На нем установлены два радиопередатчика, непрерывно излучающие радиосигналы с частотой 20,005 и 42,002 мегагерц с длиной волны около 15 и 7,5 метра соответственно».

Радиосигналы... Слышите? Мегагерцы... Длина волн...

Вот вам и симфония фа-минор цветовой тональности 4.750 мю...

Впрочем, и критиков можно было понять. Ефремов писал о таком далёком, таком невероятном будущем, что говорить о нем, казалось, не имело смысла. Ну ведь правда, какая железная звезда? Сами вдумайтесь, какие полеты к неизвестным звездам? – мы всё ещё на маргарине живем.

Но я от любимого журнала не отрывался.

Я к тому времени хорошо знал, что Иван Антонович Ефремов не просто писатель-фантаст, выдумщик, я знал, что он – ученый, значит, знает, о чем пишет. Он известный палеонтолог, основатель одного из отделов палеонтологии – тафономии (учения о закономерностях захоронения ископаемых организмов). Как не знать, я перечитал все его книги и уже год переписывался с Ефремовым, получал от него письма,

читал даже научные его статьи, и они приводили меня в восторг не меньший, чем его же фантастические рассказы. Даже в научных текстах Иван Антонович умел добиваться почти художественного эффекта.

«Плоские материки среднего мезозоя были подвержены приливным волнам». – Это я цитирую статью Ефремова «Некоторые замечания по вопросам исторического развития динозавров». – Эти исполинские волны ходили на большом пространстве, сразу поднимая уровень воды в прибрежных лагунах, озерах и болотах на несколько метров, сметая все, что не было приросшим ко дну, силой своего напора. Поэтому древние четвероногие обитатели прибрежий могли жить только в затопленных лесах или на защищенном барьерными рифами берегу. Гигантские животные (зауруподы) в десятки тонн весом успешно сопротивлялись силе приливных волн, не тонули при подъемах воды и освоили новую, громадную зону обитания, где не имели конкурентов. Становится понятным развитие у заурупод больших когтей, необходимых для цепляния за грунт...»

«Чем дальше, тем страньше», – говорила Алиса в известной Стране чудес.

«Нам, к сожалению, не удалось добыть каких-либо доказательств окраски тела динозавров, все же биологический подход к этому вопросу дает возможность предположить, что в эпоху динозавров существовало огромное разнообразие окрасок, в известной степени аналогичное таковому у современных птиц и тропических ящериц. Зрение, ведущее чувство у заурупсид, вне всякого сомнения, обусловило появление окрасок как защитных, так и очень ярких, возможно сопряженных с различными выростами, необходимых для сигналов стадным животным...»

Иван Антонович Ефремов жил в каком-то другом, в совершенно невероятном чудесном мире, а я – на всем знакомой Земле, в далекой сибирской провинции, но связь между нами существовала! Даже «Тафономию» я получил. «Ее сейчас нигде не сыщешь днем с огнем, – писал мне Иван Антонович. – Но среди старых оттисков я нашел так называемые «чистые листы», оставшиеся у меня от корректур «Тафономии». Здесь нет начала, т. е. фактического материала по местонахождениям, но зато все остальное – все закономерности и выводы – это

все есть. Сохраните корректуру, и если она вам не будет нужна, – пришлите обратно...»

Нет, мы жили не в разных мирах.

«Что вы собираетесь делать летом? – спрашивал меня Иван Антонович. – Наш музей (палеонтологический, в Москве) мог бы дать вам одно поручение: посмотреть, как обстоят дела с местонахождением небольших динозавров с попугайными клювами – пситтакозавров, которое мы собирались изучать в 1953 году, но оно было затоплено высоким половодьем. Это в девяноста километрах от Мариинска, который в 150 км по железной дороге от вашей Тайги...»

Разумеется, я побывал под Мариинском на реке Кне.

«В этом году – писал Иван Антонович годом позже – у нас будет большая экспедиция с палеонтологическими раскопками в бассейне реки Камы. Если бы вы смогли принять в ней участие, то было бы очень полезно. Напишите начальнику этой экспедиции Чудинову Петру Константиновичу, что вы хотели бы принять участие в экспедиции в качестве рабочего. Напишите ему, что вы сможете приехать из Тайги за свой счет, а я пришлю Вам денег на дорогу. (Чрезвычайно уместное уточнение для того времени). Сделать это надо не очень откладывая, чтобы иметь вас в виду...»

Конечно, я написал. Конечно, я побывал в бассейне реки Камы.

Моя жизнь изменилась. Я теперь даже читал иначе – с пониманием.

Но хотелось большего. Всегда нам хочется большего. Самого Ивана Антоновича я увидел уже в Москве, после Очерской экспедиции. Широкоплечий, грузный, чуть картавящий. Август. В руках клетчатый платок – жарко. Поглядывает на меня с некоторым удивлением. В виде поощрения я живу прямо в Палеонтологическом музее. Под гигантским скелетом диплодока брошен спальный мешок, в соседнем зале сумеречно отсвечивают ожелезненные скелеты парейазавров, а в одной из витрин (я уже знаю) хранится знаменитый (описанный в повести «Звездные корабли») отполированный временем череп доисторического бизона с круглым (пулевым якобы) отверстием.

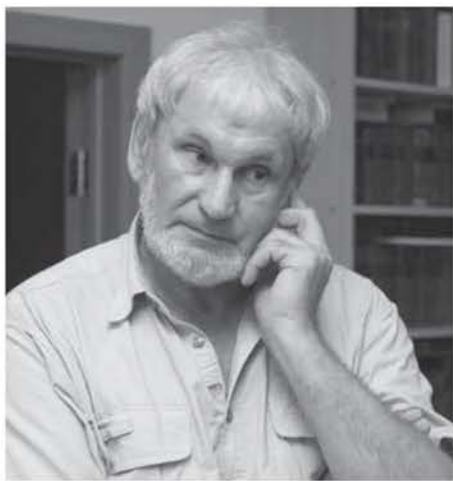
Всей душой тогда я мечтал заниматься наукой.

Но вот странно. Открывая передо мной её перспективы, Ефремов каким-то совершенно непонятным образом открывал для меня литературу, будто чувствовал мое настоящее будущее, открывал ее суть.

Я даже писал что-то, а читал действительно много, впрочем, наверное, не всегда воспринимая главное. Ефремов и это чувствовал. Рассказывая какую-нибудь интересную историю, мог отвлечься, спросить. Ну вот, скажи, прочел ли я «Анну Каренину»? А если прочел, то чем там, собственно, всё закончилось? По молодости лет я отозвался о романе Льва Николаевича Толстого легкомысленно. То ли дело рассуждать о Джозефе Конраде, о Чаде Оливере, о ветрах времени, зеркалах морей, а Иван Антонович с чего-то спрашивает про семью Карениных. Странно. Вот я и ответил честно. Нормально там все закончилось. Анна Аркадьевна бросилась под паровоз, ну и все такое прочее.

Иван Антонович даже остановился.

И я остановился, потому что не понимал.

Как так? О чем это он? Герои самого Ефремова летали к другим мирам, спорили с самим Пространством-Временем, устанавливали связи с совсем другими мирами, а тут какая-то Анна Аркадьевна, флигель-адъютант, лошадь. Кому это нужно? Это давно всё в прошлом. Теперь о будущем надо говорить.

«Девушка взмахнула рукой, и на указательном пальце ее левой руки появился синий шарик. Из него ударил серебристый луч, ставший громадной указкой. Круглое светящееся пятнышко на конце луча останавливалось то на одной, то на другой звезде потолка. И тотчас изумрудная панель показывала неподвижное изображение, данное очень широким планом. Медленно перемещался указательный луч, и так же медленно возникали видения пустынных или населенных жизнью планет. С тягостной безотрадностью горели каменные или песчаные пространства под красными, голубыми, фиолетовыми, желтыми солнцами. (Я невольно вспоминал «Астробиологию» профессора Г.А. Тихова). Иногда лучи странного свинцово-серого светила вызвали к жизни на своих планетах плоские купола и спирали, насыщенные электричеством и плававшие, подобно медузам, в густой оранжевой атмосфере или океане. В мире красного солнца росли невообразимой высоты деревья со скользкой черной корой, тянущие к небу, словно в отчаянии, миллиарды кривых ветвей. Другие планеты были сплошь залиты темной водой. Громадные живые острова, то ли животные, то ли растительные, плавали повсюду, колыхая в спокойной глади бесчисленные мохнатые щупальца...»

Вот оно – истинное, вот настоящее будущее.

А Каренина? Да проходили мы в школе этот роман.

Я даже плечами пожал. Нормально там у них всё закончилось.

Но Иван Антонович не считал, что всё это в прошлом. «Вернешься, перечитай».

Я не спорил. Конечно, перечитаю. И вернувшись домой срочно взял в библиотеке роман Толстого. И перелистывая страницы романа, вчитываясь теперь внимательно, сам каким-то неясным образом дошел до той странной мысли, что Лев Николаевич этот свой «устаревший» роман написал, видимо, не столько ради страданий несчастной Анны Аркадьевны (как и Ефремов свой знаменитый роман написал не ради приключений на железной звезде), сколько ради (возможно) последней восьмой части, которую прежде, во время занятий, я как-то не замечал, почти в нее не заглядывал, принимая за что-то совсем необязательное, ненужное.

«Уже стемнело, – тревожно вчитывался я, – и на юге, куда он (Левин, один из героев толстовского романа) смотрел, не было туч. Тучи стояли с противной стороны. Оттуда вспыхивала молния, и слышался дальний гром. Левин прислушивался к равномерно падающим с лип в саду каплям и смотрел на треугольник звезд и на проходящий в середине его Млечный Путь с его разветвлением. При каждой вспышке молнии не только Млечный Путь, но и яркие звезды исчезали, но, как только потухала молния, опять, будто брошенные какой-то меткой рукой, появлялись в тех же местах...»

Явственно я вдруг *увидел* это вспыхивающее и потухающее небо.

Это вспыхивающее и потухающее небо поразило меня. Как и Левина, впрочем.

«Ну, что же смущает меня? – так он думал (Левин). – Мне лично, моему сердцу открыто несомненное знание, непостижимое разумом, а я упорно хочу разумом и словами выразить его».

Знание, *непостижимое разумом*.

Я читал, уже понимая. Я начинал понимать.

Вот раздраженная Кити, жена Левина, сзывает к веранде детей (вот-вот хлынет дождь), а они не идут. Левин тоже раздражен, он в отчаянии от этого их постоянного непонимания? Всё смешалось не только в доме Облонских. Всё везде плохо, всё не стыкуется. И из этого темного, почти беспредельного отчаяния выводит Левина только очередная молния, высекающая вдруг мысль: ну, почему, почему это так? Почему нам не обнять, наконец, друг друга? Почему не жить иначе – светло и просто?

И Левин готов открыться, высказать жене эту мысль. Он идет к Кити, он уверен, что она поймет. А она вдруг спрашивает: «Ты еще не ушел?» И при свете очередной молнии Левин окончательно теряется. Понимания нет. Опять нет никакого понимания.

Будь между ними (между думающими людьми) понимание, Кити не попросила бы его, Левина, пойти в угловую комнату и посмотреть, приготовили ли там всё для гостя? Поставили ли новый умывальник?

И снова наваливается на Левина тоска вечного непонимания.

Неужели мы (люди) навсегда одиноки, никогда не поймем друг друга?

«Так же буду сердиться на Ивана кучера, так же буду спорить, нехоти высказывать свои мысли, — думает Левин. — Так же будет стоять стена между мной и друзьями, даже между мною и женой моей».

Вечность и непонимание.

Непонимание и вечность.

Вот главное. Вот ради чего пишут о несчастной Анне Аркадьевне и о приключениях на железной звезде. Пишут — с надеждой.

Авторитетное мнение

Дмитрий Быков: «В 90-е годы в России возобладала твердая вера в то, что капитализм (и лучше бы самый дикий) есть высшая и последняя стадия всего, а человек — неререформируемая грубая скотина. Демократия, по Черчиллю, есть лучшее из худшего, а потому не следует и рыпаться, ибо любая утопия в предельном ее развитии неизбежно ведет к насилию, крови...

Позиции Ефремова в общем виде сводились к тому, что ежели... человек не довольствуется нынешним своим состоянием и верит, что в перспективе возможна антропологическая революция, его ожидает еще множество приключений и немало формаций поинтереснее капитализма.

Ефремов, едва ли не самый живописный персонаж в истории русской словесности, обладал способностями, которые в таком букете и такой степени развития будут встречаться, пожалуй, разве что в эпоху Великого Кольца. Силач, боксер, рослый красавец (отец и вовсе хаживал на медведя с рогатиной), человек с фотографической памятью, знавший наизусть всего Брюсова и почти всего Блока, страницами цитировавший на память Грина и Дойла, основатель новой отрасли палеонтологии (именно за свою «Тафономию» он получил Госпремию), геолог, зоолог, путешественник, философ, историк, обладатель глубокого баса и абсолютного слуха...

После «Туманности», прославившей его во всем мире, Ефремов написал, вероятно, самое странное свое сочинение, глубоко и многослойно зашифрованный роман «Лезвие бритвы», которого, пожалуй, без «Часа быка» не понять.

«Все же жизнь моя теперь, независимо от всего, что может случиться, не только более не бессмысленна, как прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!» Сложно, не просто сказано. Пришлось самому добираться до сути.

Но, похоже, я добрался, потому что наша переписка с Иваном Антоновичем приобрела какое-то новое измерение. И я сам начал относиться к книгам иначе. Неважно, «Туманность Андромеды» была у меня в руках или «Анна Каренина».

Вряд ли Иван Антонович придавал какое-то значение этой истории, он, наверное, скоро вообще забыл о ней, но я-то знаю, я прекрасно знаю, что не только первый искусственный спутник Земли, не только «Туманность Андромеды», не только мои давние палеонтологические сезоны, не только чтение прекрасных глубоких книг изменили мою жизнь и направили ее в верном направлении, но и тот совершенно замечательный вопрос Ивана Антоновича. Так что, дай Великий Космос каждому из нас своего Ефремова.

Книга вышла в 1963 году и была во всех интеллигентных домах; хитро завернутая фабула с магическим кристаллом, отнимающим память, выдумана главным образом для маскировки. Гораздо сложнее была главная, тщательно упрятанная ефремовская мысль о том, что все великое и прекрасное в мире существует на лезвии бритвы, на тончайшей грани между диктатурой и анархией, богатством и нищетой, сентиментальностью и зверством; человек — тонкий мост меж двумя берегами, над двумя безднами... Человек и есть это самое лезвие бритвы, и он обязан из двух выбрать третье — потому что любой другой выбор неотвратимо ведет в инферно... Весь Ефремов зовет, требует, тормозит: не думай, что ты высшая ступень эволюции, что твой удел — зловонный хлев этого мира, что ты всего только высокоорганизованное животное, обреченное вечно терзать себе подобных, или подчиняться им! Разуй глаза: мир блещет и дразнит, но все в этом мире построено на доминировании, на зависимости от среды, на подавлении воли — хочешь ли ты этого? Готов ли ты вечно пребывать в детерминизме или в какой-то момент вспомнишь о своем высшем предназначении и перерастешь, наконец, скудную человеческую оболочку? Рано или поздно время великих утопий вернется, и если не удалась русская попытка воплотить их — может удастся другая, на новой почве и с другим, менее живучим историческим бекграундом. Отказ от мечты, от утопии, от будущего — самая страшная и глупая ошибка постсоветской России; но, может, она начнет опять читать Ефремова? Не знаю. А хорошо бы».

РАЗРЫВАЯ ГРОМАДУ ЛЕТ

Что чувствует археолог, очищая от глины артефакт, подобных которому не находили прежде? Что ощущает палеонтолог, когда обнаруживает неизвестный ранее вид древнего обитателя Земли? Скрытую от самого себя радость, смешанную с сомнением – опасливым неверием в удачу и в то же время ощущением явного открытия.

Именно так можно описать мои чувства, когда в июне 2016 года в РГАЛИ – Российском государственном архиве литературы и искусства – я обнаружила папку с неизвестным мне интервью с Иваном Антоновичем Ефремовым и девятью письмами, напечатанными на хорошо знакомой мне машинке с его исправлениями, дополнениями и подписью. Полтора десятка лет я посвятила изучению жизни и творчества Ефремова, написала в соавторстве с Н. Н. Смирновым книгу о нём, которая вышла в серии «ЖЗЛ», вместе мы подготовили к изданию «Переписку Ивана Антоновича Ефремова» в полторы тысячи страниц. И вдруг я встречаю имя человека, которое не слышала ранее ни от кого, и вижу девять писем, адресованных лично ему.

Адам Галис. Из краткой биографической справки удаётся узнать, что он на два года старше Ефремова, то есть по существу ровесник. Родился в Варшаве в 1906 году и прожил 82 года. В Варшавском университете обучался праву и польской литературе.

В Советском Союзе оказался в 1939 году в качестве секретаря и переводчика профессора Р. Ю. Фалька, учёного-антифашиста. Жил в Москве, Киеве, Ташкенте, Львове. В Польшу смог вернуться лишь в 1947 году.

До 1955 года был редактором польского радио, писал очерки и стихи на польском языке, переводил русскую поэзию и прозу. Любители русской литературы знают его как автора исследования «Восемнадцать дней Александра Блока в Варшаве».

В конце жизни он передал материалы своего личного архива, связанные с советскими писателями, в ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ). Там они и пролежали почти четыре десятилетия, пока я не заказала эту папку на выдачу. В ней оказались интервью с Ефремовым и письма Галису. (По моей просьбе А. И. Константинов дополнил новыми фактами статью об Адаме Галисе в Википедии.)

Интервью уникально, прежде всего, тем, что это не литературная обработка, а стенограмма. Это значит, что мы словно присутствуем на беседе, слышим именно интонации разговорной речи со всеми присущими ей отступлениями и заминками. Это позволяет нам ощутить непосредственную причастность к встрече. Вероятно, интервью было опубликовано (возможно, любители фантастики в Польше помогут нам разыскать его), но, конечно, в несколько приглаженном виде.

Из текста становится ясно, что сначала произошла встреча-знакомство. Затем два писателя договорились об основательной беседе, на которую была специально приглашена стенографистка.

На распечатке стенограммы дата не указана, но мы можем довольно точно рассчитать её: собеседники говорят об успешном запуске автоматической межпланетной

станции «Венера-1», осуществлённом советскими учёными 12 февраля 1961 года. Через семь дней связь со станцией была потеряна. Наиболее вероятное время интервью – с 12 по 19 февраля 1961 года.

Текст можно условно поделить на две части: биографическую и литературно-аналитическую. Как драгоценные камни, встречала я в интервью факты биографии И. А. Ефремова, которые при всём моём внимании к различным источникам не попадались прежде. Интересно было следить за логикой разговора, где Адам Галис показал себя умным и тонким собеседником, а Иван Антонович с максимальной открытостью и доброжелательностью отвечал на все вопросы.

При наборе интервью я исправила только имя интервьюера (в стенограмме он писался как «Галлис») и названия некоторых произведений Ефремова и других фантастов, которые стенографистка записала с ошибками.

Представьте, что вы сидите в читальном зале архива, на столе у вас – папка с пожелтевшими от времени листками, лампа с абажуром, блокнот, карандаш – и больше ничего. Итак...

Ольга Ерёмкина

РГАЛИ. Фонд 2826, опись 1, ед. хр. 2.

Иллюстрация А. Побединского к первой публикации романа «Туманность Андромеды» в журнале «Техника-Молодёжи» (1957 г.)

И. А. Ефремов: Может быть, будет лучше, если кто-то другой обо мне расскажет.

А. Г. Галис: Это будет рассказ о Вас, а есть такие моменты, как, скажем, ваша встреча с академиком Сушкиным, о которых только Вы сами можете рассказать, и это будет не то, что о Вас скажут. Не считите с нашей стороны это какой-то нескромностью, это не моя просьба, а просьба нашего читателя, который хочет кое-что знать о Вас. А книги – это Ваша юность, это Ваши интересы, Ваша наука.

И. А. Ефремов: Моя юность характерна для всего поколения. Это гражданская война. В ней я стал взрослым и становиться юношей.

В гражданскую войну я жил на юге Украины, в Бердянске, который был одно время переименован в город Осипенко, но сейчас его снова переименовали

в Бердянск. Там я учился в первой мужской гимназии, вернее, только начал учиться по своему возрасту. Потом началась гражданская война – 1918 год, немецкая оккупация Украины, и всякие занятия прекратились. И так случилось, что наша семья распалась, отец разошёлся с матерью, и я поехал к родственникам в Херсон. Там, в Херсоне, жил до 21-го года. Но случилось так, что родственники, у которых я жил, умерли от сыпного тифа, и я с братом и сестрой остались одни.

Мне удалось к тому времени, когда несколько раз сменилась власть на Украине и наконец установилась советская власть, устроить сестру и брата в детский дом, лучше сказать, в подобие детского дома, – тогда ещё не было настоящих детских домов, т. е. мы жили в той же квартире, но они находились в ведении так называемого Наробраза. А сам я стал воспитанником, как бы приёмным 2-й автороты 6-й автобазы Красной Армии. Так я считался приёмным автороты и путешествовал с ней вплоть до ликвидации Врангеля и позже, до великой демобилизации 21-го года.

А. Г. Галис: А у Вас было желание тогда читать книги? Какому автору Вы больше всего посвятили своё время?

И. А. Ефремов: Больше всего я любил Генри Райдера Хаггарда, это был мой любимый писатель. Я помню сильнейший обстрел Херсона. Белые находились по ту сторону Днепра, красные – здесь, и я сидел на железной лестнице, чтобы защититься, и читал «Копи царя Соломона» Хаггарда. Несмотря на обстрел, ушёл с головой в давние времена. Но всё-таки я подвергся потом контузии в Очакове; когда английский флот бомбил Очаков, я был контужен тяжёлым английским снарядом. С тех пор заикаюсь. Это не поддаётся никакому лечению, поскольку это не врождённое заикание, – а врождённое лечат. Вот и осталась памятка от англичан. Поэтому, когда мне предложили написать обращение к англичанам, я написал, что первое моё знакомство с ними было не совсем удачное, потому что англичане угостили меня снарядом.

А. Г. Галис: Херсон – это то же, что город Херсонес?

И. А. Ефремов: Нет, Херсонес – это южнее Севастополя, а Херсон довольно большой город.

А. Г. Галис: Я понимаю так, что Вы много путешествовали, но путь оттуда до этой комнаты весьма далёк. А были какие-то этапы в Вашей жизни? Вот это нас очень интересует.

И. А. Ефремов: Вот этим этапом и была большая демобилизация 21-го года. В 21-м я поехал на родину, в свой родной город Петроград (тогда он ещё не назывался Ленинградом). Я родился под Ленинградом и по происхождению петербуржец.

А. Г. Галис: Теперь я понимаю Вашу близость к морю.

И. А. Ефремов: Вернулся я к своим родным местам чтобы учиться. Окончил экстерном школу, потому что я был переросток и по моим познаниям годился учиться только вот с такими малышами.

А. Г. Галис: Но они на Вас смотрели с уважением?

И. А. Ефремов: Ну да! Герой, с красной звездой!

И надо сказать, что мне помог один очень добрый человек. Мне вообще везло в жизни. На моём пути мне попадались хорошие люди, которые мне помогали.

А. Г. Галис: А Вы в ваших книгах любите хороших людей?

И. А. Ефремов: Я и люблю хороших людей, и я не встречаюсь с плохими людьми. Так вот этот добрый человек Давыдов Василий Александрович бесплатно, без всяких моих просьб стал готовить меня по математике.

А. Г. Галис: Вам пришлось крепко поработать?

И. А. Ефремов: Пришлось крепко поработать. Но бог меня наградил от рождения огромнейшей памятью. Сейчас она стала много хуже, а раньше память мне очень помогала.

А. Г. Галис: Вот почему в народе говорят: дай бог память.

И. А. Ефремов: Да, это самый большой дар природы. Мой путь через науку поэтому и был лёгок. Я не могу сказать, что я ахти как трудился, потому что мне хватало времени и на спорт, и на науки, и на книги. И для того, чтобы сдать какой-то предмет, – а тогда мы пользовались более свободным расписанием, – мне достаточно было двух-трёх дней; скажем, анатомию человека я сдавал в два-три дня (я учился на биологическом факультете).

А. Г. Галис: Это был Ваш сознательный выбор?

И. А. Ефремов: Я потом скажу. Вот благодаря этому человеку я сумел кончить школу экстерном за два года.

А. Г. Галис: А на какие средства Вы жили?

И. А. Ефремов: Тут были разные мелкие заработки, а потом в Ленинграде были родственники, которые мне иногда помогали. И огромную помощь мне оказала «АРА» American Relief Administration. Я целый год прожил на одну «АРУ». Это была не шутка, как иногда думают, что, как в это войну, были какие-то пустяковые посылочки, вроде яичного порошка или двух книжек.

Тогда я получил большой мешок пшеницы, целую жестянку масла, десятка два банок сгущённого молока, и это была серьёзная помощь.

А. Г. Галис: А для памяти как раз необходимо физиологические вещества в мозг вводить.

И. А. Ефремов: Тут разыскался наш отец, который принял на себя заботу о брате и о сестре...

А. Г. Галис: А раньше Вы о них заботились?

И. А. Ефремов: Заботился, собственно, не я, а заботилось государство, а я о себе заботился. Я поступил в университет. Как это случилось? Нашёлся второй добрый человек — академик Сушкин. А надо сказать, что я с десяти лет интересовался палеонтологией. Я прочёл как-то десятикопеечную книжку издания Сытина и там натолкнулся на какой-то рассказ переводного писателя, даже не помню какого, о каком-то мальчике, который пошёл на каменоломню, там встретился с учёным, увидел скелет динозавра, затем учёный ему показал ящера ископаемого, дракона и т.д. Вообще пустяки, но эти пустяки меня очень увлекли, и настолько, что потом вот этот интерес к палеонтологии очень глубоко в меня засел.

А. Г. Галис: И этот интерес Вы реализовали?

И. А. Ефремов: Этот интерес никак не мог быть реализован, потому что жизнь, которую я вёл, не могла способствовать изучению науки. Помню, как в Херсоне мы вместе с одним студентом жгли какие-то баньки, чтобы обогреться. В гражданскую войну не было условий занятия науками.

И когда я стал кончать школу, я думал, куда идти? Я колебался очень долго между профессией моряка

и учёного, и даже кончил экстерном класс петроградского мореходного училища. Для хорошей памяти это ничего не стоило.

А. Г. Галис: А там были практические занятия тоже?

И. А. Ефремов: Там не было больших практических занятий, а это всего для маленькой справки, что я сдал экзамен на штурмана ближнего плавания. Судоводителю это практически никаких прав не давало, потому что я должен был этот практический стаж себе выплачивать, как говорят маленькие. И я потом принялся его выплачивать, о чём дальше расскажу. А для того, чтобы определить своё отношение к науке, я принялся писать профессорам и академикам. Написал Борисяку, директору того института, в котором учился, написал Яковлеву, директору Геологического комитета, с просьбой, чтобы они посоветовали, что делать. Они поступили по-своему отзывчиво, пригласили меня к себе. Ну, мальчик, а интересуется палеонтологией, и они отнеслись ко мне хорошо. Я у них побыл, поговорил, они дали мне пропуска в соответствующие библиотеки, чтобы я читал соответствующую литературу. Литература очень специальная, очень сухая, на иностранных языках, и мне к ней приступить было трудно. А куда идти, какой вуз для этого надо кончать, как реализовать этот вот мой детский интерес? И те книги, который он мне рекомендовал, они не могли меня удовлетворить. Ну, читал сухой учебник о костях каких-то допотопных животных — что я понимал?

Потом я наткнулся в журнале «Природа» на статью об ископаемых пермского периода автора Сушкина. Это один из самых крупных учёных не только наших, но и мира, один из значительных зоологов. Я поступил, как и раньше, — написал ему письмо. Он мне ответил письмом, которое у меня до сих пор хранится, со старой орфографией: приходите в такой-то час и день в музей, поговорим, что делать. Всего две-три строчки, которые решили мою судьбу. Я пришёл в музей, посмотрел всех этих ископаемых, и он решил сам руководить моими занятиями. У него как раз были новые книжки, прошедшие через блокаду. Ведь тогда была блокада Ленинграда, и всякое сообщение с заграницей было прервано, и книжки к нам длительное время не поступали — книжки, казалось бы, самые нужные не шли к нам в Советский Союз. А потом эта блокада только кончилась, и Сушкин сразу получил несколько ящиков книг и предоставил их в моё распоряжение. Больше того, в своём собственном кабинете он выделил мне место и велел поставить для меня стол.

А. Г. Галис: Я знаю, как свяшенно для каждого учёного его место. Благородный был товарищ.

И. А. Ефремов: Но устроить меня в штат академии на работу он не мог никак. И тогда я всё-таки решил пробывать свою морскую, так сказать, линию. Мне там друзья-моряки написали с Дальнего Востока, что есть возможность устроиться. А тогда было очень трудно устроиться моряком судна, потому что весь наш флот был уведён, нового не было, моряков было в 50 раз больше, чем судов.

И я поехал на Дальний Восток, где нанялся матросом на кавасаки – что-то вроде парусной рыбацкой шхуны с гордым названием «Третий Интернационал». Она возила пустяковые грузы – соль для рыбных промыслов. И вот там я проплавал, и проплавал до конца навигации, и в результате опоздал поступить в университет – как-то об этом не подумал.

Вернулся в Ленинград, и только благодаря записке академика Сушкина: принять вне очереди («столь важную персону», как я люблю называть щенка) – меня приняли. Так я поступил в ленинградский университет, на биологический факультет, как советовал академик Сушкин.

А. Г. Галис: Так что палеонтологией не пришлось заниматься?

И. А. Ефремов: Он считал, что для того, чтобы заниматься палеонтологией, надо иметь солидную подготовку.

На биологическом факультете в университете я проучился недолго – всего три года, а потом его бросил – как, потом расскажу.

На следующее лето я уже отправился на Каспийское море и опять поступил в моряки, матросом в УБЭКО Каспийского моря на Ленкоранскую флагманскую дистанцию, самую пограничную, и там плавали мы на катере, смотрели одни знаки, поправляли, устанавливали новые. На этом, собственно, закончилась моя морская карьера, потому что я получил в Баку телеграмму от академика Сушкина: «Есть штатное место в Академии наук. Выезжайте немедленно».

А. Г. Галис: Интересно, что и письмо, и телеграмма кратенькие.

И. А. Ефремов: А для того, чтобы охарактеризовать, насколько трудно было попасть в штат Академии наук, я скажу, что профессор Кузнецов, директор института земной коры, занимал штатное место истопника в Геологическом музее, потому что другого не было, и получал 22 рубля с полтиной.

А. Г. Галис: Иван Антонович, я вижу, что Вас влекло к морю и были моменты, говорящие, что Вы могли быть моряком. Я иногда жалею об этом, но мне кажется, что Ваш учитель об этом не жалел?

И. А. Ефремов: А тут надо сказать, что один человек помог мне выбрать путь. Был такой Дмитрий Афанасьевич Лухманов, последний наш парусный капитан, выдающийся моряк и писатель. Он был одно время директором Ленинградского морского техникума. И в 24-м году я пришёл к нему в Ленинграде советоваться, как мне всё-таки быть. Он принял меня у себя на квартире на 6-й линии, усадил пить чай, долго расспрашивал, чем я интересуюсь, и сказал: «Идите по науке. Это лучше и это дело для Вас более подходящее».

А. Г. Галис: Очень интересно. Значит, умный чело-

век был. Он разгадал то настоящее, что было в Вас.

И. А. Ефремов: И когда я поехал на Каспийское море, я это имел в виду, что это дело не пойдёт. Но кто знает? Может быть, если с морскими делами тогда было бы легче и не было бы такой чудовищной безработицы, то, может быть, я и подумал бы и стал мореходом. А в то время с этим было очень тяжело.

А. Г. Галис: Теперь мы подошли к важному моменту когда Вы приняли решение.

И. А. Ефремов: Да, стал препаратором в Академии; поехал в Ленинград и начал работать у академика Сушкина. Академик Сушкин очень обо мне заботился. Я был живого нрава, и мы, молодые препараторы, проказничали. Он каждую субботу вызывал меня к себе в кабинет, на записочке у него были написаны все мои прегрешения за неделю, и он меня отчитывал. Так что он просто по-отечески ко мне относился. Но он знал, что у меня такой нрав.

Так я проработал до самой смерти академика Сушкина. Он, к сожалению, умер очень рано, в 28-м году, и мне пришлось в меру моих тогда очень слабых сил замещать эту громадную научную величину по палеонтологии, потому что никого по этой специальности тогда не оказалось.

А. Г. Галис: Может быть, он видел в Вас своего наследника?

И. А. Ефремов: В какой-то мере видел. А потом он сделал из меня какого-то охотника за ископаемыми, путешественника, который привозит материал. Мне и тут повезло. Я уже говорил, что мне вообще в жизни везло, и я сделал несколько успешных открытий, а он дал мне возможность воспользоваться плодами этих открытий – я сам написал об этом. Большей частью бывает по-другому, что старший по чину себе всё загребаёт, а щенок остаётся с маленькой косточкой. Но академик Сушкин был крупным человеком во всех отношениях. Поэтому он не воспользовался этим своим, казалось бы, естественным правом, а наоборот, предоставил его мне.

Благодаря этому я успел ещё при его жизни сделать несколько интересных работ, быстро стать научным сотрудником, а после его смерти заменить его. Правда, это была негодная замена, больше физическая, чем моральная, но с надеждой на будущее.

Кроме того, я не мог не увлечься связанной с палеонтологией наукой – геологией, потому что когда вы ищете кости в пластах земной коры, вам волей-неволей приходится знакомиться со строением отдельных участков земной коры, одним словом, с геологией. Так я заинтересовался геологией и стал интересоваться ей всё сильнее и сильнее, и решил уже закончить свою специальность не по биологии, а по геологии. И я перешёл в Ленинградский Горный институт и окончил его в конце концов. Я по образованию горный инженер с правом производства горных работ: прокладки шахт, бурения, выработки пород, взрывных работ – всего этого комплекса.

И тут – это были уже 30-е годы – начались наши первые пятилетки, и все специалисты, какие были в то время, были буквально мобилизованы на изыскания, на геологические исследования, потому что студентов брали прямо со второго курса и назначали начальниками партий. Сейчас мой сын окончил университет по геологической специальности, и их берут только старшими коллекторами, – это нормально. Но тогда мы бы это сочли величайшим оскорблением, потому что окончивший тогда вуз считался чуть ли не академиком, мог быть начальником группы.

А. Г. Галис: И начался новый период Вашей жизни. Пришлось много путешествовать.

И. А. Ефремов: Пришлось много путешествовать, причём я не бросал работу по палеонтологии, а меня отпускали на летний сезон на работу по геологии, а зимой я возвращался к своей палеонтологии. Так я путешествовал по Средней Азии, по Восточной Сибири, Дальнему Востоку, Якутии. И везде было много белых пятен, совершенно неисследованных мест. Это был такой геологический период нашей геологии.

А. Г. Галис: Она по существу была географией.

И. А. Ефремов: По существу мы шли по неизведанным местам и снимали карты. В Большой Советский Атлас мира вошли и мои карты. Правда, это маленькие кусочки, но эти маленькие кусочки впервые были сделаны мною как снятые места.

А. Г. Галис: А во время Ваших странствий на границах Средней Азии Вы не встречали такого путешественника Агромчева?

И. А. Ефремов: Да, встречал.

А. Г. Галис: Может быть, его книги теперь устарели, но всё-таки мы его считаем наряду с Пржевальским.

И. А. Ефремов: Пржевальский, конечно. Потом мне пришлось, уже после войны, ходить путями Пржевальского в Монголии, в пустыне Гоби. Он север-

5

А. Г. Галис: Вы всё учились и путешествовали?

И. А. Ефремов: Путешествовал.

А. Г. Галис: Я встретил Вашу книгу «Тафономия». Скажите, что это такое?

И. А. Ефремов: «Тафономия» – геологическая летопись, за которую я Сталинскую премию получил. Это всё уже послевоенные дела, когда я более или менее созрел, чтобы давать серьёзную отдачу своих знаний. Она началась одновременно с литературной деятельностью, потому что я писал эту самую «Тафономию» и почти одновременно писал свои маленькие рассказы. Это так 43–44 годы. И я как раз не думал, что эти рассказы представляют такой большой интерес для широкого читателя.

6

А. Г. Галис: А что вас принудило писать? Ведь писательский труд тоже результат какого-то решения, потребности.

И. А. Ефремов: Я вообще представитель описательных наук. И палеонтология, и геология – они описательные науки. Мы действуем описательным методом. Поэтому наша работа длинная, и она требует известной краткости, воображения и стиля. Особенно если вы описываете путешествия в новую страну, вы должны всесторонне её описать: и реки, и озёра, и долины, и горы, и растительность. По-видимому, эта способность у меня как-то постепенно развивалась по мере

того, как я писал всё больше и больше свои научные работы. У меня было больше 50 работ, когда я начал думать писать эти рассказы.

А. Г. Галис: Это всё предварительный период? В отношении научном это был завершающий этап, а в литературе – начало?

И. А. Ефремов: Да. И если бы не одна случайность, то это дело никак бы не реализовалось. Случилось так, что во время войны мне пришлось заниматься одним делом, и там я сильно заболел и был приведён в полную негодность. И вот в этом состоянии полной непригодности, когда кругом идёт война, а тут ходишь с палочкой неприкаянным, я и решил писать.

А. Г. Галис: У Вас были какие-то образцы или Вы хотели писать по-другому?

И. А. Ефремов: Мне хотелось написать такое, что никак не вязалось бы с окружающей обстановкой, чтобы заинтересовать людей, напомнить им, что мир прекрасен, велик, что масса в нём интересных вещей.

А. Г. Галис: Это известная форма борьбы с гитлеризмом? Я так понимаю.

И. А. Ефремов: И я подумал, с чем я больше всего знаком. Я знаю геологию, знаю науки более или менее широко. Я ведь интересовался всеми отраслями наук, так что в популярном смысле был знаком со всеми отраслями знаний. Знал море, любил его, а кто любит, тот знает море. И вот на эту тему стал писать рассказ «Встреча над Тускаророй». Вы помните, как идёт корабль на Дальнем Востоке, наталкивается на затонувший обломок корабля, водолазы проникают внутрь, там находят запаянную банку и т. д. Потом второй рассказ

написал... еский.

А. Г. Галис: Пока держались крепко земли?

И. А. Ефремов: Да, держался крепко земли. И так написал несколько рассказов, и больше времени у меня не было, потому что я пришёл в порядок, окунулся с головой в работу. Не будь такого перерыва в жизни, я бы наверное писателем не сделался.

А. Г. Галис: Позвольте, Иван Антонович, в этой случайности есть своя закономерность. Болезнь – довольно частое явление, и Вы же не можете только лежать или сидеть. Значит, нашлась форма деятельности; когда ноги не могли работать, Вы начали работать рукой.

И. А. Ефремов: Потом, когда я вернулся в Москву в конце 43-го года, я попросил одного из сотрудников отнести эти рассказы в «Молодую гвардию», просто для того, чтобы определить их литературные качества.

А. Г. Галис: Что, боялись?

И. А. Ефремов: Нет, нет, я спокойно относился так как считал, что литературно они плохи, да и кто во время войны будет печатать такие рассказы никак не представлял себе. И поэтому я поручил это своему помощнику. Потом прошло месяца два – от «Молодой гвардии» ни ответа, ни привета, и я сказал своему помощнику: «Зайди и возьми их, чтобы они не валялись там». И в тот же день пришёл оттуда молодой редактор Евгеньев и сказал, что рассказы очень понравились и их будут печатать. Это было подобно молнии.

А. Г. Галис: Это мне напоминает не столько молнию сколько письмо академика Сушкина по почте.

И. А. Ефремов: Потом началась прямо головокружительная писательская карьера, потому что эти рассказы напечатали в «Новом мире», потом в военных журналах: «Краснофлотце» и «Красноармейце», и вообще я стал сразу пользоваться успехом. Раз так, я написал ещё два рассказа: «Алмазная труба» и «Обсерватория

Нур-и-Дешт», и они тоже с успехом прошли.

А. Г. Галис: Как Вы считаете – повлияли качества проблемы или Вы пришли тогда, когда это было нужно?

И. А. Ефремов: Я пришёл, когда это было нужно. Мне опять повезло в жизни. Именно это было нужно и пользовалось и пользуется большим успехом и читается с интересом. Видите ли, тут трудно сказать. Ведь в нашей литературе полностью отсутствовало это направление. Я помню, как Кассиль – хороший писатель – на каком-то писательском заседании сказал, что он читал мои рассказы, они ему нравятся, но они кажутся переводными с английского, до такой степени они не вяжутся с нашим направлением.

А. Г. Галис: И он стал переводить их с русского на английский? (Смех.)

И. А. Ефремов: И вскоре меня пригласил к себе А. Н. Толстой. Он тогда лежал в кремлёвской больнице. Это было перед самой его смертью. Вторично нам не удалось повидаться.

А. Г. Галис: Автор «Аэлиты» и «Гиперболоида инженера Гарина» заинтересовался.

И. А. Ефремов: И он стал спрашивать, откуда я взял такой стиль, сказал, что его мои рассказы заинтересовали, что если это мой первый опыт, то его больше всего интересует, откуда я выработал у себя такой изящный и холодный стиль письма? И я ему ничего не мог сказать. Кроме того, я никогда не считал, что у меня какой-то особый, изящный и холодный стиль письма, – это его знание литературы, а я, по-видимому, на этих описаниях всяких геологических или описаниях ископаемых костей так набил руку, что могу писать.

А. Г. Галис: А Вы не спросили относительно «Аэлиты» и «Гиперболоида инженера Гарина»? У него был интерес к этой теме.

И. А. Ефремов: Но я не интересовался этой темой и не писал ничего космического.

А. Г. Галис: Всё ещё были заземлены?

И. А. Ефремов: Всё ещё был заземлён. Надо сказать, что эта литература совершенно к нам не пробивалась, начиная с 30-х годов и всё военное время. Я даже не знал об огромном развитии за границей этой литературы, не подозревал. Поэтому, когда я написал в 45 году «Звёздные корабли», это было скорее переплетением с палеонтологией, и отталкивался я от палеонтологии, а не от того, что устремлялось в космос.

А. Г. Галис: Хорошая вещь. Некоторые люди считают, что «Звёздные корабли» – это новое слово и что это очень красиво, что в этой вещи есть большая красота, кроме познавательности, её стиля. Там метафора очень хорошая.

И. А. Ефремов: Там действительно удалось найти поворот этого всего. Но американцы её расценивают несколько иначе с точки зрения литературного мастерства. У них есть такой критик Маршак. Он мне даже прислал рецензию – несколько страниц он посвятил «Звёздным кораблям» в «Сатадей ревю», и он пишет, что книга слабая, перегружена наукой, в ней нет динамической фабулы, в ней нет конфликта.

А. Г. Галис: У меня особое мнение на этот счёт. Жаль, что я не могу поспорить с Маршаком.

И. А. Ефремов: Но он пишет, что, по-видимому, Ефремову это и не нужно, а его задача – учесть науку, так подходит.

Но «Звёздные корабли» – они написались у меня как-то своеобразно, в течение недели я их написал.

А. Г. Галис: Это своеобразный рекорд.

И. А. Ефремов: Причем сразу же, окончив свой большой роман «Великая дуга», я их написал. Я в 45-м году написал этот роман. Обратился тогда к исторической теме. Сейчас он не представляет интереса, но тогда это была единственная книга в советской литературе, которая, во-первых, говорила о древней истории, а, во-вторых, о зарубежных странах, об Африке и т. д.

А. Г. Галис: Может быть, это была Ваша дань Хаггарду?

И. А. Ефремов: Безусловно, мне хотелось написать на хаггардовскую тему, потому что Хаггард до сих пор остаётся моим любимым писателем, и поэтому мне хотелось, как Вы удачно сказали, заплатить ему дань. А может быть, известные подсознательные соображения уже на другой основе. Причём я считал, что надо рассказывать нашей молодёжи о том, что почему-то игнорируется нашей литературой. У нас это не было модно – зарубежные страны, тематика внутри Советского Союза и история не старше монгольского нашествия. А тут я спустился в Древнюю Грецию и Египет, потому что поразительное дело: ведь школьники не знали ни мифологии, не то, что о Древнем Египте имели слабое представление – очень короткий курс. Я считаю, что это совершенно неправильно для стран, которые долж-

ны иметь марксистское мировоззрение, а марксистское мировоззрение базируется на истории, и без этого никакого развития нет. И я нарочно написал эту вещь. Сейчас, когда написаны на эту тему десятки книг и переведено много книг, она сейчас устарела, как многие другие, а тогда она была единственной и претерпела много мытарств с печатанием. Она написана в 45 году, а опубликована в 49-м.

А. Г. Галис: Она переиздавалась?

И. А. Ефремов: Нет. Я написал этот роман, за неделю написал «Звёздные корабли», которые тоже долго не печатались – в 48-м году только были опубликованы, и там тоже сомнения были. По-моему, Писаржевский выступал, – сейчас он от этого отрешивается, но у меня хорошая память, – который ставил вопрос так: если они к нам прилетели, они, значит, достигли конца, но если конец на 70 миллионов лет раньше, это может породить ...

А. Г. Галис: Ну и философия! Своеобразная философия.

И. А. Ефремов: После этого я уехал в Ленинград и принял руководство в Академии, и не возвращался к литературе до 57-го года.

А. Г. Галис: Это была форма ответа на некоторые явления в Вашей книге?

И. А. Ефремов: Нет, просто натуральный ход событий. Просто я был очень увлечён очень интересной работой в Центральной Азии, которую мне пришлось делать впервые в таком масштабе; потом я издал «Тафономию» – большую капитальную работу другую, которая отняла 20 лет, палеонтологическую, в 40 печатных листов.

А. Г. Галис: Есть какое-то посвящение в этой книге?

И. А. Ефремов: Она посвящается безымянным и безывестным лицам. Первую шахту прорывали, которая явилась первой помощью... учёных, помогая разыскивать кости.

А. Г. Галис: Я догадался. Думаю, что понял Вас. Наш разговор очень интересен. Я даже волнуясь. Ну, десять лет прошло Вашей писательской деятельности...

И. А. Ефремов: Всё в жизни диалектично; я ведь фанатический проповедник диалектики. Поэтому я считаю, что там, где вы сталкиваетесь с большими физическими трудностями, там зато у вас большая психологическая свобода и облегчение. Психологические трудности связаны обычно с какими-то более лёгкими физическими состояниями – всё это так. Поэтому тяжёлый сам по себе экспедиционный труд влечёт за собой какое-то первобытное освобождение души и тела, независимость, так что одно другое компенсирует.

А. Г. Галис: Я начинаю догадываться, что этот десятилетний период успешной работы и нечто психологическое

И. А. Ефремов: Да, преддверием. Я реализовал свой долг в науке, должен был отдавать свой долг в науке: «написал «Тафономию», написал «Фауну медистых песчаников» и ряд других работ.

А. Г. Галис: Я так и не понял слово «Тафономия».

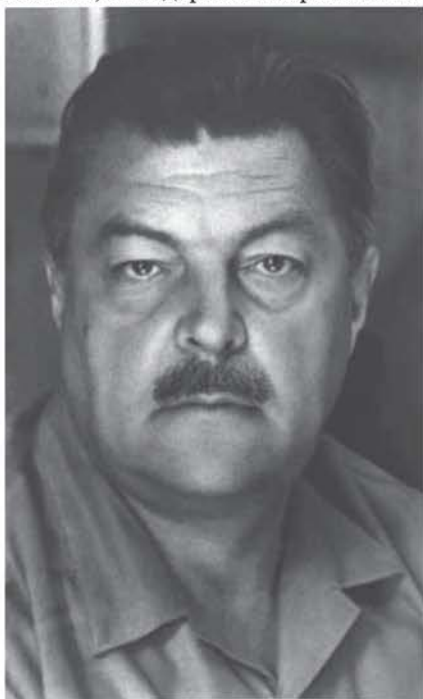
И. А. Ефремов: «Тафономия» от слова «тафос» – могила и «номос» – закон, т. е. закономерности захождения, – как остатки животных становятся окаменелостями. Я проследил весь этот процесс. Тут контакт геологии с палеонтологией. Это мог сделать только человек, владеющий одинаково обеими науками. Здесь мне помогла сама смежность наук. Оказалось, что эти процессы очень интересны потому что закономерен не только процесс образования чего-то – накопления отложений, но закономерен и процесс разрушения – то, на что не обращалось внимания, – диалектическая вторая сторона всякого созидательного процесса. А до сих пор геологи считаются только с процессами накопления. А ведь в процессе движения земной коры, наступления и отступления моря, поднятия гор и сравнивания этих гор, от разрушений тектонических происходят и огромные процессы разрушения. Эти процессы также имеют свои закономерности, и остаются после них «документы», и, кроме того, они изменяют всю первоначальную картину, которая получилась в результате отложений и накоплений. И поэтому изменяют всю картину, что, скажем, от древних эпох существования земли остаются отложения преимущественно не морские, а наземные. Морские не остаются, они нацело исчезают, выпадают из геологической летописи, и не потому что их не было, а они закономерно уничтожились. Вот такие закономерности разрушения в историческом прошлом нашей земли – они есть тафономия.

Это оказалось совершенно новым словом в науке, за что и дали Сталинскую премию.

А. Г. Галис: И вот 10 лет прошло трудностей, интересов научных, и вдруг рука потянулась к перу. Как всё это случилось? В это время, или надо подойти к этому периоду?

И. А. Ефремов: Нет, как раз мы вплотную подо-

шли к этому периоду. Тот опять была такая обстановка. Я как раз очень сильно болел, потому что у меня есть какая-то болезнь, которую я в Средней Азии подцепил, она возвращается раз в пять лет, в виде сыпного тифа протекает. Такая странная история. Врачи мне долгое время не верили, но когда это повторяется у них на глазах и когда они стали за мной наблюдать, они убедились, что такие случаи возможны. Нет же ни такого вируса, ни такой бактерии, которые бы 15 лет в теле существовали, а потом давали вспышку; нет диагноза и нет названия этой болезни и неизвестно, где она гнездится. И когда она шесть раз в жизни у меня повторялась, эта болезнь, она здорово испортила мне сердце.

А. Г. Галис: Как обманчиво первое впечатление. Первое впечатление у меня было, что Вы очень здоровый человек.

И. А. Ефремов: В течение этих десяти лет, когда я знакомился с наукой, я знакомился и с зарубежной фантастикой, немецкой и английской. Вот эта космическая тематика – она меня увлекла и заинтересовала – широта фантазии. Но в то же время широта фантазии и убогость социальных мотивов и человеческих – эта разница очень резкой мне показалась. И я стал мечтать написать вещь, которая бы была не хуже по размаху фантазии, но в то же время широкой по социально-философской стороне.

Я с этой идеей долго носился, но не мог её реализовать, потому что для этого должен был быть какой-то отрыв от занятий. И вот тут я заболел, получилось по-прежнему, как всегда, я долго выздоравливал, и тут я стал писать «Туманность Андромеды». Я активный по натуре человек и не мог бездействовать.

А. Г. Галис: Вы, будучи больны, совершили колоссальный прыжок.

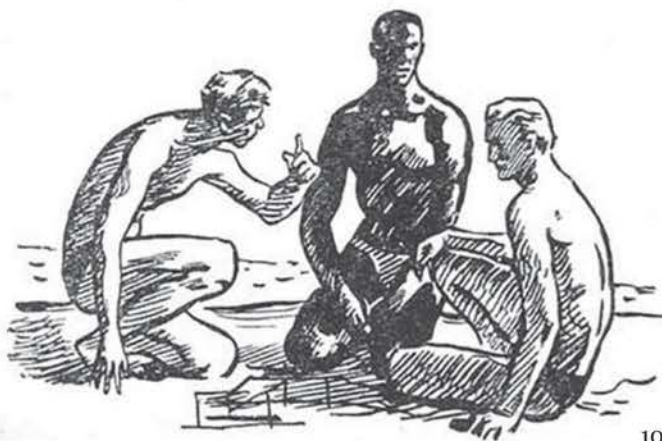
И. А. Ефремов: Будучи не больным, а будучи вы-

здоровляющим, потому что у больного сил бы не хватило, а тут случилось так, что болезнь положила как бы грань между настоящим и прошлым. Это и помогло уйти в эту туманность.

А. Г. Галис: Слово «туманность» в науке точное, но одновременно у него подтекст очень романтический. Как у Вас получилось это название?

И. А. Ефремов: Как-то оно сразу придумалось. Я вообще среди своих коллег считаю, что я удачно придумываю названия своим произведениям и даже отдельным главам своих произведений, и очень трудно потом бывает переименовывать, если сразу придумаешь.

А. Г. Галис: Мы подошли с Вами к самому важному – Вы как писатель, а я как читатель, и мы понимаем,

10

И. А. Ефремов: На научной основе она очень быстро исполняется. Когда я писал «Туманность Андромеды», – это был конец 55-го – начало 56-го года, – не было спутников, а сейчас спутники уже летают.

А. Г. Галис: А Вы что-нибудь о них знали?

И. А. Ефремов: Нет, ничего, но, конечно, эти идеи трактуются и обсуждаются во многих научных журналах, сами идеи создания спутников.

А. Г. Галис: Иван Антонович, вот на основании Вашего опыта, – Вы знаете американскую, английскую и немецкую литературу, – Вы могли бы сказать, какое место этой литературы вообще? Чем вызвана эта литература, чем она нас удовлетворяет – это мечта маленьких Икаров?

И. А. Ефремов: Этот вопрос очень сложный, потому что обычно на него отвечают так: это литература действенной мечты. Но ведь всякая литература есть литература мечты, во-первых, а, во-вторых, если она зовёт к действию, значит, она действенна. Это слишком общая философия. Если мы скажем, что это мечта о науке, это тоже будет отражать только одну какую-то сторону. Следовательно тут нужна какая-то другая сторона и более широкая и в то же время более точное определение. Может быть, так если сказать, что науч-

ная фантастика – это мечта о всемогущей науке.

А. Г. Галис: А не мечта о всемогущем человеке?

И. А. Ефремов: А следовательно и о всемогущем человеке.

А. Г. Галис: Это два звена одной цепи.

И. А. Ефремов: Два звена одной цепи или более конкретное понятие – мечта о всемогущем человеке; но мечта о всемогущем человеке может быть основана на науке, и может быть ни на чём не основанная фантастика, а следовательно, это всё же мечта, основанная на науке, о всемогущем человеке, всемогущество которого обусловлено знанием.

А. Г. Галис: Значит, мы находимся на продолжении греческой легенды об Ариадне, и нить Ариадны – это нахождение этого пути.

Иван Антонович, мне кажется, что мы подвели к дефиниции, а потом стараемся исходное из неё взять. Какое место она занимает вообще? Она занимает очень крупное место.

И. А. Ефремов: Совершенно правильно. Чем более место это будет занимать в жизни науки, в социальной жизни, тем более место и значение научная фантастика будет иметь в литературе вообще.

Я должен дальше сказать, рискуя получить отпор со стороны большой литературы, что в дальнейшем произойдёт слияние этой научной фантастики с большой литературой. У нас научно-фантастическая литература объединяется с детективной.

А. Г. Галис: Это ошибка.

И. А. Ефремов: Объединяет их действенность, но это чисто внешний, а не внутренний стержень данного вида литературы. И вот по этому признаку у нас научная фантастика считается литературой второго сорта, во всяком случае, до сих пор, очень длительное время считалась. Принимая специфику жанра за эту слабость,

считали, что она художественно не так выразительна.

А, действительно, в чём слабость научной фантастики? В том, что приходится очень много провала в крепкой ткани сюжета и художественного слова. Вот в чём слабость научной фантастики. Но от чего она зависит? Порок ли это жанра или порок читателя? Порок читателя. Если автор очень хорошо знает предмет, он может нагромоздить целую кучу объяснений. Но дело в том, что наука не вошла ещё во все поры жизни – и в размышления, и в мечты, и в восприятия. Она входит всё больше и больше, и чем больше она входит, тем меньше нам приходится объяснять в научной фантастике.

Когда я писал «Звёздные корабли» в 45-м году, мне приходилось объяснять, что такое галактика. Сейчас в «Туманности Андромеды» я уже не объясняю, это уже знакомо. Точно так же вошли электроника, кибернетика, усилители, диффузоры, спутники, ракеты. Вот это проникновение науки во все поры жизни – оно в то же время сбрасывает с научной фантастики необходимость разъяснений и делает её равной литературе большого плана, как у нас называют, литературе психологической.

А. Г. Галис: Основным корнем является греческая литература.

И. А. Ефремов: Это ведёт к полному слиянию и к уничтожению граней. Но в то же самое время что получается? Что научная фантастика, если она раньше служила целям пропаганды науки и популяризации её, теперь, когда эта обязанность разъяснений с неё всё больше и больше спадает, она должна служить философии науки и, следовательно, через это – психологии человека, т. е. какое же отличие получается от литературы большого плана?

А. Г. Галис: Кибернетика – это не фантастика, а наука. А если так, то у представителей научной фантастики может складываться сегодня своё представление о той литературе традиционной, которая занимается психологией и социальными отношениями. Как Вы считаете, эта большая литература выполняет свои

обязанности по отношению к обществу и его развитию?

И. А. Ефремов: Мне представляется, что она отстаёт от очень большого темпа развития, который взяла наука. Она отстаёт в том, что действует ещё старыми способами.

А. Г. Галис: Значит, критика критики получается.

И. А. Ефремов: Она действует старыми способами нагромождения конфликтов, причём, как я Вам уже говорил при первой встрече, всё сводится к двум основным китам, к двум основным конфликтам: это или ненормальный человек вступает в конфликт с нормальной обстановкой окружающего мира, или нормальный человек вступает в конфликт с ненормальной обстановкой, которая окружает его.

А. Г. Галис: Это схема, которая обрастает...

И. А. Ефремов: Но эта схема для нормального человека не годится. Поэтому в нашей социалистической литературе часто приходится прибегать к выдумыванию конфликтов или к искусственному усилению и раздуванию этих конфликтов для того, чтобы сохранить за собой психологическую глубину.

А. Г. Галис: Мнимую глубину?

И. А. Ефремов: Мнимую, поскольку конфликт раздут, постольку и значение его мнимое.

Мы подошли к тому, что в чём значение этой большой литературы психологической. В том, что она своевременно не перешла к перенесению конфликта в другой план — в план поисков труда, а не материальных отношений, которыми характерна литература критического реализма, выраставшего в капиталистическом обществе. Вот этого скачка между литературой критического реализма и литературой, отражающей условия жизни социалистического общества, ещё не сделала эта литература полностью.

А. Г. Галис: Это Ваши соображения как писателя, своеобразного своей темой, или Ваше восприятие как читателя?

И. А. Ефремов: Это как читателя-учёного, а не как писателя. Эти книги меня как читателя не удовлетворяют. Мне надоели мелкие конфликты и надоели переживания мелких людей, мелкой героики, мелких интересов.

А. Г. Галис: Значит, это восприятие может быть звеном, связывающим его с Вашим творчеством, но и является формой Вашего отношения к литературе и к науке.

И. А. Ефремов: У меня вопрос с моим творчеством легче. Я, конечно, предъявляю это требование к большой литературе в плане будущего человека, сам понимая всю великую трудность осуществления этого. Именно как писатель я понимаю, как трудно это осуществить, потому что я как фантаст волен пере-

нести читателя в обстановку, которую я сам создам. Пишущий о современности не может сам создать обстановку, а следовательно, не может создать нормальные отношения для будущего человека.

А. Г. Галис: Но это как дальнейшее развитие.

И. А. Ефремов: Как дальнейшее развитие того, что намечается сейчас. А вот этого намечания того, что сейчас, — эти поиски в литературе слабо делаются. Поэтому получается несоответствие между психологической напряжённостью в научных поисках, в научном творчестве, в научном взлёте и психологической напряжённостью в поисках литературных. Отсюда этот спор между физиками и лириками и несколько свысока отношение учёных к литературе. Они очень, конечно, неправы.

А. Г. Галис: Но тут я вижу определённые требования.

И. А. Ефремов: Требования, чтобы литература соответствовала тому большому пути, который открывает наука в будущем.

А. Г. Галис: Интересно получается, что мы не замечаем фантазии в тех отраслях, которые ещё недостаточно развиты, и, наоборот, в математике, физике, астрономии видим большой взлёт фантазии.

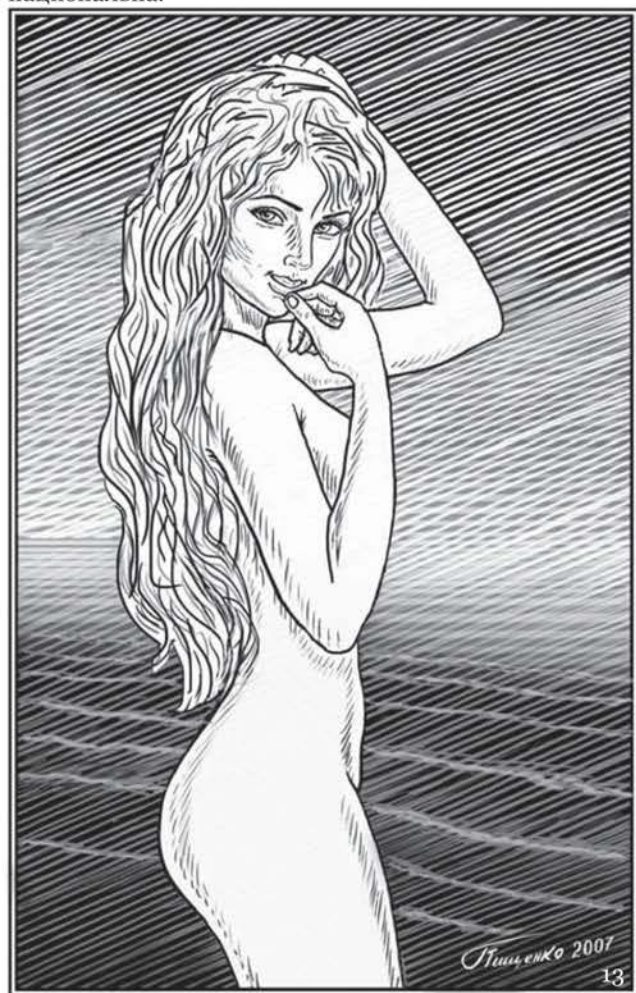
И. А. Ефремов: Вот-вот, потому что армия учёных гораздо больше, чем армия писателей, — такой мозговой трест учёных в мировом масштабе.

А. Г. Галис: А не связано ли это с тем явлением, что

научная фантастика является, может быть, интернациональной литературой? Научная фантастика известна миру больше, чем книги большой литературы.

И. А. Ефремов: Причём научная фантастика отвечает на очень большие требования сегодняшнего дня. Как Вы правильно сказали, те рассказы, которые у меня появились, и их успех объясняются не тем, что я там новое слово сказал, а поскольку я ответил на большую потребность в этих книгах, заполнил эту брешь. Так и теперь научная фантастика отвечает на большую потребность общества знать о мире и жизни как можно больше: кто мы, что мы, куда мы идём.

А. Г. Галис: Ещё одно. Национальные литературы – их возможности ограничены. А вот научная фантастика благодаря своей тематике на сегодняшний день интернациональна.

И. А. Ефремов: В такой же мере, как фантастика...

А. Г. Галис: Но границы научной фантастики определены, как и границы науки. Мне кажется, что есть определённые границы научной фантастики.

И. А. Ефремов: Совершенно правильно, именно научной фантастики, как никакой другой. Для того, чтобы она становилась научной, она должна быть связана с наукой. И самые дальние, едва намечающиеся перспективы науки – это в то же время границы этой

фантастики. Переход за эти границы – это уже приключение, поэзия, сказка, а не научная фантастика. Но я лично думаю, что в дальнейшем никакой поэзии и литературы, никакой другой, кроме как на научной основе, не будет.

А. Г. Галис: Это серьёзно. Тут Вы бросаете вызов многим людям. Пусть полемизируют!

И. А. Ефремов: Пусть полемизируют. Сейчас я пишу повесть «Лезвие бритвы», где стараюсь поставить вопрос о понятии прекрасного в искусстве – это центральный стержень: в искусстве, на основании психофизиологии, этики человека в наше время. Это очень трудная повесть, потому что простой сюжет трещит по всем швам, расплывается под давлением большого количества фактов, и это очень трудно.

А. Г. Галис: А нельзя ли это сделать путём искусства?

И. А. Ефремов: Тут учёные писатели не знают, что делать: не хватает!

А. Г. Галис: Когда мы встретились с Вами в первый раз, мне интересно было услышать Ваше определение нашего века как атомного века. Я прошу Вас это повторить.

И. А. Ефремов: Видите ли, атомный век... Когда мы называли: век пара и электричества, мы подразумевали очень большой технический переворот в XIX веке, который привёл к очень большому развитию производительных сил. Это изобретение паровой машины, изобретение механического транспорта – парохода и паровоза, которое сразу дало возможность провоза громадного количества любых товаров и любых продуктов, и это тяжёлая промышленность. Атомная энергия нам не даёт такой революции.

А. Г. Галис: А атомная электростанция, атомный корабль?

И. А. Ефремов: Это всё так, но ведь это только замена определённого типа энергии – энергетики внутри тех же самых машин.

А. Г. Галис: Как перемена парового двигателя на дизель.

И. А. Ефремов: Да. Перемена дизеля на какую-то химическую электроэнергию, от полупроводников и т. д. – это подмена той двигательной силы, которая была, но не производственного процесса в целом. А вот кибернетика – вот в чём есть революция, – в замене не только труда физического человека, но и умственного, в создании машин, а в машинах – умения воспроизводить самого себя, а не только просто продукта производства. Это даёт возможность нам резко изменить производительные силы. Собственно говоря, если всерьёз говорить о замене труда физического умственным и о разгрузке человека от оупляющего физического труда, в обществе

будущего кибернетика сыграет решающую роль.

А. Г. Галис: Может быть, придёт время, когда будет формула: «Коммунизм плюс кибернетика».

И. А. Ефремов: Да, коммунизм плюс кибернетика. Конечно, не надо перефразировать великие ленинские слова – они были сказаны в определённый исторический период, и собственно электрификацию можно понять теперь как электрофонификацию, а это и есть кибернетика, потому что во времена Ленина электричество казалось такой решающей силой, а тут ещё выросла над электричеством надстройка электроники, которая в свою очередь обеспечила кибернетику, без которой не было бы электроники.

А. Г. Галис: Я чувствую, что научная литература очень гуманитарна.

И. А. Ефремов: Вот именно потому, что с помощью науки мы познали более точно общественные законы и законы психологии и строение самого человека, чем это мы делаем путём эмоциональным, которым идёт

А. Г. Галис: Мне кажется, так. Если Вы теперь в расцвете Вашего творчества, – и я уверен, что Вы не уйдёте от своего писательского труда, – есть заказ большой. Вот сегодня много говорили о спутнике, который летит к Венере. Это вызовет дальнейший подъём фантастики – всё опирается на действительность.

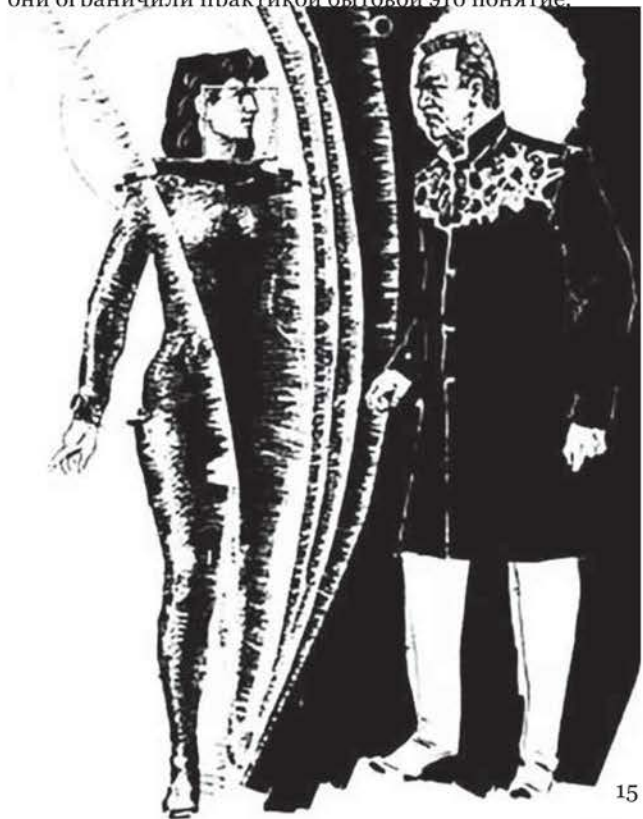
И. А. Ефремов: Научная фантастика потому и сбывается, что это секрет небольшой. Меня часто называют пророком, потому что сбывается то, о чём я писал. Это нехитрая вещь.

А. Г. Галис: Но есть писатели, которые придерживаются правила: то можно, а то нельзя.

И. А. Ефремов: Но можно ставить пределы и для науки. Я не понимаю смысла в этом ограничении. Я думаю, что это та же попытка, что была одно время у нас с наукой. Я думаю, что это повторится. Да, это собственно одновременно. Эта теория предела в научно-фантастической литературе – она появилась в то же время, когда было сказано так: наука не должна отрываться от практики. Но ведь наука и практика – то, что Маркс, Энгельс, Ленин понимали под словом

«практика» – наука, вместо этого подставили понимание «практика» – потребность сегодняшнего дня. Это совсем другое дело. И тот смысл, который вкладывали основоположники диалектической философии, нашей марксистской философии, тоже был этот же самый, т. е. это было экспериментальное осуществление научных законов практики, науки. А это подменили бытовой, хозяйственной практикой.

То же самое случилось с этой научной фантастикой, следуя этой теории неотрывания науки от практики, они ограничили практикой бытовой это понятие.

А. Г. Галис: Но это же хакари!

Мы приближаемся к концу. Вот Вы упомянули о своей новой работе «Лезвие бритвы». Но мне кажется, что Вы никогда не работали по одной теме, по одной книге, Наверное, у Вас Ваши творческие замыслы здесь, в воздухе?

И. А. Ефремов: У меня сейчас три замысла. Во-первых, это повесть «Лезвие бритвы» – психофизиология человека, эстетика и т. д.

Второй замысел – это космическая повесть, которая будет называться «Космическая заря» [роман «Час Быка. – О. Е.]. Она касается вот чего. Последнее время появилось много произведений фантастических: Колпакова «Гриада», некоторые работы Журавлёва, «Баллада о звезде», «Звёздный капитан» и др., в которых даётся упрощённое несколько представление о будущем. Возьмите «Гриаду». Тут летят двое – вроде пересказ «Аэлиты» – и прилетают на планету, где царствует олигархия, где трудящиеся угнетены. Они собираются их освободить. Там выясняется, что это новый век кибернетических машин

и в то же время трудящиеся загнаны в подземелье и ведут там рабский труд. Это чепуха! Меня заинтересовало представить себе высоко научное общество, в котором в силу особой случайности – олигархический строй. И вот с нашей Земли туда отправляется экспедиция и сталкивается с этим обществом. Но тут нужно совершенно особое формирование этого общества. Вот попытаться это одолеть.

А. Г. Галис: Аналогия с нашей Землёй? Тут простод воображения.

16

И. А. Ефремов: Да. И вот столкновение совершенного общества с таким отклонившимся от нормального пути развития цивилизации – вот представьте себе такую планету. Это будет небольшая повесть. Просто надо показать, что это неправильно.

И третье – я мечтаю об этом давно – мне хочется вернуться к истории. Это история того, что «Дети росы» – «русские». Я считаю, что наше название «Россия» от этого происходит. Наша река Рось служит границей между лесостепью и лесами. Лесостепь – это зона, где выпадают обильные росы. А в лесу рос нет. Это будет роман XIII века, момент нашествия Чингисхана, Батые, и мой герой будет претерпевать большие приключения, отправляясь в плен захваченной невестой через всю Центральную Азию, в Индию. Тут я отдам дань просто натуральным приключениям; тут будут и прекрасные принцессы, и сокровища, и т. д.

А. Г. Галис: Иван Антонович, скоро ли я получу возможность встретиться не только для беседы, но для того, чтобы читать Ваши книги: И я заранее благодарю Вас за Ваши будущие книги.

И. А. Ефремов: Что удастся осуществить.

А. Г. Галис: Вам удастся, конечно. Благодарю Вас.

17

18

Иллюстрации:

1. Ваня Ефремов (стоит сзади) с мамой, братом (сидит) и сестрой.
2. Гимназист Иван Ефремов.
3. Студент Иван Ефремов.
4. В Вахнево.
5. По приезде в Каменку.
6. Начальник экспедиции над горой привезённого.
7. Начальник экспедиции определяет курс.
8. Чара. 1934 г.
9. В пустыне Гоби.
10. Иллюстрация А. Побединского к первой публикации романа «Туманность Андромеды» в журнале «Техника-Молодёжи» (1957 г.).
11. Иллюстрация А. Побединского к первой публикации романа «Туманность Андромеды» в журнале «Техника-Молодёжи» (1957 г.).
12. Иллюстрация Г. Тищенко к роману И. Ефремова «Час быка».
13. Иллюстрация Г. Тищенко к повести «На краю Ойкумены».
14. Иллюстрация Г. Тищенко к роману «Таис Афинская».
15. Иллюстрация Бойко и Шалито к роману «Час быка».
16. Иллюстрация Бойко и Шалито к роману «Час быка».
17. Иллюстрация Бойко и Шалито к роману «Час быка».
18. Иллюстрация Бойко и Шалито к роману «Час быка».
19. Иллюстрация Г. Тищенко к роману «Таис Афинская».

Авторитетное мнение

Аркадий Стругацкий: «Туманность Андромеды» произвела буквально ошеломляющее впечатление и оказала огромное влияние на всю последующую советскую фантастику. Это было первое произведение такого взлёта фантазии, такого полёта духа...»

Борис Стругацкий: «Ефремов был человек ледокол. Он взломал, казалось бы, несокрушимые льды «теории ближнего прицела». Он показал, как можно и нужно писать современную научную фантастику, и в этом смысле открыл новую эпоху советской НФ... появление «Туманности» стало символом новой эпохи, ее знаком, ее знаменем в известном смысле. Без нее росткам нового было бы пробиваться на поря-док труднее...»

Мнение из сети

Осознанность Человека (11 месяцев назад)

Меня не одного возмущает тот факт, что книги Ефремова не проходят в школе!

Не Подарок (4 месяца назад)

мне повезло, прочла его книги в отрочестве и до сих пор Час Быка моя самая главная настольная книг.

Андрей Виноградов (2 года назад)

Именами таких людей, как И.Ефремов, нужно называть площади, проспекты, улицы городов России.

андрей южный (2 года назад)

«Час быка» актуально для сегодняшнего времени более чем, к сожалению...

Валерия Каменева (3 года назад)

Иван Ефремов - выдающаяся личность, совесть 20-20 века.

Oleg Primachenko (Год назад)

ЧАС БЫКА ЭТО БОМБА ПРОТИВ ОЛИГАРХИИ
ГЛАВА 7 ГЛАЗА ЗЕМЛИ. Роман про Россию и планету Земля 21 век

Александр Кузнецов (6 месяцев назад)

Oleg Primachenko да про капитализм это. Теперь РФ ничем не отличается от других государств.

константин сперанский (Год назад)

произведения ефремова читаются легко и на од-ном дыхании, но понимаешь, что общества которое придумал писатель никогда не будет построено. это утопия, красивая сказка. любимые произведения лез-вие бритвы и таис афинская перечитывал не один раз.

анна литвинова (9 месяцев назад)

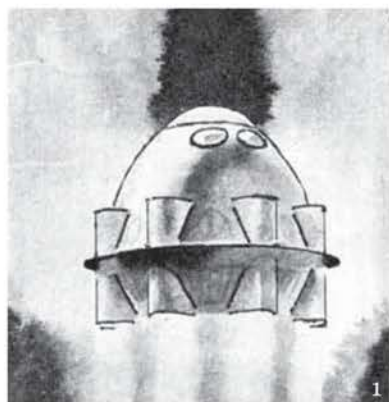
Да, у меня тоже «Лезвие Бритвы» и «Таис»... и во-обще обе книжки (молодняк не знает, что это) - маку-латурные....

ВИДЕЛ ЛИ И.А. ЕФРЕМОВ ВИДЕОЗАПИСЬ СТАРТА «ТЁМНОГО ПЛАМЕНИ»?

«Зелёный купол огромного корабля дрогнул, подскочил на десяток метров и замер на несколько секунд. Внезапно звездолёт сделал второй вертикальный прыжок в небо и сразу исчез.»

Читатели моего поколения впервые увидели звездолёт «Тёмное пламя» в журнальной публикации «Часа быка», таким, каким его изобразил художник журнала «Техника-Молодёжи» Александр Побединский.

Но сцена старта экспедиции на Торманс, в которой, собственно, описан и внешний вид корабля, и режим его полёта, в журнальный вариант не вошла. Когда много позднее я её всё-таки прочитал, уже в полном тексте романа, она не вызвала никаких эмоций – в т.ч. и потому, что к тому времени я предельно наглядно убедился, что выдающийся советский палеонтолог, биолог, геолог И.А. Ефремов ракетно-космическую технику знал весьма слабо.

Прошли ещё годы. Появился интернет, а в интернете стали доступны материалы, которые... в общем, которые ранее доступны не были. А потом, в очередной раз перечитывая строки, процитированные в начале, я вдруг понял, что Я ЭТО ВИДЕЛ.

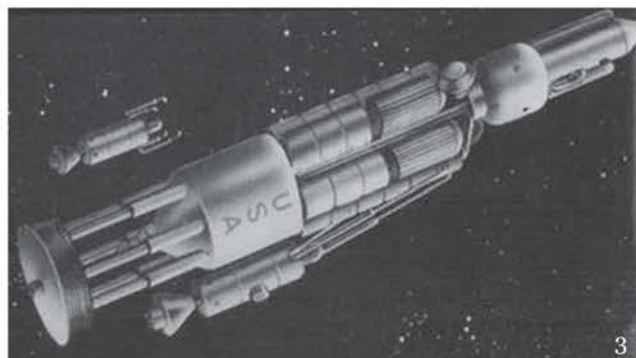
Не во сне.

Не в каком-либо фантастическом фильме.

В документальной хронике.

Ставшей общедоступной сравнительно недавно, но снятой за несколько лет до того, как И.А. Ефремов приступил к написанию «Часа быка»!

Но только это – реальные лётные испытания по программе создания атомно-импульсного космического корабля «Орион». Взрывы в этих испытаниях – обычного взрывчатого вещества, в реальном полёте должны были быть ядерными!

Работы по программе «Орион» проводились фирмой «Дженерал Атомикс» (она существует и сегодня, но занимается беспилотными самолётами-разведчиками) под эгидой Министерства энергетики США в период 1958-1963 гг. Идеологом выступил известнейший американский астрофизик Фримен Дайсон – да, который «сфера Дайсона». Практически работы по разным причинам были свёрнуты несколько раньше, но Московский договор 1963 г. о запрете ядерных испытаний в трёх средах (в атмосфере, воде и космосе) «вбил», можно сказать, «гвозди в крышку гроба» всем подобным проектам (а таковые были и у нас).

Может быть, это было одной из самых больших ошибок в истории.

Теоретически, И.А. Ефремов мог видеть эту плёнку, снятую в ноябре 1959 г., во время работы над романом в середине 1960-х. Но видел ли?

На этот вопрос возможны три варианта ответа.

Ясновидающий? Во-первых, предположим, что Ефремов эту плёнку не видел.

Общеизвестно, что Д.И. Менделееву приснилась его периодическая система элементов, а О.К. Антонову – уникальная схема хвостового оперения самолёта Ан-22 «Антей». При этом, правда, как правило не вспоминают, что и Дмитрий Иванович, и Олег Константинович, прежде чем увидеть вещий сон, углублённо занимались соответствующей тематикой многие дни, недели, а Дмитрий Иванович – наверное и годы. Вряд ли Иван Антонович «парился» по поводу взлёта звездолёта прямого луча так же, как Олег Константинович – по поводу хвостового оперения сверхтяжёлого грузовоза. В конце концов на содержание романа это не влияло никак, а самолёт без хвостового оперения мог и не полететь...

Но есть и примеры гораздо более похожие.

Например, история, о которой советские читатели (включая и И.А. Ефремова) могли узнать из журнала «Техника-Молодёжи», №5 за 1967 г. (с.30):

Эдуард Сэмсон, американский журналист, был в 1893 году редактором отдела новостей газеты «Глоб». Он скудно подрабатывал как репортер и еле сводил концы с концами.

29 августа — этот день он запомнил на всю жизнь — Сэмсон после работы задремал на продавленном диване в комнате художников. Проспав часов семь, он встал и попытался стряхнуть с себя чудовищный кошмар, пережитый во сне. Вопли обреченных на смерть людей, казалось, еще звучали у него в ушах.

Сидя в пустой комнате, не в силах отделаться от только что виденного, Сэмсон зажег свечу и начал быстро записывать свой сон во всех подробностях. Он описал, как тысячи обезумевших от ужаса туземцев острова, близ Явы, бежали к морю, спасаясь от потока кипящей лавы, извергаемой вулканом позади них.

Он описывал, как тысячи людей были смыты в море чудовищными грязевыми потоками; он писал о громовых раскатах, сотрясавших небо и землю, о гигантских волнах, швырявших корабли, и, наконец, в завершение катаклизма, о потрясающем взрыве, уничтожившем остров и оставившем от него только огнедышащий кратер среди пенящегося моря. Сэмсон нацарапал на полях своей записи: «Важно», — и, уходя, оставил листки на столе. Утром явился редактор. Естественно, он предположил, что Сэмсон принял это ночью по телеграфу, и напечатал «сообщение» целиком, снабдив звонкой «шапкой».

Затем статья разошлась по всей стране, а десятки важнейших газет в Чикаго, Цинциннати, Кливленде, Сан-Франциско и других городах перепечатали ее на своих первых страницах.

Потом началась реакция. Сведения не подтверждались дальнейшими известиями. Оправдание Сэмсона будто он не собирался отдавать свою запись в печать, не помогло: она уже была напечатана.

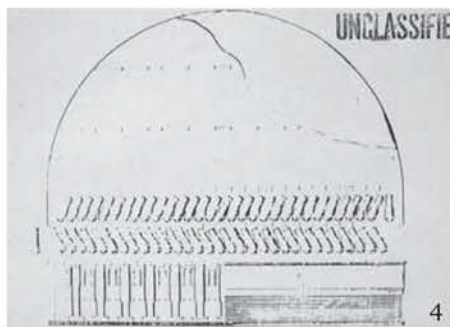
Сэмсона, конечно, немедленно уволили. Но тут за него вступилась природа. На западное побережье США нахлынули волны необычайной высоты. Из разных пунктов начали поступать отрывочные сведения о чем-то необычном, происходящем в Индийском океане. Газеты напечатали то, что им удалось узнать, и решили подождать более подробных сведений.

Через несколько дней весь мир был потрясен известием об извержении вулкана Кракатау. Наверное, больше всех был изумлен редактор газеты. Всё, о чем писал Сэмсон несколько дней назад, оказалось правдой. Иначе говоря, страшные события, приснившиеся репортеру, действительно происходили у антиподов в то самое время, когда он метался на диване в редакции бостонской газеты...

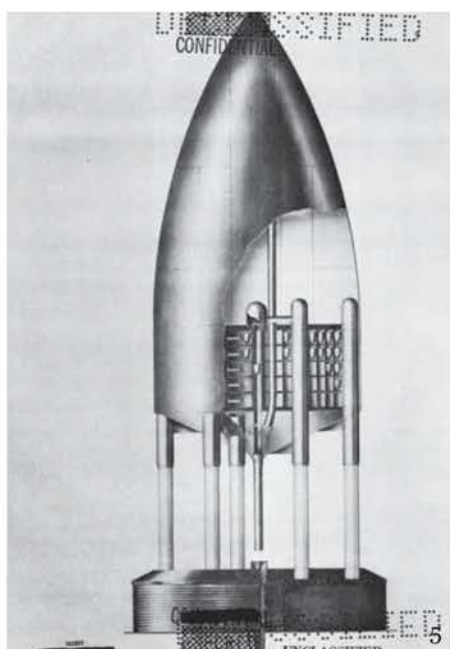
Таких примеров не так мало, как может показаться – мало зафиксированных. Так что – прибавить к их числу секретные лётные эксперименты где-то на океанском побережье США, которые как-то увидел писатель-фантаст в Москве? Не исключено.

Но по мне – это наименее интересный вариант из всех возможных!

«Человек с допуском»? Во-вторых, предположим, что Ефремов эту плёнку видел.

Но дело в том, что проект «Орион» был совершенно секретным. Он был таковым во всяком случае до 1964 года, до момента прекращения работ.

Он оставался им и позже, по крайней мере – в 1966-м, когда, уже в НАСА, изучали наследие «Дженерал Атомикс». Но и позднее, когда Ф. Дайсон выступил с описанием проекта в периодической печати, а затем и в книге «Оружие и надежда», проект был открыт далеко не полностью. Подробности начали рассекречивать (но отнюдь не публиковать) только в середине 70-х, когда Ивана Антоновича уже не было в живых. Более того – ряд деталей, особенно в части малогабаритных ядерных зарядов направленной энергии, остаётся совершенно секретным и поныне. Сама же киносъёмка лётных испытаний моделей «Put-Put» и «Hot Rod» впервые была показана в документальном фильме, снятом History Channel в 1999 г.

Поэтому никаких легальных способов посмотреть эту плёнку у И.А. Ефремова не было. Возможность того, что кто-то из его зарубежных друзей – биологов – привёз в Союз совершенно секретную плёнку и показал ему, следует отнести к антинаучной фантастике. А вот насчёт способов нелегальных...

Я совершенно не удивлюсь, если выяснится, что не позднее 1960-го (во всяком случае – 1962-го) года эта съёмка – и в гораздо лучшем качестве – оказалась в архивах КГБ или ГРУ. Я даже сильно разочаруюсь в обеих этих организациях, если это окажется не так. Но...

Но даже сам факт наличия совершенно секретной американской плёнки у нас раскрывает, во-первых, направления работы нашей нелегальной разведки, а во-вторых её агентурные возможности! И первое, и второе и тогда, и сейчас, и во веки веков является гостайной с грифом от «совершенно секретно» и выше.

Что в свою очередь, означает что человек, которому это показали бы, должен был иметь, во-первых, соответствующий допуск. Ничего подобного про Ивана Антоновича Ефремова неизвестно – или все его биографы чего-то не знают?

А во-вторых, те, кто принимал бы решение о соответствующем показе, должны были почему-то думать, что этот человек каким-то образом сможет помочь в анализе показанного, а в идеале – и в практическом использовании в каких-то целях. И.А. Ефремов был авторитетом в области палеонтологии (т. е. науки на стыке биологии и геологии). Мы обоснованно можем считать его социологом, психологом, футурологом (как бы не пыжился И.В. Бестужев-Лада присвоить себе звание «первого советского футуролога»), может быть – философом. Правда остаётся вопрос, считали ли его таковым соответствующие «инстанции»... Но ракетно-космическую и ядерную технику Ефремов знал на уровне научно-популярных публикаций! Чем он мог помочь в анализе лётных испытаний прототипа ядерного космического корабля? Или мы – опять-таки – не знаем про Ивана Антоновича чего-то очень существенного?

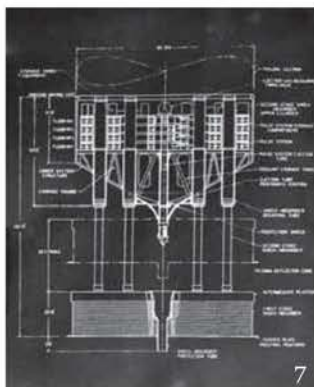
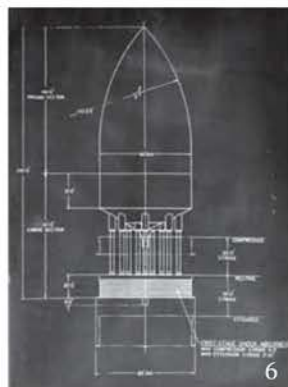
Правда есть ещё одно объяснение того, как писатель мог увидеть эти кадры, но о нём чуть ниже.

Несостоявшаяся «активка»? Ну и, в третьих, можно предположить, что Ефремов видел не эту, а такую же, но – отечественную съёмку. А может быть и не только съёмку.

С конца 90-х годов в печати появились упоминания о проектах советских взрыволётов. Немного: некоторые цифры, два рисунка. Один – современная реконструкция, второй – возможно подлинный, и приписываемый, аж, А.Д. Сахарову. В качестве даты начала работ глухо называется 1962-й. Открытыми пока остаются два вопроса: во-первых, стали ли «стартовым выстрелом» для наших разработок американские, а во-вторых – до какой, собственно, стадии наши разработки дошли? Никаких сведений о каких-то экспериментах, тем более – лётных, пока не всплывало.

Надеюсь, что только пока...

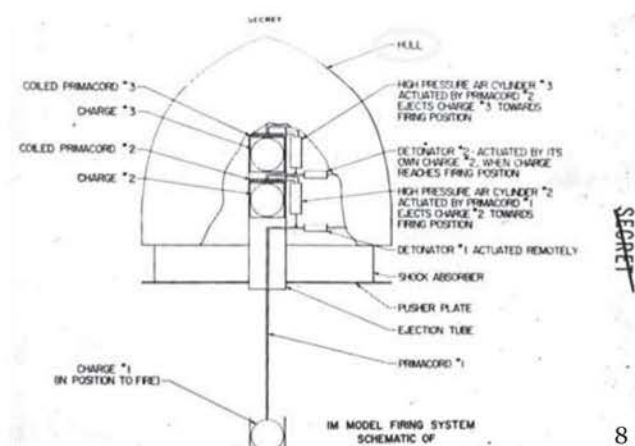
Но если таковые были, то Ефремову (а может, и не только Ефремову!) их могли показать даже «живьем» (для этого не нужны Семипалатинск или Новая Земля – достаточно подмосковных Фаустова, Нахабино или ленинградской Ржевки), в рамках подготовки какой-то информационно-пропагандистской акции... которая потом была отменена.

В этом случае не нужно искать в жизни Ивана Антоновича «второе дно»: к «активке», «активному мероприятию», как это именуется в документах спецслужб, конечно, должны были привлечь наиболее авторитетных «властителей читательских дум», коим Ефремов, безусловно, являлся.

Во всяком случае – достаточно благодатная тема для историков как науки и техники, так и литературы.

А что это могла быть за акция? Что именно должен был воспеть известный писатель-фантаст, вдохновлённый испытаниями прототипа взрыволёта?

Здесь мы вынуждены будем сойти с твёрдой земли достоверной информации или логически легко выводимых из таковой предположений на зыбкую почву... нет, не конспирологии, но предположений. Обоснованных, но пока не подтверждённых.

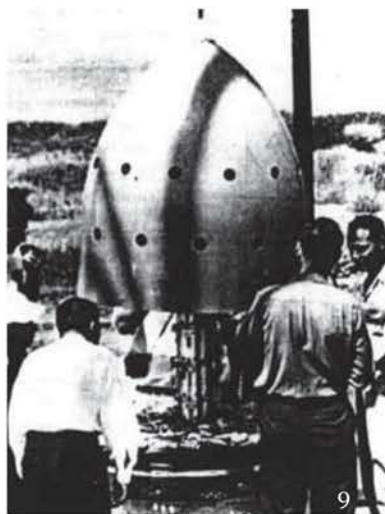
В нашем массовом сознании укоренён миф, согласно которому существуют благородные творцы – бескорыстные деятели культуры или науки, и противостоящая им косная государственно-бюрократическая машина.

На самом деле так бывает, но крайне редко, и, как правило, на низких уровнях научной или творческой иерархии. Гораздо чаще имеются некие (почти никогда – формальные) структуры, пронизывающие весь государственный и ведомственный (научный, культурный) организм сверху до низу, и активно противостоящие с другими подобными структурами в отстаивании своих интересов. Причём интересы эти, как правило, объединяют как вещи сугубо-духовные (научная школа, художественное направление, представления о дальнейшем развитии области науки или техники), так и вполне шкурные (очевидно, что более приоритетное направление получит большее финансирование...).

Описанное инвариантно к странам, социально-политическому строю и областям человеческой деятельности. Подобная ситуация наличествует и в нашей стране, и в США, и в научной фантастике, и в ядерной физике, и в ракетно-космической технике.

И как это могло помочь И.А. Ефремову увидеть плёнку с лётными испытаниями прототипов «Ориона» ещё в 1962-1963 гг.?

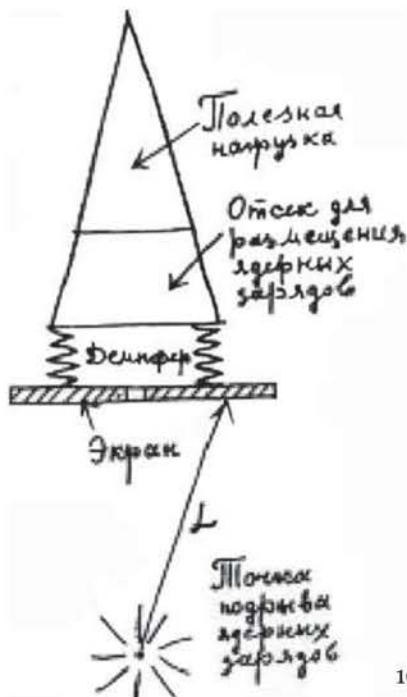
Выше уже говорилось, что осенью 1963 года в Москве был подписан Договор о запрете ядерных испытаний в космическом пространстве, в атмосфере и под водой. Договор бессрочный, действует поныне, к нему присоединились все страны, которых это как-то может касаться. Если неглубоко интересоваться историей его подписания, может создаться впечатление, что физики-ядерщики всего мира были едины в поддержке этого Договора... но так ли это было на самом деле?

Оказывается, американская сторона предлагала вывести из-под действия договора атомно-импульсные тяговые системы, т.е. «Орион» и другие подобные.

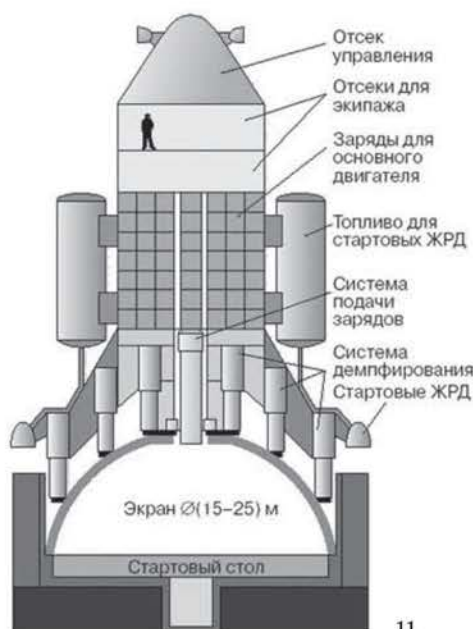
По американским же данным, советская сторона категорически отвергла это предложение – по вполне понятным военным причинам. Но если в СССР тоже прорабатывалась подобная система, то вряд ли её разработчики были очень рады Договору в его подписанной версии... Напомню, названа пока только одна наша фамилия – Сахаров.

Человек, страшно далёкий от созданной о нём диссидентской легенды, на тот момент в высшей степени авторитетный для руководства не только атомной отрасли, но и страны, и, соответственно, влиятельный. И он, конечно, был не один! Известно, что в США «Орионом» занималась команда, спаянная общей мечтой о покорении Солнечной системы – но и по нашу сторону это тоже должна была быть такая же команда! И они вполне могли найти общий язык – в истории есть прецеденты...

10

Вывести взрыволёты из-под Договора можно было только одним способом: убедив как власти СССР и США, так и мировое общественное мнение, в том, что такие аппараты необходимы – и безопасны, а ведь каждый взлёт сопровождался многочисленными ядерными взрывами в атмосфере! Так почему бы не попробовать привлечь к этому писателя, так ярко описавшего прекрасное космическое будущее Человечества?

11

Была и ещё одна веская причина попытаться склонить на свою сторону именно Ефремова. Наиболее «убойным» аргументом «против» взрыволётов является именно необходимость ядерных взрывов, причём множества ядерных взрывов.

Предотвратить выпадение радиоактивных осадков при этом невозможно, но вот оценка их опасности – вопрос отнюдь не однозначный. Между тем в «Туманности Андромеды» Иван Антонович во весь голос заявил об опасности неразумного использования «примитивных способов получения ядерной энергии». Тем весомее была бы его поддержка атомно-импульсных двигателей... В рамках соответствующей «обработки» по каналам негласного взаимодействия (впрочем, вышеописанные вертикальные структуры по необходимости включают и спецслужбистскую компоненту), Ефремову могла быть предоставлена полная информация по «Ориону», включая и эффектные кинокадры лётных испытаний.

Но... Что-то не сложилось. Может быть, Ивана Антоновича не удалось переубедить. А может быть, сторонники взрыволётов проиграли в подковёрной борьбе научно-военно-промышленно-политических, будем называть вещи своими именами, кланов. Договор 1963 года, Московский Договор, краеугольный камень международной ядерной безопасности, был подписан и вступил в силу без каких-либо исключений.

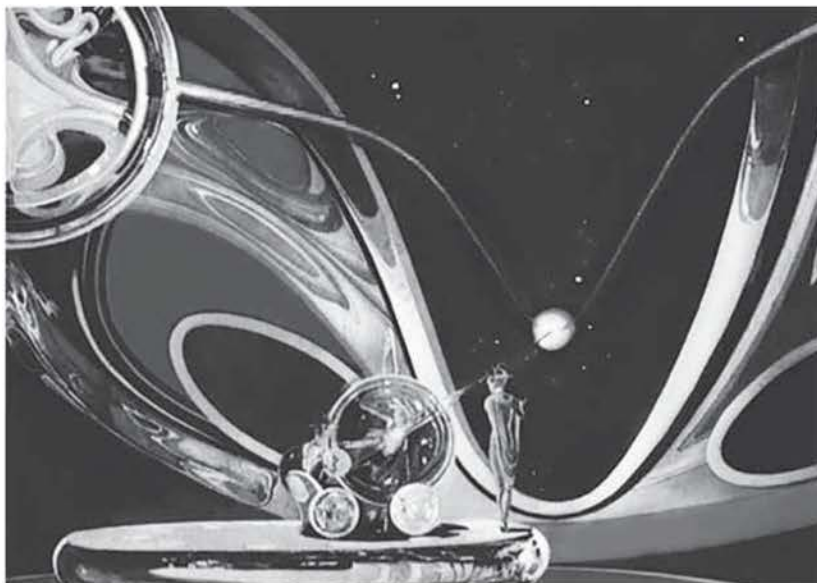
Конечно, Ефремова должны были крайне убедительно попросить молчать об этой истории. И – если гипотеза верна – совершенно по-иному выглядят до сих пор не имеющие рационального объяснения действия КГБ после его смерти. Но, описывая «Тёмное пламя», писатель вполне мог «опереться» на проект, который и поныне, через полвека после прекращения работ, превосходит все предлагаемые космические транспортные средства в той же степени, в какой звездолёт прямого луча из «Часа быка» превосходит анамезонные звездолёты 1-го класса из «Туманности Андромеды»!

Иллюстрации:

- 1, 2. Звездолёт «Тёмное пламя» в представлении художника А. Побединского.
3. Широко известное изображение «Ориона». Этот вариант, предложенный НАСА когда работы уже сворачивались, должен был работать вне атмосферы и предназначался для полётов к Луне и Марсу.
- 4, 5. ...а вот эти должны были взлетать с Земли!
- 6, 7. «Синьки» проектной документации.
8. Устройство летающей модели взрыволёта.
9. Подготовка модели «Put-put» к старту.
10. Рисунок, приписываемый А.Д. Сахарову.
11. Реконструкция советского взрыволёта.

ЗВЁЗДНЫЙ ЗОВ

Рассказ

*Что ж, Человек? – За рёвом стали,
В огне, в пороховом дыму
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?*
Александр Блок, 1911 год

Сначала откуда-то сверху донеслось протяжное звучание на высокой ноте, оно было как пение ветра в отдалённом ущелье. Звук постепенно сгустился, уходя в нижние регистры и затих. Мгновенья падали в тишине – одно, второе, третье... – пока для их отсчёта не нашлась новая мелодия, и тогда послышался нарастающий перезвон капли – во время сезона дождей в лесах у подножия Великих гор так поёт вода, сбегая по ярусам могучих ветвей, над которыми во всё небо стоят радуги. Разноголосый, многократно отражённый эхом, этот перезвон заполнил простор под высоким сапфировым сводом поста управления, возвещая о том, что вращение звездолёта в четырёхмерной системе координат замедлилось до порогового уровня, и локус искривлённого пространства распрямляется, выпуская корабль в очередную, теперь уже последнюю на пути, точку космоса.

Голографические фигуры над индикаторным окном, за мгновение до того алертно вытянутые в форме голубоватых полупрозрачных сталагмитов, резко просели и теперь медленно растекались в горизонталь. Стройная рыжеволосая женщина в тёмно-синей тунике остановилась рядом с высоким сосредоточенно-неподвижным напарником, закутанным в длинную пурпур-

ную накидку, и, дождавшись полного выравнивания пространственной метрики, включила обзор.

Купол, переборки и опалесцирующая палуба под ногами исчезли, пост управления повис среди знакомых звёзд. В тени, отбрасываемой огромным пылевым скоплением, они льдисто мерцали в перспективе галактической плоскости сливаясь в обод гигантского колеса, и внешне почти незаметная близость одной из них сознанием скорого завершения пути согревала сердца космических скитальцев.

«Звёздный зов» – корабль планетной системы Гала – плавно разворачивался в направлении дома, до которого теперь оставалось всего четыре вахты пути. Двое звездолётчиков, стоя на невидимой поверхности, сосредоточенно созерцали, как вокруг них плывёт величественная картина открытого космоса. Сейчас они чем-то напоминали древних мастеров, которые только что завершили внутреннюю роспись храма и теперь отпускают своё творение в мир, и проплывающие звёзды отражались в их широко раскрытых глазах, казавшихся в космической ночи совершенно чёрными. Поворот завершился, включились пространственные двигатели, корабль начал набирать скорость.

– Зорин, – так прозвучало бы его имя на привычном для нас языке, – тебя не отпускает пламя той планеты. Я слышу беспокойную скачку твоих мыслей, подобных сполохам огня в ненастье.

– Ты права, Дивна, слишком невероятно случившееся совпадение, – ответил тот, кого звали Зорин. – Но эта встреча изменила каждого из нас, и теперь я часто вижу печаль бессильного сострадания во взглядах товарищей.

Под сводом зазвучала мелодия полёта, а на противоположном краю поста управления, прямо на фоне созвездия Белой Птицы, показались фигуры сменщиков: командир и второй навигатор заступали на дежурство. Тогда мужчина сбросил накидку и подал руку напарнице, которая с готовностью шагнула навстречу, привлекаясь мягким и сильным движением. Танец властно влёл их за собой, помогая оставить в прошлом тревогу самого драматичного эпизода экспедиции.

Похожая на Галу планета, окутанная живительной азотно-кислородной атмосферой, была обнаружена экспедицией «Звёздного зова» в удалённом рукаве Галактики. Вновь открытый мир оказался обитаемым, но молчание радиоэфира и отсутствие искусственных спутников говорили о том, что найденная цивилизация пока не проникла даже в ближний космос.

– По всем признакам, этот мир относится к допереходным. Основа его устойчивости – цивилизационное и расовое многообразие, обусловленное естественным разнообразием ландшафтов, но при этом системная целостность обеспечивается узами взаимной борьбы – войны и конкуренции. Экономическая структура, если судить по доступным наблюдениям технологиям, говорит о жёстком разделении на классы управляющих и управляемых, а населённые регионы планеты развиты крайне неравномерно, что хорошо видно по расположению основных экономических центров...

Мягкий голос Тайны, историка и антрополога экспедиции, негромко звучал в уютном зале собраний корабля. Над продолговатой панелью с закруглёнными краями, перед которой собрались звездолётчики, висело объёмное изображение планеты – на нём, иллюстрируя слова говорившей, проступили бурые области крупных городов.

– Но это уже единый мир, с доминированием технически наиболее развитой цивилизации, которая скоро исчерпает возможность своей внешней экспансии. Теперь её ждёт встреча с собственной теневой стороной, означающая преддверие планетарного эволюционного перехода.

Им предстоит сложное время. Встреча с теневой стороной обнажит устрашающую иррациональность внешне рациональной цивилизации. Вместе с психической картиной мира будет меняться физическая, и это приведёт к новым открытиям в овладении энергией. В результате будет стремительно нарастать техническая

возможность самоистребления, которую могут уравновесить энергия мечты о лучшем обществе и первые опыты его создания. Космические исследования помогут вернуть вертикаль духа – её когда-то поддерживала теперь ветшающая религия. Прежняя модель развития быстро подойдёт к исчерпанию, и тогда откроется возможность для создания совсем другой, более зрелой и мудрой, цивилизации цельности.

Тайна подняла руки к вискам, поправляя прядки тёмных волос, выбившиеся из высокой причёски. Её карие глаза – широко раскрытые и всегда как будто немного удивлённые – обводили товарищей по экипажу:

– Исторически такое состояние очень непродолжительно, и то, что мы его застали, практически невероятно...

Всё это проплывало в памяти Зорина, когда он вёл планетолёт вдоль цепи заснеженных гор. За спиной тихо пели датчики полевых структур планеты. Слева по борту один за другим вставали навстречу горные пики, среди снега и льда грозно чернели их отшлифованные ветрами отвесные скалы. Далеко за хребтом, за покрывалом хмурых облаков угадывался бескрайний океан. Направо горы постепенно понижались и мельчали, сходили на нет к широким, разрезаемым реками равнинам.

Зорин не мог отделаться от ощущения, что уже когда-то видел эти пейзажи. Оно было подобно проблескам молний, которые на мгновение высвечивают предметы окружающего мира и снова погружают их во тьму: на какой-то неуловимый миг вдруг накатывало ощущение зыбкого пограничья между явью и сном, когда воспоминания об этих горах были абсолютно ясными, но сама краткость момента не давала удержать их в сознании.

Создавать и удерживать эти состояния, использовать их для физического перемещения в любую точку Вселенной, когда корабль скользит по вневременному тонкому лучу, как по оси анизотропного кристалла между переслоенными структурами пространства... Такое искусство пока что остаётся недоступным для всех известных миров населённого космоса. Обычные же субпространственные полёты по-прежнему требуют накопления огромных энергий, поэтому следующий, подготовленный визит на эту планету возможен нескоро, и лучше, чтобы такую миссию выполнили кеане – их звёздная система отсюда ближе всего. Навигаторы «Звёздного зова» уже проложили маршрут к системе Кеа и теперь только ждут его, Зорина, возвращения на борт.

Сбросив скорость, он летел над населённой долиной. Внизу бежал бурный поток, по берегу петляла дорога. Тут же была проложена новая транспортная линия: две параллельные направляющие – по-видимому, из железоуглеродистого сплава, – по ним на паровой тяге перемещают транспортные составы. Но линия оставалась пустынной: на всём протяжении долины не просматривалось ни одного движущегося дымка. Неуютно там сейчас, под холодными зимними ветрами.

Направо от крошечного посёлка неожиданно раскрылось ущелье, а в его верховьях, стаяв к себе линиями напряжения горные хребты, высилась величественная гора, перед которой в почтении расступились окрестные вершины. Зорин мощным рывком направил планетолёт вниз.

Поглотители инерции работали безупречно, позволяя пилоту мгновенно менять скорость и направление. Планетолёт сел на берегу небольшого полузамёрзшего озера, подняв облако снежной пыли. Музыка датчиков умолкла. Зорин открыл входной проём и мягко прыгнул в неглубокий снег. В лицо дохнуло холодом, белизна снегов заставила сощурить глаза, но в следующий момент он уже с наслаждением вдыхал полной грудью воздух планеты.

В десяти шагах от места посадки стояла приземистая хижина под пологой односкатной кровлей, сложенная из плоского слоистого камня и засыпанная снегом – наверное, летний приют пастухов. От хижины открывался вид на вершину. Низкое зимнее солнце освещало её с противоположной стороны, так что открытые обзоры склоны находились в тени и от этого казались абсолютно отвесными. Безмолвие нарушалось лишь далёким свистом ветра. Временами он поднимал то в одном, то в другом месте над горами снежный шлейф, предаваясь каким-то своим играм. Пройдёт немного времени, замкнётся виток, и эта овечья древними легендами гора, как зримое выражение вертикали духа, снова привлечёт к себе внимание ищущих.

Что ж, пора – Зорин вернулся в корабль, дал вертикальный старт и молниеносно переместился на вершину. Здесь он открыл выходной проём в режиме градиента атмосферного давления, опустил забрало гермошлема и вышел на покрытый плотным фирном гребень, чтобы, склоняясь под мощными порывами ледяного ветра, установить на узком скальном выступе прозрачную кристаллическую пирамидку с асимметричным четырёхугольным основанием. Моментально сработала решётчатая активация – пирамидка приросла к скале и полностью слилась с её тёмным зернистым фоном. Первый кристалл-излучатель был установлен.

А всего их было три, образующих резонансную конфигурацию: второй предполагалось разместить на гребне высоких гор в центре обширного материка, третий – на острове в океаническом полушарии планеты. По сигналам кристаллов-излучателей должны будут сориентироваться кеане, когда однажды окажутся в этой части Галактики...

По гигантской дуге между двумя материками Зорин мчался к следующей точке. За левым плечом огненный шар солнца стремительно уходил за горизонт, его лучи окрашивали навигационную панель в цвета жидкого золота. Далеко внизу подёрнутый лёгкой дымкой лежал океан – где-то там подводный хребет обозначал линию древней рифтовой зоны, и океанское дно было рассечено частыми разломами. Мелодия датчиков рассыпалась негромким звоном, отмечая это место.

На миг закат вспыхнул зелёным лучом, отмечая границу неба и моря, и день погас.

Медленно катилось навстречу звёздное колесо, мерцая непривычными очертаниями созвездий. Правую часть неба пересекала туманная россыпь галактической плоскости, метеоры изредка прошивали чёрный небосклон. За спиной низко над горизонтом сияла яркая звезда – одна из ближних к этой системе, – и планетолёт мчался, подгоняемый её пронзительными белыми лучами, а навстречу неведомую весть несла стремительная птица, прорисованная в небе круто изогнутой дугой из семи звёзд.

Когда он посадил корабль на пологом склоне в одном из отрогов исполинской горной стены, которая охватывала полукольцом узкую долину, звёздная птица уже прошла над головой и теперь чертила крылом по краю закатного горизонта. Близился рассвет. Вверх по склону угадывалось начало подъёма к невидимой отсюда вершине – нагромождение массивных каменных глыб образовывало великанскую лестницу, её неровные исполинские ступени чернели в предрассветном небе. У противоположного края посадочная площадка оканчивалась обрывом, на дне которого шумел поток. Зорин сделал несколько шагов в направлении скальных останцев – их острые зубья поднимались немного в стороне. За ними открывался вид на соседний отрог, на котором отчётливо виднелись угловатые очертания массивных каменных построек. Наверное, обитель отшельников. Постройки лепились по склону в несколько ярусов, две или три из них отличались от остальных характерными шатровыми навершиями с короткими шпильями. Вся композиция оставляла ощущение суровости и аскетизма.

В это время первые солнечные лучи коснулись окрестных вершин, и те, прежде окутанные мгlistым сумраком, вдруг зажглись прозрачным золотым светом. Скользя по ним изумлённым взглядом, Зорин снова пережил момент пограничья. Вновь накатило неуловимое ощущение уже виденного в какой-то другой жизни, причём внешне парадоксальным образом ощущение это возникло не из прошлого, а как будто бы из далёкого будущего. На несколько мгновений он увидел, как над постройками вдали встали призрачные сооружения, похожие на антенны радиообсерватории, а на склоне раскинулись просторные рощи могучих хвойных деревьев.

Видение исчезло. Зорин быстро вернулся к планетолёту и дал старт. Короткая посадка на заоблачном гребне, установка второго кристалла-излучателя, прощальный взгляд на пламенеющую панораму гор над морем облаков и – стремительный взлёт в направлении третьей, последней, точки маршрута.

Горы сменились большой песчаной котловиной, за ней простирались засушливые равнины, пересекаемые невысокими хребтами. Зорин набрал высоту, чтобы увеличить панораму обзора, и в это время внезапной серией коротких аккордов прозвучал сигнал тревоги:

в атмосферу планеты входил огромный болид. Небесное тело двигалось со стороны встающего солнца, теряясь в его лучах, и уходило по наклонной траектории за горизонт слева. Зорин запросил расчёт траектории и похолодел от осознания надвигающейся беды: болид врежется в поверхность планеты на ночной стороне в прибрежной густонаселённой части материка.

Сообщить на звездолёт времени не оставалось, всё решали мгновения. Страхнув оцепенение, пилот развернулся наперехват пришельцу и разогнал корабль до предельной скорости. Изображение на экране пылало и колыхалось, напоминая разгневанного лик древнего бога – ревнивого, мстительного и карающего. Добела раскалённый вестник смерти и неуловимый, как фантом, планетолёт мчался курсами на сближение. Перед столкновением Зорин успел включить аварийный телепорт...

Звездолётчики нашли его по третьему кристаллу-излучателю, который оставался в кармане скафандра и был активирован при телепортации. Пилот лежал на берегу величественного озера, обрамлённого лесистыми горами, возле самой кромки прибоя. Дивна первая подбежала к распростёртому на песке телу, опустилась на колени и замерла, приложив тонкие пальцы к точке пульса на открытой шее. Затем обернула к товарищам залитое слезами, но теперь улыбающееся лицо. Жив!

... А почти в тысяче вёрст к северо-западу от этого места пылала заболоченная тайга, зажжённая гигантским воздушным взрывом.

Обгорелые стволы, скошенные прокатившейся взрывной волной, лежали сплошными рядами на огромной территории. Только в самом эпицентре деревья приняли удар отвесно – обугленные и лишённые ветвей они продолжали стоять мёртвыми свидетелями катастрофы.

– Здравствуйте, Варвара Александровна! Какое сегодня небо необыкновенное, – нескладный и всегда немного смешной сосед, из дачников, проходя по улице приподнял над головой картуз в знак приветствия.

– В Питере, говорят, то же самое. Ах, простите, – он понизил голос, – у Вас ребёночек спит, а я расшумелся.

– Здравствуйте, Василий Гаврилыч! – приветливо отозвалась молодая русоволосая женщина в дымчатом платье с серебристой кружевной оторочкой. – Не волнуйтесь, пожалуйста, Ванечка не спит.

Ожидая из столицы мужа, известного в Вырице лесопромышленника и благотворителя, она с двухмеченым сыном на руках стояла возле массивных ворот из теса. Был поздний вечер, необычайно светлый даже для поры белых ночей. Перламутровая вуаль серебристых облаков в вышине озаряла землю прохладным завораживающим светом.

Малыш на руках лежал тихо. Счастливая мать заглядывала в его широко распахнутые удивлённые глаза цвета северного неба – сквозь пение ветра в верхушках стройных сосен над красноцветными обрывами. Оредежа, её сын вслушивался в далёкий звёздный зов.

Картина Ю. Швеца.

Мнение из сети

vovchik630022 (3 года назад)

Великий Человек, писатель, мыслитель.
М.Л.И. Роман про Россию и планету Земля 21 век

Алексей Капустин (2 года назад)

В «Википедии» (статья «Ефремов, Иван Антонович») написано кратко - и точно про этого Великого Человека: «Иван Антонович Ефремов (1908—1972) — русский советский писатель-фантаст, учёный-палеонтолог, создатель тафономии; философ-космист и социальный мыслитель. Лауреат Сталинской премии второй степени (1952). В своих книгах показал как прошлое, так и возможное коммунистическое будущее человечества». Иван Антонович был советским человеком, строителем социализма - первой стадии коммунизма. И верил в коммунистическое Будущее планеты Земля и всего человечества. Твари, порождения Старого Мира - подточили и уничтожили ПЕРВУЮ ПОПЫТКУ построения Нового Мира. (Об этом есть и в книгах Ивана Антоновича, в той же «Туманности Андромеды», например: «Кое-где случались восстания, поднимавшиеся отсталыми приверженцами старого, которые по невежеству

пытались найти в воскрешении прошлого лёгкие выходы из трудностей, стоявших перед человечеством».) Но ефремовские слова: «Но неизбежно и неуклонно новое устройство жизни распространилось на всю Землю, и самые различные народы и расы стали единой, дружной и мудрой семьёй. Так началась ЭМВ — Эра Мирового Воссоединения, состоявшая из веков Союза Стран, Разных Языков, Борьбы за Энергию и Общего Языка» - дают надежду, даже в самые чёрные дни нынешних реалий. Новый Мир - победит!

Владислав Андреев (2 года назад)

Большому кораблю - большое плавание. Иван Антонович, Мы Любим Вас!

Не Подарок (4 месяца назад)

но похоже он как великий предсказатель... всё это знал и чувствовал.. куда там до Ивана Ефремова.. всем этим вангам.. глобам и кейси..

olikado78 (3 года назад)

большое спасибо! почитали. написано так, что трудно оторваться. редкость для такого жанра.

Я родился и почти до сорока лет жил в Баку. С астрономическим кружком не раз бывал в Шемахинской астрофизической обсерватории, позднее немало поплавал вдоль берегов Каспия, а уже зрелым человеком, когда работал на киностудии художником, побывал со съёмочными группами в самых экзотических уголках Азербайджана. Поэтому достопримечательности Страны Огней знакомы мне не понаслышке.

К примеру, в посёлке Раманы, где жили друзья нашей семьи, я с приятелями-мальчишками в конце 50-х годов не раз бывал на стенах древней крепости. При этом никто из нас не догадывался, что приблизительно между 84 и 96 годом нашей эры, при императоре Домициане, здесь побывали солдаты XII Молниеносного легиона Римской империи под командованием Максимуса Ливиуса. Рим давно «точил зубы» на территории западнее Каспийского моря. Лишь восстание в Галлии остановило запланированный поход на Кавказ римского императора Нерона, предшественника Домициана.

Сама столь хорошо знакомая мне крепость в посёлке Раманы относится к XIV веку и построили её по приказу Ширваншахов. Свидетельство о своём пребывании близ Апшеронского полуострова оставили сами римские легионеры. Во всемирно известном заповеднике в Гобустане (Тур Хейердал утверждал, что азербайджанские петроглифы схожи со скандинавскими), включенном в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, центром считается гора Беюкдаш («Большой камень»).

Рядом находится обнаруженная учеными в 30-х гг. XX века скала с римской надписью. В переводе на русский язык надпись означает: «Время императора Домициана Цезаря Августа Германского, Луций Юлий Максим, Центурион XII Легиона Молниеносного».

В 1982 г. во время съёмок фильма «Здесь тебя не встретит рай» я побывал в Гобустане и был поражён фантастическим видом окружающих гор. Особенно мне запомнилась столовая гора, вызвавшая в памяти «Затерянный мир» Конан-Дойла.

Каких только историй я не наслушался во время тех поездок по Азербайджану. Чаще всего рассказывали о встречах с алмасты (так называют на Кавказе Снежного человека) на юге, близ границы с Ираном.

Впрочем, подробнее об этом расскажу как-нибудь в другой раз, но именно из-за рассказов об алмасты я отправился в Лянкяран (тогда – Ленкорань). Тем более что за шестьдесят лет до меня, в середине 20-х годов, в этом субтропическом рае побывал 17-летний Иван Ефремов...

Через 32 года специально для альбома я написал рассказ, который предлагаю вашему вниманию.

ЗАРЯ В КЫЗЫЛ-АГАЧЕ

Рассказ

На востоке алела заря, а далеко на западе темнели горы Талыша. По мере подъёма солнца, горы становились всё менее фиолетовыми, а розоватые поначалу облака окрашивались в ультрамариновые и голубые оттенки.

Иван шёл медленно. Прислушивался к каждому шороху в зарослях камыша. Ноги иногда по колено погружались в тёплую воду, над которой роились комары. Невольно вспоминалось детство, злые северные комары, набрасывавшиеся на него, мальчишку, во время редких вылазок на природу с вечно занятым отцом.

Боже, каким далёким и нереальным казалось теперь детство! Словно прошла вечность, а не каких-то 8 лет, отделявших Ивана от уютной отцовской библиотеки, от книг, которые он жадно «проглатывал» по вечерам и ночам. И ещё Иван вспоминал совершенно неземные, просто какие-то марсианские ландшафты Гобустана, которые он видел несколько дней назад. Особенно его поразила столовая гора, у которой вершина была словно срезана неким неведомым великаном. Именно таким Иван представлял загадочное плато, описанное Артуром Конан Дойлом в его незабываемой повести «Затерянный мир».

В немалой степени именно эта повесть, при чтении которой он представлял себя корреспондентом Меллоуном, путешествующим вместе с чудаковатым профессором Челенджером, его оппонентом Саммерли и отважным охотником Джоном Рокстоном по загадочному плато, населённому индейцами, обезьянолюдьми и динозаврами, которые считались вымершими миллионы лет назад.

Именно тогда, при чтении книг Жюль Верна, Генри Райдера Хаггарда и Конан Дойла у Ивана зародилась мечта стать путешественником и палеонтологом, чтобы посвятить свою жизнь изучению фантастического мира хищных тираннозавров, гигантских диплодоков, стегозавров и прочих плезиозавров. Увы, болезнь младшего брата и вынужденный переезд с матерью, сестрой и братом в Бердянск, где климат должен был способствовать выздоровлению брата, резко изменил жизнь Ивана. Изменились также и его интересы. Живя рядом с тёплым южным морем, а не со знакомым с детства холодным Балтийским морем, Иван решил стать мореходом. То есть тем же путешественником, только не сухопутным, а морским.

И на время были забыты мечты о путешествиях по Африке, навеянные книгами Хаггарда, о поисках реликтовых животных и останков доисторических гигантов. В немалой степени этому способствовала гражданская война. Бердянск переходил в руки красных, белых, зелёных, снова красных.

Стало не до книг и не до грёз о дальних странах.

– Вот сволочь! – пробормотал Иван, сбивая с руки почти невидимую тварь, неощутимо сосавшую из него кровь.

В зарослях камыша впереди появился просвет. Иван застыл, затаив дыхание. В неглубокой воде он увидел фламинго. Первого в своей жизни.

Розовая птица, грациозно изогнув шею, выискивала в воде корм.

Иван осторожно раздвинул камыш и увидел множество этих сказочных птиц, словно оказался в далёкой Африке, столь красочно описанной Хаггардом.

Сзади подошёл проводник и привычно вскинул ружьё.

Иван жестом остановил его: разве можно стрелять в такую красоту? В это время молодой биолог увидел леопарда. Тоже впервые в жизни. Хищник крался к пеликану, только что проглотившему довольно крупную рыбку. Полупрозрачный кожаный мешок под огромным клювом современного птеродактиля дёргался: рыба ещё не теряла надежду освободиться из плена. Пеликан судорожно пытался глубже заглотать добычу, но это не мешало ему заметить приближение леопарда.

Неуклюже разбежавшись, пеликан взлетел.

— Разве леопарды охотятся на пеликанов?! — шёпотом, не оборачиваясь, спросил Иван проводника и замолк. Оказывается, леопард подкрадывался вовсе не к пеликану, а к кабану, пасшемуся на поляне, под демир-агачем, железным деревом, произрастающим только здесь, в Лянкяране.

Схватки так и не произошло. Молодой хищник не смог догнать хрюка, который скрылся в зарослях. Вернее этому помешал выстрел. Иван, увлечённый невиданным зрелищем, не успел остановить проводника.

Агония огромной пятнистой кошки была недолгой. Метким ударом посоха проводник добил несчастное животное.

Напуганные выстрелом фламинго дружно взлетели. Огромная стая розовых птиц поднялась в воздух и полетела на юг.

— Зачем убил? — спросил Иван, когда проводник, взвалив на плечи леопарда, зашагал в сторону биостанции.

— У меня свояк на таможне служит, — пояснил проводник. За шкуру леопарда хорошие деньги дают. На зарплату не проживёшь, ведь у меня два сына и три дочери. И все кушать хотят.

Проводник говорил по-русски довольно хорошо. Ещё, будучи в Баку, Иван отметил, что многие местные жители общаются между собой на великом и могучем. То есть на языке межнационального общения. А иначе, как бы общались междусобой, азербайджанцы, лезгины, русские, талыши, грузины и другие представители народов России, съехавшиеся в быстро растущий центр нефтяной промышленности.

Раньше проводник, полное имя которого Ивану так и не удалось запомнить, жил в Баку. Работал, как и многие на нефтяном промысле. Потом Гарибич — так Иван, на русский манер, называл проводника, перебрался южнее в Приморск, рядом с Карадагом, что в переводе с любого тюркского языка означает «Чёрная гора». Некоторое время промыслил ловлей рыбы, женился,

а когда родились девочки-близняшки, перебрался на юг, в Лянкоран, район на границе Азербайджана с Ираном.

— Пойми, Гарибич, — говорил Иван. — Здесь — уникальное место! В Кызыл-Агаче встречаются растения и животные, которых нет больше нигде в мире! Понимаешь?! Взять тот же демир-агач, то есть железное дерево, древесину которого обрабатывать почти невозможно из-за её твёрдости. Думаешь много на Земле деревьев, которые тонут в воде?! Мы здесь заповедник устроим! А ты — леопарда убил...

— Ведь их здесь много! — горячился проводник. — Предки хищников всегда убивали!

Иван пытался втолковать проводнику, что хищники истребляют лишь самых слабых и больных животных, тем самым способствуя улучшению популяции, в целом, но по глазам Гарибича молодой биолог видел, что проводник не хочет его понимать. Невыгодно ему было понимать.

— Ещё раз увижу, — не обижайся, — предупредил Иван и продемонстрировал Гарибичу кулак. — Помнишь, как я Имрана отделал?!

Проводник прекрасно помнил, как Иван, после того как Имран убил дикобраза, схватил контрабандиста левой рукой за грудки, поднял его в воздух и дал ему правой рукой такого «леща», что несчастный потом неделю из дома не выходил. Стыдно было, что семнадцатилетний русский биолог оставил ему на лице такой «подарок».

— Где так драться научился? — спросил его тогда Гарибич.

— А чего здесь учиться, — ухмыльнулся Иван. — Дурное дело — нехитрое. Просто от предков унаследовал немалую природную силу, которая мне уже не раз пригодилась. Я ведь почти всю гражданскую с красной автоторотой прошёл. До самого Перекопа. Там всякое бывало. А отец и вовсе на медведя с одной рогатиной ходил.

— Один, на медведя?! — усомнился проводник.

— Один, — подтвердил Иван. — У нас в роду все такие: первыми в драку — никогда, но если что, тогда уж, не обижайтесь! Ты меня хорошо понял?

— Да понял, я, понял, — хмуро ответил проводник, вспоминая отметину, оставленную Иваном на физиономии Имрана. — Только запомни — если на меня руку поднимешь, — убью! Я ведь даглынец, то есть горец, по-вашему. А у нас, по законам гор...

— Знаю, — прервал проводника Иван. — Горцы во всех странах воинственнее, чем жители долин.

Особого прокорма в горах не было, вот и приходилось совершать набеги...

В здании биостанции Иван продолжил писать статью. Ох, как много он хотел рассказать об уникальной природе Кызыл-агача!

О белых цаплях, столь интересующих академика Сушкина, покровителя и наставника Ивана, пославшего его сюда, на Каспий, о голосистых чёрных петушках-турачах, о каравайках и орланах-белохвостах, о скрывающихся в высоченном тростнике камышовках. Сушкин, бывший всю первую половину жизни орнитологом, невольно прививал Ивану интерес к птицам. Но не меньше молодого биолога интересовали куницы и дикобразы, полосатые гиены и болотные черепахи. В Кызыл-агаче был самый настоящий зоологический рай, здесь водились барсуки и огромные камышовые коты, водяные крысы и шакалы, волки, лисицы, те же леопарды...

И почему живём мы лишь один раз? Одну жизнь Иван проработал бы зоологом, вторую – палеонтологом, третью – капитаном корабля.

По вечерам он вспоминал романы Жюль Верна и Конан Дойла о доисторических животных, а ещё, вспоминая свои морские приключения на Дальнем Востоке, Иван присматривался к должности командира гидрографического катера Ленкоранской лоцманской дистанции. И после работы в Кызыл-агаче, до октября ходил по Каспию. Капитаном.

После возвращения в Россию, Иван опубликовал в журнале «Охота» первую свою научную статью. И уже через год Большой Кызыл-Агачский залив объявили охотничьим заказником, а ещё через три года там был создан заповедник.

В 1935 году, через десять лет после поездки в Кызыл-Агач, 27-летнему Ивану Ефремову по совокупности научных работ была присвоена учёная степень кандидата биологических наук. Кстати, он тогда даже не имел диплома об окончании высшего учебного заведения. А ещё через шесть лет, в марте 1941 года, Иван Ефремов защищает докторскую диссертацию по биологии. И наконец, в 1944 году начинают публиковаться массовыми тиражами рассказы 36-летнего начинающего писателя, открывшего новую эпоху в мировой фантастике.

В честь Ивана Ефремова названы:

- малая планета (2269) Ефремиана,
- динозавр *Ivantosaurus ensifer* (ивантозавр меченосный),
- минерал «ефремовит»,
- литературная премия на Всероссийском фестивале фантастики «Аэлита»,
- библиотека в поселке Вырица,
- клуб фантастики в Софии (Болгария).

Но я уверен, что именем Ивана Ефремова будут названы улицы, площади и даже город (с такой инициативой выступили фантасты и почитатели творчества Ивана Антоновича ещё 40 лет назад, в год 70-летия классика нашей фантастики).

Иллюстрации:

1. Крепость в посёлке Раманы, близ Баку.
2. Римская надпись на камне в Гобустане.
3. Столовая гора в Гобустане.
4. Иллюстрация Г. Тищенко.
5. Иван Ефремов в Ленкорани.

Мнение из сети

К

Константин Кураев (Год назад)

да нет пророка в своем Отечестве, жаль очень жаль... Такой человек великий, он как-будто о нашем времени говорил тогда... Все сбывается...

Александр Клевайчук (11 месяцев назад)

Дорогие Друзья! Полагаю, сегодня, как никогда, крайне нужна экранизация произведений Ивана Антоновича, и прежде всего, – новая экранизация «Туманности Андромеды», причём такая экранизация, чтобы все «Звёздные войны», «Аватары» и т.п., – «отдыхали»... Экранизация 1967 года скорее похожа на трейлер, и если не ошибаюсь, она не нравилась и самому Ивану Антоновичу... И чтобы героями для наших молодых людей были Эрг Ноор и Дар Ветер, а не Дарт Вейдер, а для девушек - восхитительная Чара и отверженная Низа и чудесная Веда...

К

КОБ КОБ (10 месяцев назад)

Ну, кто ж тебе даст его экранизовать! Слышал что вроде даже Спилберг брался, но «зарубили».

СПАСТИ КОРЖАКОВИЮ

Рассказ

Профессор палеонтологии Ефремов негодовал. Доценты Иванов и Антонов смущённо переминались с ноги на ногу, ожидая конца тирады начальника. Смысл тирады сводился к тому, что обучить основам хроногенетики было бы существенно проще ранних синапсидов, нежели современных студентов, от которых и сами доценты, между прочим, недалеко ушли. Что парус эдафозавра накопит существенно больше информации, нежели мозг молодёжи современных кроманьонцев, не желающих покидать пещеры невежества и вместо извечного рисования знаков на собственных голографических проекциях онейронных сетей постигать основы морфогенетической палеостратиграфии.

— Мифопроекции студента Антипова зациклены на позднем кайнозое! — бушевал профессор. — Он отказывается не только выплавлять киноварного трилобита, но и закрывать гештальт мелового парцифала, не думая о последствиях автономного бытия внутреннего тирана! Не может общество реализованного гуманизма быть реализовано на хлипкой основе прикрытия фиговыми листочками нереализованных трансперсональных фигур! Такое легкомыслие ставит под сомнение всё наше общество и переводит его в разряд вероятностных феноменов! Вселенная может погибнуть!

Дело явно шло к переэкзаменовке. Студент Антипов был долговяз, в связи с чем неплохо играл в баскетбол, нескладен и рыжеват — по последней причине он считал себя прямым потомком неандертальцев, посматривая свысока на «братьев меньших», коими полагал он обычных хомо. Поэтому к заданию профессора

Ефремова он отнёсся с гордым пониманием — как к травле настоящего человека — неандертальца — жалким узурпатором-кроманьонцем. Но огорчился не сильно, хотя провести часть лета в палеозойских болотах ему совсем не улыбалось.

...Так далеко он ещё не забирался во времени, всё больше предпочитая путешествия на симулякрах реальности — вводные те же, зато комбинаторика намного поворотливее, и опасностей, пусть и мнимых, на порядок меньше. Всё одно — проще сознавать, что на самом деле лежишь в медкоконе, и готов в любой момент выйти из иллюзии. Но жить в матрице было не по профессору Ефремову. Профессор Ефремов стремился к реалистичности во всём, и не скрывал пренебрежения к результатам, полученным методом голографической палеопроскопии.

Исследование Очёрской фауны и флоры — вот тема для летней практики. Тема общая, постановка проблемы и её решение — часть задания.

— Вы должны учиться мыслить глобально, сударь! — назидал профессор Ефремов, размахивая перед лицом студента Антипова указательным пальцем. Тот следил за пальцем и представлял, как этот же палец подковыривает черепа ископаемых в препараторской. Это было поэтично.

...Тепло, влажно и невероятно красочно, а голова кружится от избыточного кислорода — вот первое впечатление от позднего палеозоя.

Ровным слоем размазанные по небу облака превращают простой закат в закат протоплатонический, где весь мир предстал сумрачной пещерой, на стене которой копошились многочисленные тени. Здесь тоже в густых тенях кто-то неустанно копошился, нервирова и заставляя следовать всем пунктам и без того зазубренной наизусть инструкции по обустройству в чужом времени. Хотелось рвать и метать, забросить трёхочковый какому-нибудь тетраподу или жёстко оттеснить его от корзины и всадить мяч сверху, но местное население по неразвитости явно не в курсе игр, придуманных человеком; живёт по своим дедовским правилам. Относительно их деталей уже студент Антипов был не в курсе, но о главном его предупредили. Поэтому он направил свой кислородный азарт на предотвращение необходимости выступать на чужом поле по чужим правилам. Ибо после неизбежного поражения новичка (с местной судейской системой, полной древней коррупции, это уж точно) местные знаменитости будут страшно рады. Но матч-реванш играть откажутся. По двум причинам, первой из которых (субъективной) будет сытость, а второй (объективной) – играть за людей будет некому. Поэтому Антипов стал рвать и метать в деле выстраивания негостеприимной стены между собой и хозяевами планеты.

– Вот так вот всю дорогу: приходим в гости – и сразу в танк поглубже, – сочувливо думал он. – Велико ещё в нас недоверие к братьям меньшим, и спесь лютая, кроманьонская ...

Последняя мысль его совсем расстроила, но на скорость установления портативного лагеря не повлияла. Дело – прежде всего, и идею матча-реванша раньше времени вносить на планету не след.

Скомпактифицированная палатка, привезённая в нагрудном кармане, напичканная молектроникой и исследовательской аппаратурой, вспухла островом надежды и разума в этом спящем бессмысленном мире. Отпугиватели хищников и насекомых самовключились немедленно, локаторы высветили интерактивные карты местности с трансляцией в прямом эфире передвижений всей местной фауны.

264 миллиона лет назад... Студент Антипов, укладываясь спать на удобный пеноматрас, пребывал в возбуждённом состоянии, поэтому принял таблетку антиозонита, чтобы понизить уровень кислорода в крови, и подумал о том, что собственно, поспел к шапочному разбору – начало палеозоя отстоит от его теперешнего положения на приблизительно аналогичный срок времени.

Его всё время подспудно злили эти числа, представить их зримо было невозможно, постоянно казалось, что тут скрыт некий подвох. словно кто-то жонглировал цветными шариками у него перед носом, а в руки их не давал. То есть сейчас он в самом конце палеозоя, в последнем периоде – пермском. И, кстати, недалеко от исторического райцентра Пермь, хотя очертания материков изменились радикально. Но этот самый

конец продлится ещё 12 миллионов лет. И только потом наступит местный армагеддон, самый, между прочим, жёсткий из всех предсказанных и состоявшихся. 95% жизни погибнет! Но... отдалённые потомки ныне царящих звероящеров, тайно передавая друг другу в норах олимпийский факел лидера эволюции, останутся. Надо будет обрести им неустрашимую веру в своё предназначение, стать тонкими знатоками телеологии и фрактального номогенеза, чтобы не дрогнуть не предать высшую цель.

И спустя 190 миллионов лет унылой ночной жизни в подземных коммуникациях, торжествующе вытаскивая они мелкими цепкими лапками сей факел на поверхность – дабы вбить его как осиновый кол в могилу динозавров – извечных лютых врагов, непобедимых демонов, под чьей фашистской железной пятой прошло мрачное катакомбное детство первых млекопитающих. Однако, Вечная Слава и такая же Память! Отныне навсегда страх и отвращение к пресмыкающимся будет запечатлён в самые дремучие глубины только нарождающейся психики, впечатан в пси-геном существ, промысляющих млекопитанием.

Но сейчас на дворе поздняя Пермь, никаких динозавров ещё нет, и вольные наивные души уже увядающих диметродонов и дейноцефалов – наших кривых и косвенных, на седьмой воде без киселя, но таких родственников – парят в предвкушении будущего эволюционного взлёта. Мы лучшими были и лучшими будем – так о чём беспокоиться? Не умрём, но изменимся! Такова историческая неизбежность! А отдельные трудности и недостатки – они всегда будут, пока естественный ход процессов не приведёт их к искоренению. Зачем о них сейчас думать и говорить, когда в итоге все будут счастливы? Так, вероятно, рассуждают все эти, с позволения сказать, родственнички, больше похожие, по правде говоря, на отвратительных динозавров, нежели на каких-нибудь очаровательных гиенодонов.

Мда-а... это был лихой палеозой, мы развивались как могли! Поэтому студент Антипов вызвал в себе толику снисходительности. В конце концов, до динозавров 30 миллионов лет – прослойка времени достаточно безопасная. Не придут. И будут ещё толпы цинодонтов в качестве избыточного разнообразия рулить на планете несколько миллионов лет, не понимая, что они – наивные лопухие школьники и вместо прототибрисов следует наращивать познания в боевых искусствах. Эта солидная мысль не очень понравилась вчерашнему школьнику Антипову, поэтому он скомкал её и быстро вернулся к текущим героям Пермского края. Всё-таки трудно их упрекать в бездействии. Решать следует проблемы своего времени, ибо – времена не выбирают, в них живут и умирают! И местные философы это неплохо, видимо, понимают...

Да... в данное время быть эдакозавром – уже состоявшийся успех! Так Плотин или Ямвлих наслаждались когда-то закатным великолепием эллинской мифологии. Палеозой начался с плеченогих и трилобитов, но эти консервы с их образом жизни не могли рассчи-

тивать на получение жёлтой майки лидера и довольствовались малым. Равно как и самые ранние морфозетики австралийских сумчатых существ или городского гламура эпохи постмодерна – представители сланцев Бёрджеса типа обалдевшей от собственной эффектности и предчувствуемой пустоты и никчемности своего изящества сногосшибательной красавицы галлюциногении. А вот малозаметная и совершенно неэффектная пикайя пронизательно вильнула в сторону не поверхностного симбиоза с псевдокристаллами внешнего скелета, но их опутывания своим мягким иньским телом. И с тех пор наступил всемирный матриархат, как утверждают представители всемирного радикального мужского союза.

Диалектику эволюции студент Антипов учил прилежно и понимал, что за каждое достижение приходится расплачиваться. Перенос скелета из внешнего положения во внутреннее всячески способствовал, но он же закреплял в первых бороздках протоархетипики позорную зависимость от женщины. То, что половой диморфизм появился раньше, представляет собой поверхностный феномен и лишь ничего не соображающее, полное прямолинейности и зависимое от очевидности мышление технократов-кроманьонцев способно придавать ему онтологический статус. Но студент Антипов был не из таких! Он понимал, что тупиковые ветви эволюции – так говорили раньше, или псевдоэстетическая видовая морфоэкспансия, как сказали бы теперь, – лишь фокусы опытного иллюзиониста, сияющие отвлечь внимание самопознающей духоматерии от узнавания самой себя в зеркале разума.

Зреть следует в корень! – эту старинную формулу преподавали ещё в школе. Группакистепёрых граждан – вот одно из отдалённых следствий фундаментального решения пикайи жить пусть беззащитно, но по заветам номогенеза. А ползающие за палаткой сейчас в темноте синапсиды – отдалённое следствие того отдалённого следствия. Отдалённым следствием которого, в свою очередь, является сам студент Антипов, и он силой своего разума не даст угаснуть видовой памяти предков. Прославит каждого!

... Как и почему отказала автоматика, до того априорированная в тысячах больших и малых экспедиций? Понять это было невозможно, это просто был какой-то кошмарный сон – как мифы последних невинно убиенных неандертальцев. Но она отказала. Экраны погасли, вихревой хроногенератор «Сатурн-13» перестал мерцать в ультрафиолете. Отпугивающие сигналы прекратились. Немного энергии осталось лишь в парализаторе и ещё нескольких мелких автономных приборах. И немного еды осталось, ибо пищевой психосинтезатор отказал также.

И почти сразу студент Антипов стал свидетелем мрачной драмы, коих разыгрывалось полно и в его отсутствие. Но тогда они были лишь частью существования биосферы, не более. Теперь стали шекспировским сюжетом. Это было непросто – понять, что стоишь лицом к лицу с гигантской, жаждущей насилия тва-

рю. Корабли Колумба поначалу тоже казались аборигенам неясной оптической флюктуацией.

То ли гром, то ли вулкан, действующий неподалёку, то ли тягостное воспоминание детства в страшном неотрефлексированном сновидении. Нет, рубилом ему по прямохождению! Всё правда, сейчас и здесь. Туточки то есть прямо. Перед глазами. В шаговой доступности. Серая глыбастая туша проворно тискала полутонными лапищами вжавшуюся в песок игуану. Сипло урчала и пыталась подковырнуть добычу – в точности как профессор Ефремов подковыривал ископаемые черепа. Что настораживало и заставляло думать о заговоре.

«Может, это брачные игры?» – севшим голосом подумал студент Антипов и тотчас устыдился предположения. В следующую секунду он бездумно заорал:

– А ну пошла вон, с-скотина такая! Инфляция не отработана, что ли??? Куда впёрлась за буйки, г-гадина! Это моя территория, т-тварюга нерусская, а русские детей и женщин не обижают!

Лелея в душе студёную и чёрную жуть, он подбежал к бугристо сокращавшейся пятиметровой туше и пнул её ногой – не со всех сил, чтобы не повредить жизненно важные органы (ибо гуманизм!), но чувствительно.

Тварь замерла и обернулась.

Клацнула громадная пасть, дохнула невыносимым смрадом, мигнули слюдяные базедовы глазки. И студент Антипов сел, где стоял. Только механически вытянул вперёд руку с парализатором и нажал на спуск. Громадный биаморзух антонозавр (а это был именно он) тоже сел – не от удивления, от мощного разряда. Посидел, посипел в рукав и быстро пополз в заросли. Не стал прощаться, искать дорогу. Ушёл обиженно. И человек едва отдышался, по-прежнему сжимая ствол парализатора как последнюю надежду. Так оно, собственно, и было, ибо на гуманное отношение к военнопленным в нынешней обстановке рассчитывать не приходилось.

Подобрался к ящерице, которую хищник предназначил себе на обед. Понемногу откалибровал образ мира, присвистнул. Вовсе она и не ящерица (собственно, и откуда бы?) – почти двухметровый лабиринтодонт недвижимо покоился, вжавшись в мокрый песок. Поначалу даже показалось, что всё – финиталитрагедия, но нет. Тихо шевельнулась спасённая жертва, открыла продолговатые слезящиеся глаза, скосила их на спасителя. И снова закрыла. Студент Антипов растерялся. То ли травмирована была краса, то ли корабли Колумба мешали ей разглядеть в человеке достойную внимания часть ландшафта, но на все призывы отозваться она ответила даосским молчанием.

У-эй.

Почему она, а не он, почему игуана, а не крокодильчик? – мгновенно провёл рефлексию испуганный человек.

– Да потому что, судя по всему, это была молодая коржаковия, сущность известная в кругах палеонтологов, как и атаковавший её антонозавр. Названный словно аккурат в честь профессора Ефремова.

«Это явно одна генетическая линия, явно! – понял студент Антипов, – даже жесты лап остались те же! Вот попал...» Кажется, радикальный гуманизм профессора завёл его далеко в вопросах педагогики, и он превосходно знал, куда отправляет своего ученика. И зачем. Значит, задание явно не линейное, в нём есть скрытое качество. Студент Антипов нехорошо рассмеялся – нервно так, со всхлипами. Он не станет заложником игры, выдуманной злым гением коварного кроманьонца! Оберечь коржаковию от притязаний прошлой инкарнации профессора – вот смысл его попадания сюда. Может быть, он спасает важную эволюционную линию и всё будущее антропоморфного матрицентризма в лице – ну, то есть в морде – смиренно и скромно замершей коржаковии.

Неотения – вот поразительный ключ к процветанию современной цивилизации со всеми её успехами и подлинным господством знающего и не волящего сверх меры над природой. В этом секрет и успешной работы со временем... который забарахлил что-то не к месту, правда... Личиночные формы взрослой особи вдруг обретают самостоятельное бытие и научаются существовать сами. То, что на самой заре биноккулярного разума звали детьми синего фламинго, стало таковыми переходными формами к бодрствующему человечеству современности. Только физиологическая эволюция втянулась внутрь. Великая интроспективная революция – лишь строка в учебнике для обозначения рубежа создания нового вида. Студент Антипов криво улыбнулся. Именно у моих предков всё это уже было – развитая интуиция и телепатия! – подумал он. Усиленные затылочные части черепа тому свидетельство, и нынешние спецы, катающиеся по маршрутам кайнозоя в рамках научного туризма, это прямо подтверждают. Но сейчас эта мысль не принесла торжества. «Поторопились с телепатией, – ожесточённо подумал студент Антипов, – Полезли на гору, а снаряжение оставили. Что же ждали? Но я не такой... Мои предки по матушке всех победили, включая предков по бабушке, и я этому профессору покажу!»

Приободрённый, студент Антипов занялся делом. Оптимизировал работу оставшихся приборов, натащил камней покрупнее к палатке, ибо зарядов в парализаторе оставалось немного. Без пищи он мог продержаться максимум пару недель. Интересно, сколько без пищи продержится антонозавр?

А он ползал неподалёку, в ксерофильной ассоциации с доминированием хвойных семейств; изредка появлялся. Пару раз вторгался в будущие паракаламиты, среди которых на малом возвышении стояла палатка чужака. Пытался пробраться к коржаковии. И получал достойный отпор! Его уже не боялись, встречали лихо. Студент Антипов добыл огонь и старался его поддерживать. Чтобы не травмировать неокрепшую психику

коржаковии, кострище сложил с другой стороны палатки. Всё-таки коржаковия любила больше мокрое.

В попытках понять её анатомию на предмет возможных повреждений, студент Антипов стал с ней часто разговаривать, называя Галиной Анатольевной – в честь одной из первых женщин-палеонтологов и была названа много веков назад сия флегматичная гадина. А что прикажете делать? Человеку нужно общение, человек нуждается в обществе! Мы в ответе за тех, кого приручили – это студент Антипов хорошо помнил. Не сказать, что масштаб приручённости был велик, но коржаковия, хоть и начала ползать временами – очень короткими – но никуда не уходила. И было невозможно понять: то ли боится преследований недруга, что навязчиво бродил неподалёку, то ли пока здоровье не поправила, то ли просто жила здесь постоянно и теперь сама недоумевает – кто это и зачем явился на её территорию? Но, как дама интеллигентная вслух задать такой вопрос не решалась. Впрочем, студент Антипов и так выболтал ей всю свою историю и даже добавил пару ненужных подробностей.

Антиозонит скоро кончился, еда тоже. Студент Антипов пробовал на вкус побеги молодых каламитов. Но палеозойская спаржа оказалась несъедобна. Осталось только любоваться философемами, заключёнными в мутовчатое ветвление молчаливых стеблей. Тихая лагуна изредка привлекала внимание всплесками, но тёмная вода настораживала. Поэтому человек не купался. И коржаковия, чьи охотничьи угодья располагались в стороне, где заросли хмызника вплотную входили в воду, туда тоже не стремилась. Так и жили.

Безветренная, сверхнасыщенная кислородом жара, сообщающее неловкое, бросающее в пот, ежеминутное возбуждение. Тлеющие бесконечно долго однообразные закаты и рассветы. Странная Луна по ночам, которая не улыбалась, подобно Джоконде, а скалилась. Хотелось подняться на скалистую гряду, осмотреться, почуять хоть какой ветерок, прохладу. Но силовое поле отсутствовало, а бродящий вокруг хищник мог запросто уничтожить палатку. И даже не заметить этого что самое обидное.

И ещё – почему-то запаздывала помощь. Определить его хронокоординаты было сложно, но можно, тем более, маршрутная хронокарта покоилась на кафедре среди прочих заданий для пересдачи. Самое простое решение – съесть Галину Анатольевну – студенту Антипову пока даже на ум не приходило. Ворочалось в бессознательном, подобно камням в его далёком неандертальском будущем.

– Что же мне делать с тобой? – помутневшими глазами студент Антипов глядел в немигающие слюдяные глазки Галины Анатольевны. Та лежала смиренно и тихо улыбалась. Прошлая инкарнация профессора Ефремова бродила неподалёку и пыталась сообразить своим неразвитым палеозойским умом – почему добыча ведёт себя столь неправильно. С тоской и одновременно со злорадством студент Антипов подумал, что именно

его роль определила последующее кармическое восхождение тупого звероящера. Вынужденный столкнуться впервые в жизни с такой суровой экзистенцией, антонозавр должен был или тупо умереть, или пробить прямое решение – в обход намертво, казалось, отлитых видовых программ.

– Так-то, голубчик кроманьонский! – бормотал студент Антипов, с трудом переваливая камни и складывая из них первую на планете стену. – Станешь у меня разумным, поймёшь, что был до меня тупой хищной скотиной, и всё! И всей своей эволюцией будешь обязан именно мне! И ей.

Он скосил глаза на умиительно улыбавшуюся коржаковию. Сделал шаг, ракурс переменялся, и та уже не улыбалась – просто грузной и тупой плюхой замерла в болотной жиже. «Вот и наша жизнь такова же», – подумал студент.

Антон Иванович зашлёпал тяжёлыми лапами с другой стороны холма, издал невнятное сипение и выжидающе замолк. Вверх уже не лез.

– Учишься, голубчик... – констатировал студент Антипов. – Ну, ты тварь безмозглая, так что путь до профессора будет тернист и горек!

И он наугад швырнул камень в сторону обозначившегося шевеления. Шлепки по жиже убыстрились – будущий профессор отполз, на время потеряв азарт преследования.

Антипов острой добыл двух крупных и неповоротливых, словно из соседнего сна, рыб. Одну отдал Галине Анатольевне – сунул прямо в приоткрытую пасть. Никакой реакции не последовало, но пока он с другой стороны холма разводил костёр и коптил свою рыбину, коржаковия поужинала. При нём, наверное, стеснялась.

Какого чорта столь здоровому мужику, как антонозавр, приглянулась мелкая коржаковия из соседнего биоценоза – Антипов не мог понять. Это было явно что-то личное, при всей нелепости таких объяснений для окончания Пермского периода. Как, впрочем, и для его начала и середины, а также последующих двухсот шестидесяти четырёх миллионов лет ещё не произошедшей эволюции.

Постоянно на берег выходили из леса неповоротливые питательные эстеменнозухи с очаровательными шариками на милых рожках, придающих им странную грацию гипербегемотов в очках. Иваныч от обычной диеты не отказывался – думал о правильном пищеварении – но в симпатиях был упорен и бродил вокруг импровизированного лагеря неотступно. Антипов с парализатором в одной руке и факелом в другой выходил к нему на переговоры, надеясь окончательно смутить сочетанием человеческого голоса и огня. Иваныч отползал в чащу и оттуда пристально зырил на парламентаря. В спор не вступал, явно лелеял какую-то думу...

Рыба исчезла с мелководья, только крупные отвратительные гриллоблаттиды вечно уползали под папоротники. Коржаковия не жаловалась на раны, но сама передвигалась с большим трудом. Есть было нечего. Страдал от голода и студент Антипов. Он хотел сделать ловушку на эстеменнозуха, но и те ушли глубже в лес и уже не появлялись поблизости. Иногда были слышны их передвижения, вздохи и ворчания, но и они сдвинулись на грань слуха. Неотступен был только антонозавр с печальными глазами. Он не нападал, просто, казалось, ждал чего-то.

Через несколько дней студент окончательно понял, что единственный источник еды в округе – Галина Анатольевна. И если он хочет дожить до спасательной экспедиции – а думать, что она может не прийти или задержаться на месяцы, было попросту страшно и бессмысленно – то надо её съесть. После всего совместно пережитого думать об этом было неприятно. Мятущиеся кроманьонцы, меняющие убеждения каждое столетие, так бы и поступили. Их не поймёшь. Сегодня они охотятся ведьм, завтра строят коммунизм, а что будет послезавтра? Но человек истинный видит суть. И поразительная, приводящая в смущение суть в том, что даже Антон Иванович, явно голодающий последние дни, есть Галину Анатольевну пока не торопился. Терпел. Худел. «Заклятье на ней какое-то, что ли?» – вдруг агрессивно пробормотал студент Антипов, угрюмо копая ямку для... чего-то – он уже и сам порой терял осознанность каждого действия. Сзади послышалось шевеление. Галина Анатольевна подползла к нему и боднула своей нескладной тяжёлой головой. И снова затихла. Чего-то силилась сказать, но не могла – строевые черепа не позволяло. Или просто задела, не обратив внимание? Вот и разбирайся поди.

К огню антонозавр по-прежнему относился с недоверием и определённую черту не пересекал. В какой-то момент это начинало производить впечатление деликатности, тогда студент Антипов вскакивал и усердно занимался гимнастикой, чтобы почувствовать своё тело и вообще собственную реальность в этом томительном, но полном энергии мире. Но один раз они столкнулись в лесу практически лицом к лицу. Студент Антипов понял, что сердце его проваливается вниз и запутывается в животе. Антонозавр был огромен, и он первый увидел человека.

В первый раз Антипов увидел в нём не скучного профессора, а великого мыслепозта прошлого, в честь коего, собственно, сия тварюга и была названа. Судорожно вспоминая строки из обязательных к внимательному прочтению книг, он стал лепетать их, пытаясь убедить чудовище не портить карму и проходить мимо.

– Самое сложное – сам человек, потому что он вышел не подготовленным... не то... «Лебедь» будет доступен нашему зову ещё 17 часов... а-а-а!.. этот гад не знает, что такое лебедь! Вот, слушай, дорогой, это тебе предстоит написать: из палеонтологической летописи – слышишь? – из твоей летописи, с-скотина, это про тебя написано! – вытекает гуманистическое учение

о космическом будущем человечества. Ты понимаешь? я – человечество! И ты будешь человеком. Все будут людьми. А были мы звёздами, истоки наши в них, понимаешь? Мы братья с тобой, мы не должны ссориться. Всем сейчас тяжело, и мне, и Галине Анатольевне...

Внимательно слушающий и запоминающий отточенные формулировки антонозавр при этих словах вдруг резко двинулся вперёд и быстро прочавкал, изгибаясь, мимо онемевшего от страха человека. И с треском скрылся в зарослях, откуда пришёл Антипов. А тот бессильно опустился на влажные выступающие корневища кордаита.

– Гингкофилум сапорта... – молвил Антипов бесцветно. И подумал почему-то, что у китайцев ещё больше прав называть себя первыми людьми – ибо синантропы оставили-таки небольшой след в геноме современного человечества. А антонозавры оставили? А коржаковии? Коржаковия... Галина Анатольевна! Антипов подскочил как ужаленный. Будущий философ и скульптор слова, предвосхитивший Великую Интроспективную революцию, шустро уполз по направлению к холму, где тосковала раненая и голодная Галина Анатольевна. Чтобы сожрать её.

И студент Антипов бросился к лагерю, лихорадочно пытаясь придумать, что он будет делать, когда страшилище нападёт на добычу. «Отвлеку внимание каки-нибудь, а там как пойдёт, – решил Антипов. – Тварь скоро устанет, обмен веществ не тот, а там поглядим! Разожгу костёр, сделаю факел, сам его напугаю. Я царь природы!» Избыточный кислород пьянил, а уровень адреналина зашкаливал.

Роща саговников осталась позади. Энергия выплёскивалась в прыжках и бессвязных выкриках.

Но перед пучком хвощей, что обозначали границу пространства, воспринятого своим, замедлился. Мало ли что ибо. Увиденное поразило Антипова до палеозойских глубин его души.

Огромный Антон Иванович производил рядом с вжатой в мокрую глину коржаковией ошеломляющее впечатление. Без сомнения, он был страшным и опасным хищником – в том числе для человека.

Тем страннее было наблюдать за тем, что весь внутри-видовой опыт студента Антипова позволял интерпретировать не иначе как... ухаживания.

Ящер довольно бодро ползал вокруг подруги, и длинный тяжёлый хвост волочился за ним в недоумении – что с хозяином? Он вертел длинной уродливой башкой с неожиданным проворством, возбуждённо тёрся о смиренно возлежавшую коржаковию. Пару раз даже перелез через неё – и Анатольевна следила за ним крупными, близко посаженными глазами, а после прикрыла их – то ли от блаженства, то ли от ужаса (в психологии палеоамфибий студент Антипов не был силен). Иваныч пытался приобнять лабиринтодонтиху своими короткими сильными лапами, но промахивался всякий раз, соскальзывая с гладких налитых боков, ибо его конечности эволюционно не были приспособлены к такой ювелирной процедуре. Старательно издавал звуки – очень странные звуки. Заворожённый студент Антипов, полный эмпатии, впоследствии клялся, что это были вздохи о судьбе-злодейке, разлучившей возлюбленных по разным видовым коридорам. Несколько раз коржаковия слабо шевельнула коротким хвостом, отвечая на особо бурные излияния чувств в свой адрес.казалось, что ещё немного – и замурлыкает.

Но делать этого она не стала.

Рубчатые пластины её неуклюжего неповоротливого тела не имели возможности пылко отозваться на бодания и теребления, да и вообще пылкость оставалась глубоко сокрыта в ней, пока ещё эволюционно не отделившись от недоумения, страха быть съеденной и охотничьего азарта, каковой выражался, впрочем также через бесконечное терпение и йогические практики полной неподвижности. Так рождались на планете первая любовь и первая мудрость.

... Таким навсегда и запомнился палеозой студенту Антипову. С блаженной улыбкой на измождённом лице его нашли спасатели и аккуратно транспортировали в хронокапсулу, тщательно уничтожив следы пребывания человека.

Зачёт был получен. Студент Антипов отправлен в реабилитационный санаторий на Сокотре.

Фыркающий от удовольствия профессор Ефремов долго разглядывал сбивчивые мнемogramмы ученика, мечтательно вспоминал свои студенческие вылазки в прошлое. После, вдохновлённый, приказал домовому сделать мягкую точечную подсветку в светло-апельсиновом спектре и сел писать заключительную главу своей новой монографии: «Протопсихотехники палеозоя: мифы и реальность».

Иллюстрация Г. Тищенко.

КИНО, ТЕЛЕВИДЕНИЕ И ИВАН ЕФРЕМОВ

Многие мои рисунки и картины по книгам Ивана Ефремова можно рассматривать, как эскизы к фильмам. Я прекрасно понимаю, что в полнометражном художественном фильме для проката в кинотеатрах не удастся передать даже небольшой части идей и размышлений Ефремова. С каждым новым произведением Ефремов всё больше заботился о том, чтобы донести до читателя свои размышления о природе стремления Человека к Познанию, об истоках таких понятий как Красота, Любовь и Дружба. В романе «Туманность Андромеды» информационные отступления ещё не носят признаков лекций (часть информации помещена в конце романа, в словаре), но при чтении повести «Сердце Змеи» и особенно романов «Лезвие бритвы», «Час быка» и «Таис Афинская» становится понятно, что не могут персонажи говорить такими длинными монологами и диалогами.

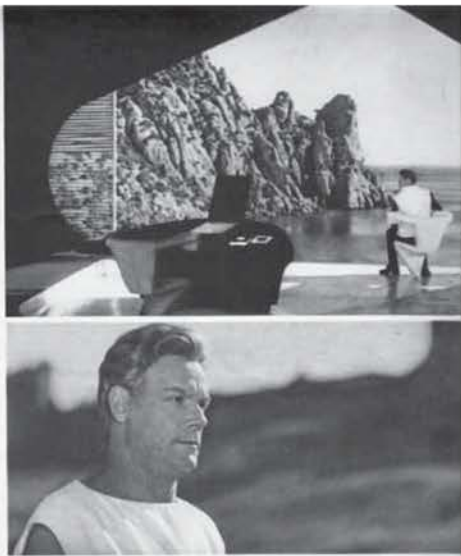
Да, Ефремов сознательно делал своих персонажей «рупорами» своих идей и размышлений. Его герои щедро делятся с читателями своими энциклопедическими знаниями. Это касается не только романов о настоящем и будущем. Таис Афинская и другие герои знаменитого романа Ефремова также удивляют читателей своей эрудицией, благодаря которой мы узнаём немало интересного об античности. Иногда Ивана Антоновича спрашивали, почему он не пишет статьи, или научно-популярные книги на темы, которые он считает важными. «Фантастику любят и читают больше», отвечал Ефремов. Как ещё мог Ефремов донести полезную информацию и свои размышления до как можно большего числа вступающих в жизнь людей?!

И, мне думается, мы можем только благодарить его за это!

Однако художественный фильм или анимационный (а сейчас энтузиасты пытаются экранизировать Ефремова и средствами мультипликации) – это не научно-популярное кино. Как же быть?

«УМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ»

За студията пише А. П. Дождева, ръководител на Шрибратковото предприятие. Тя е авторка на научно-фактическият раздел "Становищата на Американада по някои актуални политически въпроси". Тези първоначални послания, написани в началото на 1960-те, са изключително важни, тъй като са първите, които се отнасят до работата на *Журнала*. Автори са: Е. В. Димитриевски и Е. Шрибратков, директор на *Журнала*, хуманист А. Воденичаров. Файла *Братски писания* е информативен.

* — Я представляю себе
Дар Витру как на работе и
думал, что он тоже несчастен

— Да, сурма. Мелкогала
мелкогала жара, на сурмашу
сметати мелкогала с хубаво и
малко брзичко мелкогала.

В ролях Дар Ветра — Сергей
Стелларов

О ЖЕЛАЕМОМ
И ВОЗМОЖНОМ

[illegible][illegible][illegible]

REFERENCES

гг. Реч. Бода — Александр Гурьев, в реч. Мухом. Мухом. — Александрович.

[illegible][illegible]

Поделяюсь своими впечатлениями о фильме «Туманность Андромеды». Известно, что Иван Антонович был недоволен этим фильмом, снятом на киностудии им. Довженко в 1967 году. Однако, публично на эту тему он не высказывался. Причин было несколько: во-первых, автором сценария был его друг Владимир Дмитриевский (соавтор – режиссёр фильма Евгений Шерстобитов). Ефремов критикой фильма не хотел «подставлять» друга. Но и по хорошим сценариям нередко ставились отнюдь не шедевры. Реже бывает наоборот. Пример тому – фильм Андрея Тарковского «Иваново детство». Евгений Шерстобитов учился в одной группе с Андреем Тарковским и Василием Шукшиным у самого Михаила Ромма. Короче, он был крепким профессионалом, снявшим такие успешные в прокате фильмы как «Юнга со шхуны «Колумб», «Акваلانги на дне», «Мальчиш-Кибальчиш». Материальное же положение Дмитриевского было незавидным, и Ефремов настоял на том, чтобы именно Владимир Иванович стал автором сценария фильма «Туманность Андромеды». Тем более что он был знатоком творчества Ефремова (в 1963 году он и Евгений Брандис опубликовали книгу о Ефреме «Через горы времени»). Киносценарии оплачивались в те годы хорошо.

Почти сорок лет своей жизни я посвятил кинематографу. Был художником по комбинированным съёмкам, затем сценаристом, режиссёром и даже актёром (озвучивал американского астронавта, похожего на Арнольда Шварцнегера в моих мультфильмах «Вампиры Геоны» и «Хозяева Геоны», бортинженера Макса из мультфильмов «АМБА» и «АМБА 2» и т.д.) При этом в титрах свою фамилию старался не упоминать.

И без того руководство раздражалось из-за того, что я был автором сценария, режиссёром и одним из художников-постановщиков. Поэтому не мог я, в случае провала фильма, обвинить в этом сценариста, или художника-постановщика, чья роль в мультфильмах неизмеримо выше, чем в фильмах художественных.

Когда я в 1967 году увидел фильм «Туманность Андромеды» я был огорчён тем, что по такому замечательному роману был снят излишне пафосный фильм. А ведь этот фильм любители фантастики и поклонники творчества Ефремова так ждали! Помню статью в «Технике-Молодёжи» о съёмках «Туманности Андромеды». И кадры из фильма мне понравились, и костюмы, и декорации. Я даже смирился с тем, что у Мвен Маса, мягко говоря, не чувствовались африканские корни. Актёр Ладо Цхварашвили в роли Мвен Маса был убедителен. Соответствовал представлениям об Эрге Нооре и актёр Николай Крюков, хотя на мой взгляд, и был староват. Ведь люди будущего будут выглядеть моложе сверстников из нашего времени.

Это касается и Дар Ветра в исполнении замечательного актёра, Сергея Столярова, бывшего эталоном русского человека благодаря ролям в таких фильмах, как «Космический рейс» (в котором он играл роль руководителя старта!), «Цирк», «Садко» и многих других. Как типаж Столяров замечательно подходил для роли Дар Ветра и играл свою роль достойно. Но, несмотря на грим, чувствовалось, что он староват. Ведь со времён съёмок в фильме «Космический рейс» прошло более 32 лет!

К сожалению, в немалой степени из-за кончины Сергея Столярова так и не были сняты вторая и третья части фильма «Туманность Андромеды».

В принципе, подходила к роли Веды Конг и Вия Артмане. Но она была всё-таки полновата. Мне кажется, не такими представлял себе Ефремов гармоничных женщин будущего.

А вот Татьяна Волошина в роли Низы Крит вообще не соответствовала образу, созданному Иваном Антоновичем. Да Низа Крит по описанию Ефремова была молода, импульсивна, но отнюдь не глупа! А у Низы, в исполнении Волошиной, глаза совершенно пустые.

Единственный образ соответствующий моему представлению о людях будущего, — врач звездолёта «Тантра» Лума Ласви, роль которой исполнила юная и ещё не знаменитая Людмила Чурсина. Несмотря на молодость, прекрасные глаза Чурсиной полны мудрости. И веришь: таким женщинам по плечу решение любых проблем.

Сейчас, при повторных просмотрах этого фильма, понимаю: если бы продолжение было снято, общее впечатление о фильме было бы лучше. Впрочем, юные зрители приняли фильм с восторгом. В 2014 году я снял фильм «Зачем нам нужен этот космос», в котором взял интервью у многих учёных и космонавтов. Естественно, задавал вопрос о том, какую роль в их жизни играли книги Ефремова. Приведу фрагмент интервью с космонавтом Александром Лазуткиным:

Александр Лазуткин: Я всё искал, что нужно делать, чтобы стать космонавтом и что делают космонавты. В то время это можно было прочесть в научно-фантастических книгах.

Геннадий Тищенко: А кто были вашими любимыми фантастами?

Александр Лазуткин: Казанцев был, Стругацкие. Ну, это, в принципе, те писатели, которые тогда формировали нас...

Геннадий Тищенко: А Ефремов?

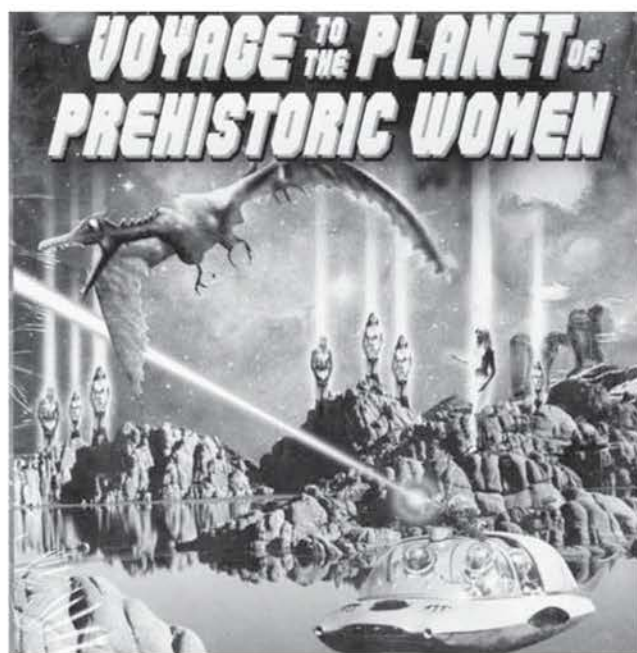
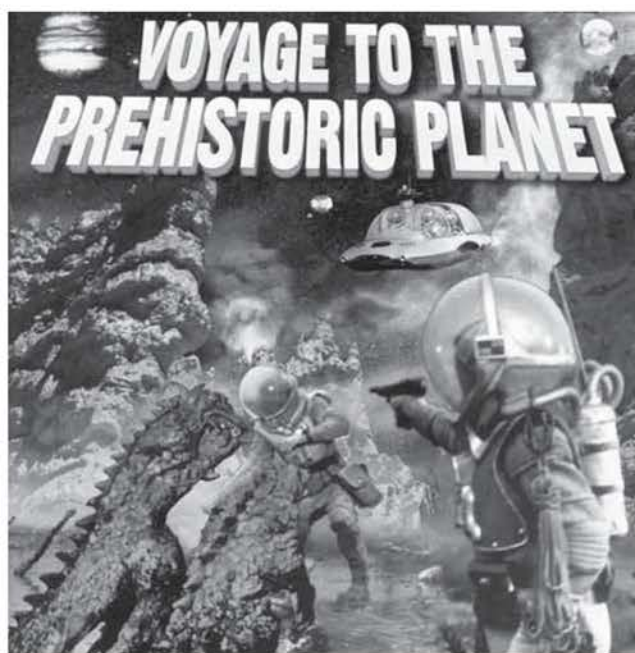
Александр Лазуткин: Ефремов был позже, когда я стал более взрослым, когда мне стали понятнее его

произведения. Хотя «Туманность Андромеды», фильм, который я смотрел по Ефремову, произвёл на меня глубокое впечатление! Я смотрел его совсем мальчишкой. Я ещё не читал тогда роман. Ну и в принципе, дальше желание стать космонавтом мной и двигало по жизни. Я даже считаю, что это помогло мне избежать вредного влияния улицы. Потому, что понимал: если я уйду куда-то в сторону, то не полечу к звёздам. Полететь туда хотелось больше, чем заняться чем-то другим. Уже после полёта я стал заниматься детьми, выступал перед ними и увидел, что, если с ребёнком разговаривать, то он открывается тебе и только таким способом можно донести да него что-то хорошее. Как то выступал перед детьми, ну, и рассказал, что такое космический полёт. Что-то упростил, приукрасил, чтобы это было понятно им. Когда урок закончился, ребята собираются и один, упаковывая свой ранец, говорит другому: ну теперь я точно знаю, что не буду банкиром! Сказал и отправился домой. Это приятные открытия для меня были по жизни. Я понял, что не зря живу на этом свете, если хотя бы в одну, две, три души я вселил эту мечту...

Ради таких вот мальчишек Ефремов и не критиковал фильм. Он понимал, что и такой фильм будет играть положительную роль в формировании ребёнка. В те годы фантастику снимали редко, и ещё реже выходили на наши экраны зарубежные фантастические фильмы. Надо отметить, что тогда западные фантастические фильмы уступали нашим по многим параметрам. К примеру, Кубрик, Лукас и Спилберг учились на фильмах режиссёра Павла Клушанцева, таких, как «Дорога к звёздам», «Планета бурь» и других. Фильм «Планета бурь» был куплен 28 странами, в том числе и США.

Для справки: В США фильм «Планета бурь» был перемонтирован студией «Америкэн Интернешнэл» («Roger Corman Productions») Роджера Кормана с изъятием ряда эпизодов и добавлением новых, и в таком виде выпущен в американский прокат под названием «Путешествие на доисторическую планету». Никаких упоминаний о том, что это кинопродукция из СССР, не было, а в титрах советским актёрам были даны английские имена и фамилии. Премьера фильма состоялась в США 1 августа 1965 года. Получившаяся продукция пришлась по душе американскому зрителю, поэтому в 1968 году на экраны вышел ещё один фильм «Путешествия на планету доисторических женщин», который уже, в свою очередь, являлся переделкой «Путешествия на доисторическую планету».

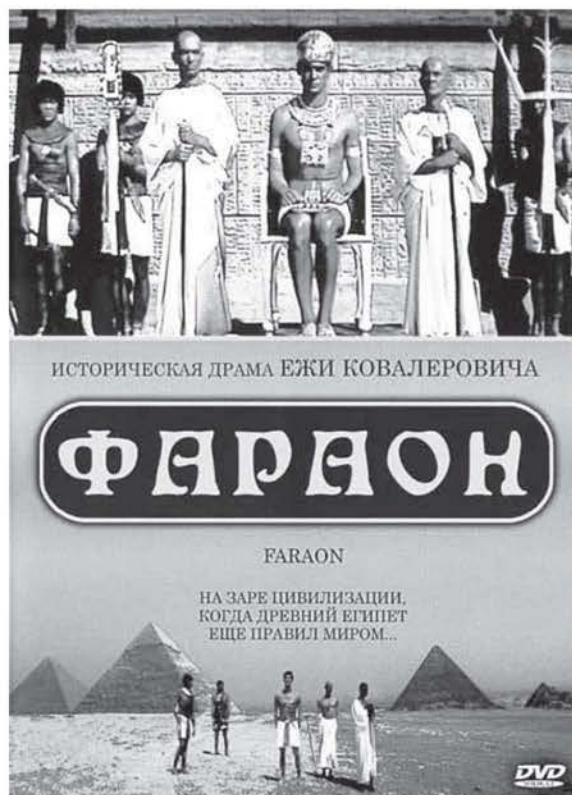
В кадрах из фильма «Путешествия на планету доисторических женщин» видны лица наших актёров Владимира Емельянова, Георгия Жжёнова и других.

Таких фильмов, как «Планета бурь», у нас было немало. Я помню с каким восторгом смотрел фильмы того же Павла Клушанцева «Дорога к звёздам», «Луна», «Марс». А ведь были фильмы и других режиссёров: «Небо зовёт», «Солярис», «Москва — Кассиопея», «Отроки во вселенной», «Через тернии к звёздам», «Дознание пилота Пиркса», мультфильм «Тайна третьей планеты». Их смотрит уже не одно поколение зрителей.

Я перечислил лишь часть наших фильмов, имеющих отношение к космической тематике. Но кроме фильмов о космосе были ещё такие культовые фантастические фильмы «Человек амфибия», «Гиперболоид инженера Гарина», «Земля Санникова», «Сталкер», «Завещание профессора Доуэля», «Приключения Электроника», «Гостя из будущего» и многие-многие другие. И пусть сегодня некоторые из перечисленных фильмов кажутся наивными, а комбинированные съёмки в них не идут ни в какое сравнение с современными компьютерными спецэффектами, но они формировали не одно поколение советских людей. Тех, кто превратил неграмотную аграрную страну в могучую державу, с мощным научно-техническим потенциалом, благодаря которому мы выживаем и в наше непростое время.

Что же мешает использовать возможности современного киноискусства при создании новых фильмов по произведениям Ивана Ефремова?

На мой взгляд, легче всего адаптируемым для кинематографа произведением Ефремова (и относительно недорогим) является повесть «На краю ойкумены». Этот фильм пользовался бы успехом и у нас и за рубежом. Ведь в этом историко-приключенческом фильме повествовалось бы о стремлении к свободе попавшего в египетское рабство греческого скульптора Пандиона, его друзей Кидаго и Кави, а также об их удивительных скитаниях по Африке, после побега из Египта. К примеру, фильм польского режиссёра Ежи Кавалеровича «Фараон» (по одноимённому роману польского же писателя Болеслава Пруса) посмотрели во множестве стран. В 1966 г. он вошёл в конкурсную программу Каннского фестиваля, а в 1967 г. номинировался на премию «Оскар»!

Фильм «Фараон» я упоминаю потому, что в России можно и нужно снимать фильмы, действие которых происходит в Древней Греции, в Древнем Египте, в Вавилоне и Древней Индии хотя бы потому, что они будут поставлены по произведениям великого русского писателя Ивана Ефремова! И рано, или поздно такие фильмы будут сняты, я уверен в этом!

Обречён на успех будет и фильм по роману Ефремова «Таис Афинская». Однако если ставить задачей, передать не только сюжет и экзотику древних стран, но и размышления Ефремова о философских проблемах бытия, то лучше снимать телесериал. Ведь смог же Владимир Бортко, в своём сериале «Мастер и Маргарита» передать не только сюжетные линии культового романа, но и сам дух его, и размышления Михаила Булгакова о жизни!

Великолепные сериалы можно снять по «Туманности Андромеды», «Сердцу змеи», «Лезвию бритвы», «Часу быка». Уверен: лишь в сериалах удастся вместить хотя бы часть того интеллектуально-духовного богатства, которое оставил нам Иван Антонович, поднявший научную фантастику на уровень мироздания и человековедения.

Телевидению мы должны быть благодарны за то, что по многим каналам неоднократно были показаны фильмы и передачи об Иване Антоновиче, такие как: «Откровение Ивана Ефремова» (1990 г.), «Оседлавший дракона» (2004 г.), «Последний коммунист вселенной» (2006 г.), «Человек Эры Кольца» (2007 г.), «Иван Ефремов. «Лезвие бритвы». Анализ романа» (2014 г.) и многие другие.

«Именно Иван Ефремов, развивая идеи Циолковского, показал Землю как один из множества островов Разума в беспредельном океане Вселенной». Так пишут о фильме «Откровение Ивана Ефремова» в Википедии. Этот фильм ценен ещё и тем, что в нём впервые сделаны попытки экранизации фрагментов таких романов Ефремова, как «Час быка», «Лезвие бритвы» и «Таис Афинская».

Иллюстрации:

1. Татьяна Волошина, Людмила Чурсина и Николай Крюков в ролях Низы Крит, Лумы Ласви и Эрга Ноора.
2. Вия Артмане в роли Веды Конг.
3. Александр Лазуткин и Геннадий Тищенко.
4. Кадры из фильма «Планета бурь».
5. Георгий Жжёнов и Владимир Емельянов в фильме «Планета бурь».
6. Кадры из фильма «Путешествия на планету доисторических женщин».
7. Кадр из фильма «Откровение Ивана Ефремова». Елена Романова в роли Фай Родис.
8. Коллаж-афиша фильма «Откровение Ивана Ефремова».